

Российская Академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии
Ямальский филиал
Администрация Ямало-Ненецкого автономного округа
Департамент информации и связи с общественностью

ЯМАЛ В ПАНОРАМЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Материалы семинара «Теоретическо-методологическое
и методическое обеспечение исследований по истории Ямала»
г. Салехард. 19—22 декабря, 2004 г.

**Салехард—Екатеринбург
2004**

Рекомендовано к изданию ученым советом ИИиА УрО РАН

Редакционная коллегия:

д.и.н. В.П.Тимошенко (ответственный редактор),
акад. РАН В.В.Алексеев, к.и.н. С.Е.Алексеев,
к.и.н. Е.Т.Артемов, д.филос.н. М.Б.Беков,
д.и.н. Е.Г.Водичев, к.и.н. И.В.Побережников,
В.Н.Самков, к.и.н. Н.В.Федорова.

Я 54 Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара
“Теоретическо-методологическое обеспечение исследований по
истории Ямала”. г.Салехард. 19—22 декабря, 2004 г. — Екатеринбу-
бург: Банк культурной информации, 2004. — 224 с.
ISBN 5-7851-0556-X

В сборнике опубликованы материалы семинара-совещания по разра-
ботке концепции и структуры многотомного обобщающего исследования
по истории Ямала.

Материалы сборника представляют интерес для исследователей исто-
риков, преподавателей, студентов ВУЗов и всех интересующихся пробле-
мами исторической регионалистики.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА

Историография Ямала представляет собой составную часть историографии Сибири и Урала. Сибирскими и уральскими учеными Л.М.Горюшкиным, Н.А.Миненко, В.Г.Мирзоевым, М.Б.Шейнфельдом и др. сделано немало для изучения, прежде всего, дореволюционной историографии истории края¹. Характеристика советской и современной историографии Ямала содержится на страницах работ А.К.Омельчука, В.П.Петровой, Г.П.Харючи, посвященных истории края за большой исторический период², в ряде проблемных исследований³, а также в обобщающих работах В.В.Алексеева, А.В.Бакунина, Е.Б.Заболотного, В.А.Зибарева, В.Д.Камынина, И.В.Побережникова и др. по историографии восточных регионов страны⁴.

Проанализировав имеющуюся историографическую литературу по истории Ямала, автор статьи пришел к следующим выводам. Во-первых, историографы на страницах своих трудов, главным образом, рассматривают дореволюционную и советскую литературу по истории региона с древнейших времен до начала XX в. В связи с этим наименее изученной является проблематика истории Ямала в советский и современный периоды истории. Во-вторых, мало внимания современные историографы уделяют выявлению и изучению современной литературы по истории Ямала, которая имеет значительные особенности по сравнению с предшествующими периодами развития отечественной историографии⁵. По нашему мнению, современная отечественная историография истории Ямала имеет определенные параллели с тем, как изучается история малых народов Севера в зарубежной историографии⁶.

В данной статье предпринимается попытка восполнить имеющиеся в историографической литературе пробелы. В ее основе лежит краткий очерк историографии Ямала, написанный автором статьи в содружестве с Е.Б.Заболотным, который помещен на страницах энциклопедии Ямало-Ненецкого автономного округа⁷.

Мы считаем, что в изучении истории Ямала выделяется три основных периода: дореволюционный, советский (до конца 1980-х гг.) и современный. Они отличаются друг от друга существенными черта-

ми в организации научных исследований, методологическими и концептуальными подходами, проблематикой научных исследований, источниковой базой, методами исторического исследования и т.д. Внутри крупных периодов можно выделить более мелкие этапы, которые характеризуются, главным образом, постановкой новых и трактовкой в изучении традиционных исследовательских проблем.

История Ямала уходит корнями в глубокую древность. Сибирь и ее отдельные регионы издавна привлекала внимание исследователей. Первые и не всегда верные сведения о народах, живущих за Уралом, появляются в русских летописях и сказаниях. Они были написаны в связи с продвижением русских за Урал, которое началось на рубеже X—XI вв. Разнообразной информацией о народах севера, их обычаях, торговых контактах со славянами, о походах новгородских ушкуйников и московских ратей в Югру (нижняя Обь) наполнены общерусские летописи. Продвижение русских на Обский Север описано в «Повести временных лет». Летописец Нестор записал рассказ новгородца Гюраты Роговича о походе его людей в Югорскую землю. В Новгородском цикле первоначальных известий о Сибири, содержащихся в Никоновской, Ипатьевской и Новгородской четвертой летописях, имеется сказание «О человецех незнаемых на восточной стране и языцех розных». В нем даются сведения о товарах и торговле за Уралом с тамошними племенами.

Исследование северо-западных районов Сибири активно началось после присоединения их к русскому государству. Участники плаваний в Мангазею в XVI в. помогли получить описание Ямала, Обской губы, рек и озер. Тобольский картограф, историк С.У.Ремизов составил картографическое описание края «Чертежная книга Сибири». «История Сибирская» Ремизова представляет собой переходный этап от летописного периода сибирской историографии к ее научному этапу, который начался в XVIII в. В ней имеются сведения о первых русских городах в Сибири.

Огромный толчок научному изучению Ямала дала Великая северная экспедиция, в состав «академического отряда» (1733—1743) которого входили Г.Ф.Миллер, С.П.Крашенинников, И.Г.Гмелин, Я.Линденау, Г.В.Стеллер. Они внесли заметный вклад в изучение образа жизни и истории народов, населявших Западную Сибирь. Г.Ф.Миллер в работах «История Сибири» и «Описание Сибирского царства», раскрывая историю колонизации Сибири, показал, что местное население мирно воспринимало приход поморов и про-

мышленных людей, но отношения с государственными людьми, во главе которых стояли воеводы, не всегда были дружескими. В книге «Описание Сибирского царства» он писал: «Остяки были вполне уже покорены, а самоеды только недавно обложены ясаком. Сборным местом, куда самоеды должны были ежегодно приносить свой ясак казакам для сдачи, присылаемым из Березова, был назначен Обдорский городок».

Лейтенанты С.А.Муравьев, М.С.Павлов, С.Г.Малыгин провели активное географическое изучение Ямала. Они произвели съемку побережья п-ова Ямал и обследовали устье Оби. В результате была составлена карта Ямала.

Участники Академической экспедиции 1768—1774 гг. П.С.Палласа И.И.Лепехин и студент В.Ф.Зуев оставили в своих трудах сведения о различных сторонах жизни ненцев.

В работе А.Н.Радищева «Описание Тобольского наместничества» история края впервые в русской историографии была показана как история человека или народов. Он попытался описать быт и деятельность не только русского, но и коренного населения края, приведя большое количество этнографических сведений, впервые охарактеризовал общественный быт сибирских племен.

Таким образом, уже в XVIII в. был накоплен большой материал об этнографии, демографических, культурных и экономических процессах, происходивших на Ямале. Его обработка растянулась не только на XVIII, но и на весь XIX в. Однако уже в XVIII в. началось обобщение и осмысление накопленного фактического материала. Участники Академической экспедиции П.С.Палласа В.Ф.Зуев написал статью «Об оленях» и труд «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов». Материалы В.Ф.Зуева были изданы впервые в 1947 г. и в них давалось подробное описание быта, культуры ненцев (самоедов) и хантов (остяков).

В первой половине XIX в. участники экспедиций обращали внимание на изучение Урала, рек Обь, Юрибей, Сось, что было обусловлено перспективами развития промышленности и торговли. Ямал и Обдорск посещали пишущие путешественники И.Завалишин, Н.Абрамов, В.Бартенев, М.Сидоров, Ю.Кушелевский, Ф.Белявский. Ф.Белявский по результатам своей поездки на п-ов Ямал описал быт ненцев, их занятия и природные условия в низовьях Оби. В 1847—1850 гг. первая экспедиция РГО открыла хребет Пай-хой, произвела геологическую съемку Полярного Урала.

В это время продолжали выходить работы обобщающего характера по истории Сибири. Историк-сибиряк П.А.Словцов в своей книге «Историческое обозрение Сибири» дал обзор народов, проживающих на крайнем Севере Сибири, и положил, таким образом, начало сибирскому краеведению.

Плодотворный этап в изучении богатств Крайнего Севера Сибири приходится на конец XIX — начало XX вв. В это время значительно расширяется проблематика исследований по истории Сибири и ее отдельных регионов. Это было связано с зарождением и активной деятельностью на Урале и в Западной Сибири научных обществ и музеев, занимающихся краеведческими и историко-этнографическими исследованиями. Изучение народов Крайнего Севера Сибири вело Уральское общество любителей естествознания (1870—1929 гг.). На страницах 40 томов «Трудов УОЛЕ» можно найти сведения о географии и этнографии Ямала. Большой вклад в изучение Севера Тобольской губернии внес Тобольский губернский музей. С 1893 по 1918 гг. вышло 29 выпусков его «Ежегодника».

Начиная с 1910 г., Тобольский губернский музей регулярно организовывал экспедиции на Север губернии. В 1914 г. экспедиция Г.М.Дмитриева-Садовникова была направлена в долину реки Полуя к ненцам.

Большую роль в изучение истории этих районов Сибири внесли так называемые сибирские областники, отражавшие на протяжении второй половины XIX — первых двух десятилетий XX в. общественные настроения народов края. В их работах получили развитие взгляды П.А.Словцова, провозгласившего «сибирский патриотизм» как принцип прогресса восточной окраины страны.

На рубеже XIX-XX вв. стали появляться работы, посвященные изучению отдельных вопросов истории и современного состояния края. А.А.Фирсов исследовал историю «инородческого вопроса» в Московском государстве и дал описание быта и положения коренных народностей северо-восточной России в XVI—XVII вв.

Много лет изучением природных условий и хозяйства Тобольского Севера занимался А.А.Дунин-Горкавич, который с 1890 г. работал в Тобольской губернии лесничим. Во время многочисленных экспедиций по Северу он собрал богатейший материал по географии, истории, экономике, этнографии и культуре северных народов. Его основной труд «Тобольский Север» в трех томах является подлинно энциклопедическим сводом знаний о природе, экономике и населении края⁶. Современные исследователи полагают, что дан-

ный труд является отправной точкой для исследования экономической истории Крайнего Севера. В 1910 г. был издан составленный А.А.Дуниным-Горкавичем «Русско-остячко-самоедский практический словарь».

Для изучения внутренних районов п-ова Ямал Российское Географическое общество направило в начале XX в. экспедицию под руководством Б.М.Житкова. Была составлена подробная карта Ямала, собрана этнографическая коллекция. Исследовались традиционные занятия ненцев — оленеводстве, рыболовстве и охоте. Авторы отмечали, что у них сложился своеобразный — ненецкий стиль оленеводства, который означал крупностадное разведение оленей. Б.М.Житков выделял двух наиболее богатых оленеводов Ямала, у которых было 6 и 4 тыс. оленей⁹.

На рубеже XIX—XX вв. на Ямал приезжали с обследованием врач-ветеринар С.И.Драчинский, гидрологи Г.В.Дмитриев-Садовников, П.И.Шухов, которые составили описание рек п-ова. В период с 1911 по 1916 гг. П.И.Шухов совершил четыре северные экспедиции (низовья рек Обь, Щучье, Казым), во время которых им была собрана большая коллекция по традиционной культуре народов Севера. Посетив р. Щучью в 1913 г., он описал методы охоты ненцев кремневыми ружьями, луками и стрелами. А.И.Якобий подчеркнул, что без целенаправленной политики правительства по поддержанию инородческих народов Севера, эти народы в скором будущем ждет неминуемое угасание.

Важный вклад в изучение Ямала внесли христианские проповедники, которые еще с XVII в. начали медленное распространение христианства среди народов Севера. Однако до середины XIX в. христианство не получило распространение среди ненцев, а насильно обращать в христианство было запрещено. Яркий след в изучении Ямала оставил И.С.Шемановский (отец Иринарх — 1873—1919), который в 1906 г. открыл «Коллекцию материалов по этнографии коренных народов Севера».

В описание Ямала большой вклад внесли иностранные ученые.

Неоценимое научное наследие по этнографии, лингвистике, археологии и фольклору ненцев оставил финский ученый М.А.Кастрен. Он совершил две долгосрочные экспедиции к самодийским и тюркским народам Саяно-Алтайского нагорья с целью доказать существование родства финнов с самодийцами через алтайские народы. Он всю жизнь изучал самодийские языки и диалекты, посвятив им седьмой том своего 12 т. сочинения. Он создал самоедскую

грамматику и словарь, в котором есть все пять языков самоедской семьи и их многочисленные диалекты. В приложении к словарю помещены образцы народного творчества различных самодийских племен.

О хозяйственном укладе ненцев писал знаменитый немецкий путешественник, ученый А.Брем в своей книге «Жизнь на Севере и Юге». Он побывал в крае в 1876 г. В книге есть глава «Путешествие по Сибири», где он описывает свое пребывание в Обдорске и поездку в Байдарацкую тундру, которая была охвачена эпидемией сибирской язвы.

В конце XIX — начале XX вв. шло активное гидрогеографическое изучение края, осуществлялась топографическая съемка территории. Интерес к сырьевым ресурсам севера Сибири проявлялся и за рубежом. В это время были организованы экспедиции по исследованию водных путей, природных условий, жизни и быта коренных народов Сибири. Побережье п-ова Ямал посещали экспедиции О.Финша, А.Норденшельда, Ф.Нансена и др. исследователей Севера. Путешественник Ф.Нансен описал условия жизни ненцев в конце XIX в.

В начале XX в. два продолжительных путешествия в Западную Сибирь совершил финский ученый Тойво Лехтисало (1887—1962). В 1911—1912 гг. он посетил тундровых ненцев, добравшись до Халмер — Селе (ныне п. Тазовский) в устье р. Таз, а в 1913 г. — к лесным ненцам на р. Пур. В 1940 г. в Финляндии были изданы материалы сибирских экспедиций «Юрако-самоедская народная поэзия», содержащая более 6000 ненецких мифов, сказок и песен. Спустя почти век Т. Лехтисола выпустил 13-й т. сочинений М.А.Кастрена на ненецком языке с немецким переводом.

Работы финских ученых еще не переведены на русский язык. Из многочисленных работ Т.Лехтисало Н.В.Лукина перевела «Очерк мифологии ненцев (юрако — самоедов)» Книга содержит фольклорные тексты и их научный анализ. В ней исследованы воззрения ненцев о космосе, происхождении земли, животных и людей, представления о богах и духах, описание шаманства. В книге помещены фотографии живших тогда ненцев.

В целом хочется отметить, что дореволюционная историография истории Ямала оставила значительный след в создании научной истории края. Ее представители достигли определенных успехов в изучении различных вопросов истории края с древнейших времен и до начала XX в. Была заложена фактографическая основа для изу-

чения быта и обычаев коренного населения Ямала, его колонизации русскими, развитию здесь демографических и социально-экономических процессов. Некоторые подходы к изучению истории Ямала, получившие распространение в дореволюционной историографии, были использованы в советской и современной российской историографии проблемы.

В советское время обследования Ямала были продолжены. Очень плодотворный этап изучения истории Ямала пришелся на 1920-е гг. Этому немало способствовало продолжение деятельности ряда дореволюционных и появление новых краеведческих, научных и государственных учреждений, перед которыми была поставлена цели изучения народов Крайнего Севера.

Изучением Ямала активно занимался Комитет Северного морского пути, созданный в 1919 г. (в 1932 г. преобразованный в Главное управление Северного морского пути). Исследования велись также в организованном в 1925 г. Институте по изучению Севера. В 1920-е гг. на Ямале работали геологические, ботанические, зоологические, геоморфологические, этнографические экспедиции. В 1928 г. Уральский облизполком и Комитет Севера организовали экспедицию под руководством В.П.Евладова для обстоятельного изучения жизни и быта ненцев. По материалам экспедиции В.П.Евладов написал несколько книг, специально посвященных Ямалу¹⁰.

Комитет Севера организовал археологические и этнографические экспедиции к ненцам под руководством Н.Котовщицкой, в состав которой входил В.Н.Чернецов, выдающийся исследователь истории, языка и фольклора обских угров. В 1928–1929 гг. им были открыты археологические памятники, поселения аборигенного населения морских охотников сихиртя на севере п-ова Ямал. В работах М.И.Белова, В.М.Пасецкого, раскрывающих историю освоения арктических районов России, открытия и освоения Северного морского пути, описывается береговая зона п-ова Ямал.

Изучением истории Севера занимались краеведческие общества и музеи: Уральское общество любителей естествознания (до 1929 г.), созданное после окончания Гражданской войны Тюменское общество научного изучения истории края, Общество по изучению края при музее Тобольского Севера и др. Руководило с 1924 г. краеведческим движением в Уральской области, куда вошла и Тобольская губерния, Уральское Областное бюро краеведения. Определенную историографическую ценность представляют материалы, опубликованные на страницах краеведческих сборников «Наш край», «То-

больский край», «На социалистической стройке», «Уральское краеведение» и др.

Большое количество сведений о малых народах Севера публиковалось на страницах уральской и сибирской периодической печати, в том числе окружной, столь развитой в условиях нэпа («Хозяйство Урала», «Советский Север», «Народное хозяйство Омской области» и др.). Публикации в основном касались проблем рыбного хозяйства, состояния оленеводства. В.П.Евладов, Д.Бобылев и др. авторы пытались оценить перспективы развития народностей Севера и их экономики в советских условиях.

В последующие десятилетия исследования по истории Ямала велись, главным образом, в стенах высших учебных и академических научных учреждений. Краеведческая работа долгое время была направлена на «оказание помощи социалистическому строительству» в крае. В 1930-е гг. начал свою деятельность по изучению края Обдорский окружной краеведческий музей. С начала 1930-х гг. важным научным центром по изучению истории края становится Тюменский педагогический институт (преобразованный позднее в государственный университет). Исследования по истории Ямала публиковались на страницах издаваемых вузом «Ученым записок» и научных сборников. Большой вклад в изучение истории края внесли ученые Сибирского и Уральского отделений АН СССР.

В советский период история Ямала нашла отражение на страницах целого ряда общесоюзных изданий, посвященных истории национально-государственного строительства¹¹, народам, населявшим Крайний Север¹², проблемам освоения северных территорий¹³, а также обобщающих трудов по истории Сибири, Урала, Тюменской области. Были изданы работы М.Е.Бударина, В.А.Зибарева, В.Г.Карцова, Л.Е.Киселева, А.Мурзиной, М.А.Сергеева, А.Г.Скачко, С.Якубовской и др., специально посвященные изучению развития народов Крайнего Севера Российской Федерации за годы советской власти¹⁴. В работах И.П.Клещенка, Л.Е.Киселева, Г.А.Мазуренко, В.Н.Увачана и др. анализировалась национальная политика государства в отношении северных народов¹⁵. На материале Ямало-Ненецкого автономного округа был защищен ряд диссертаций¹⁶.

К юбилейным датам в истории округа периодически издавались историко-экономические очерки, написанные Н.М.Ковязиным, В.Любовцевым, Г.Метельским, А.К.Омельчуком, Н.Б.Патрикеевым, Ю.Б.Симченко, Н.Н.Степановым, Е.Г.Сусоем и др. авторами¹⁷. Ма-

териал о Ямале можно найти на страницах целого ряда научно-популярных изданий¹⁸.

Давая оценку советскому периоду изучения истории Ямала, следует иметь в виду, что оно строилось на базе марксистско-ленинской методологии. На первый план, как это было принято, выдвигалось изучение созидательной деятельности народных масс — творцов истории. История хозяйства Ямала до начала 1990-х гг. рассматривалась в русле социалистического строительства через призму побед и преимуществ социалистической системы как для старожильческого населения, так и для коренных народов Севера. При этом советские исследователи оценивали происходившие на Ямале процессы как единственно возможную и верную форму их государственного и экономического бытия.

Новый период в изучении истории Ямала приходится на период с конца 1980-х гг. до настоящего времени. В это время в исторической науке произошли кардинальные изменения, связанные с отказом от марксистско-ленинской методологии истории и переходом к научному плюрализму в изучении истории. Стала происходить деидеологизация исторических исследований, получили распространение применение новых подходов, концепций и методов к изучению истории, введение в научный оборот новых источников, расширение проблематики научных работ. Демократизация российского общества повысила интерес к проблемам коренных народов в национальных округах, привела к созданию различных общественных организаций по спасению и возрождению народов Севера. Большой вклад в изучение этой проблемы вносят Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Российский учебный центр коренных народов и др. организации.

Исследование истории Ямала активно ведется сотрудниками краеведческих, учебных и научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Салехарда, Екатеринбурга, Тюмени, Тобольска, Омска, Новосибирска, Томска и др. городов страны. По истории края можно найти материал на страницах ряда общероссийских изданий, посвященных этнополитической тематике и положению отдельных народов Российской Федерации¹⁹.

История Ямала нашла отражение на страницах региональных энциклопедий, изданных на рубеже XX—XXI вв. в Екатеринбурге и Тюмени²⁰. Огромный фактический материал по истории Ямала сосредоточен в окружной энциклопедии.²¹

В последние годы история Ямала и населяющих его народов получила яркое освещение в обобщающих работах А.В.Головнева, Г.С.Зайцева, В.П.Петровой, Ю.П.Прибыльского, Г.П.Харючи и др. исследователей²², а также в ряде популярных работ по истории края²³.

В литературе по истории Ямала существует немало проблем, вызывавших широкие споры исследователей. В работах В.Н.Чернецова, Л.П.Лашука, В.И.Васильева, А.В.Головнева приводятся интересные данные о легендарном народе «сихиртя», обитавшего в тундре Ямала до прихода ненцев. Исследователи полагают, что в фольклорном образе «сихиртя» мифологически закреплены черты реального народа (вероятно, самодийского происхождения), жившего в тундре в древности. А.В.Головнев считает, что, судя по археологическим данным, предшественники ненцев не были пастухами-оленоводами, а занимались промыслами, в числе которых важнейшими были охота на дикого оленя и морского зверя, рыболовство.

Одной из острых проблем, которая волнует современных ученых, является проблема этногенеза ненцев. В решении этой проблемы принимают участие археологи, этнографы, лингвисты, антропологи. Это работы Г.А.Старцева, А.А.Попова, А.Ю.Конева, Л.В.Костикова, Б.О.Долгих, Л.В.Хомич, В.И.Васильев, Ю.Б.Симченко, А.В.Головнева, В.Н.Чернецова, М.И.Белова, Г.Д.Вербова и др. Авторами выдвигаются различные гипотезы о происхождении, времени передвижения ненцев, которые до настоящего времени остаются спорными.

Существует несколько точек зрения относительно происхождения ненцев. Согласно гипотезе Ф.Страленберга, северные самодийцы являются автохтонным (коренным) населением приполярной зоны, откуда часть их проникла в Присаянье. Современный ученый А.В.Головнев отстаивает автохтонную версию и считает, что ненцы сформировались как народ там, где сейчас живут, т.е. на Северном Урале 5 тыс. лет назад. Ненцы жили южнее — на таежном Урале, вплоть до бассейна Северной Сосьвы. До сих пор тут живут лесные ненцы. На Северном Урале жили каменные самоеды. Одной из причин крупного передвижения самодийцев А.В.Головнев считает русскую колонизацию, в результате которой произошли значительные изменения в этнической карте расселения народов края.

Вторая точка зрения сводится к тому, что северные самодийцы, в том числе и ненцы, сформировались в результате продвижения

самодийских племен из р-нов Южной Сибири и ассимиляции ими немногочисленного аборигенного населения приполярной зоны. Она была выдвинута историком И.Фишером и подкреплена в XIX в. лингвистическими материалами М.А.Кастрена. Он был уверен, что ненцы вышли с Алтая. Временем прихода самодийцев на север ученые называют I—II вв. н.э. Российский ученый Г.Н.Прокофьев считал, что в происхождении самодийцев участвовали и некие аборигенные племена Крайнего Севера, заселявшие территорию Обь-Иртышского бассейна с древнейших времен.

Археологи Г.А.Чернов, В.Н.Чернецов, Л.П.Лашук полагали, что в этногенезе самодийцев участвовали и аборигенные племена морских охотников, которых ненцы называли сихиртя. Они были ассимилированы пришедшими на Север самоедоязычными племенами. По мнению этнографа Г.Д.Вербова, сформулированного еще в 1939 г., все ненецкие роды делились на две фратрии. Одна из них относилась к аборигенному населению (род Вануйто), другая (род Харючи) — к южному, пришлому. Современные ученые-ненцеведы Л.В.Хомич, В.И.Васильев считают, что ненцы как этническая общность формировалась в I и II тыс. н.э. в таежной зоне Таза и Оби.

По мнению лингвистов Д.В.Бубриха, венгра П.Хайду, самоедский язык близок финно-угорским языкам. Финно-угров они считают выходцами с Волги, значит, движение самодийцев шло с запада на Енисей и Саяны.

Проблема колонизации Сибири и ее северных районов рассматривается в работах С.В.Бахрушина, О.П.Еланцевой, Н.В.Захаровой, В.И.Корецкого, В.А.Оборина, А.А.Преображенского и др. исследователей.

В литературе по истории колонизации Зауралья можно встретить разные точки зрения по вопросу о точной дате основания первых русских городов в этом районе и, прежде всего, Обдорска. В книге И. Завалишина «Описание Западной Сибири» отмечалось, что «в 1593 г. служилые казаки и стрельцы под руководством березовского воеводы Н. Траханиотова срубили первые венцы Обдорского острога». А.А.Дунин-Горкавич также считал датой основания 1593 г. Такой же версии придерживались дореволюционные авторы Н.Абрамов, В.Бартенев, М.Сидоров, Ю.Кушелевский, Ф.Белявский, автор заметки «Обдорск» в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

Есть мнение, что Обдорск был основан в 1595 г. и стал важным торговым центром на пути из европейского Севера в азиатский. В

«Примечаниях» к книге Г.Ф.Миллера, подготовленных под ред. С.В.Бахрушина, можно прочитать: «Обдорский городок основан в 1595 г. на месте остяцкого городка, носивших у русских название Носового, на берегу р. Полуй, в шести верстах от ее впадения в Обь. Название Носового городка сохранилось за Обдорском и в позднейшее время». По мнению С.В.Бахрушина, Обдорская застава появилась не на голом месте, а рядом с поселением туземцев: либо остяков, либо ненцев. Аргументы для подтверждения данного вывода он искал в лингвистике.

А.К.Омельчук считает, что основание острога на Полярном круге связано с появлением Березова. Поскольку работами А.И.Андреева считается доказанным, что Березов появился не в 1593 г., а лет на 5-6 раньше, то в этом свете дата основания Обдорска — 1593 г. выглядит достаточно обоснованной.

Не прояснен до конца и вопрос об основателе г. Обдорска. И.Завалишин писал о роли служилых казаков и стрельцов под руководством березовского воеводы. По мнению писателя С.Маркова, поселение у устья Оби основано не «государевыми», а торговыми людьми. А.К.Омельчук полагает, что поскольку острог не играл решающей роли в колонизации, на первом месте были Березов, потом Мангазея, видимо, поэтому и в официальных документах не отражена роль первостроителя.

Различные проблемы верований, быта, культурного и хозяйственного уклада, положения коренного населения Крайнего Севера Сибири в дореволюционный период рассматриваются в работах Л.В.Алексеевой, А.Г.Базанова, В.Г.Балина, Н.Л.Гондатти, А.Н.Гулевского, Б.О.Долгих, Н.Д.Зольниковой, И.И.Огрызко, В.Т.Поспелова, Т.А.Сандау, А.Т.Шашкова и др. исследователей.

Особый интерес исследователей привлекает правительственная политика и управление народами Севера в XVII — начале XX вв. К ней обращаются В.Г.Марченко, Н.А.Миненко, Л.М.Дамешек, А.Ю.Конов, В.И.Огородников и др. авторы. Они отмечают, что после вхождения Обского Севера в состав России царская администрация не вмешивалась в общественные отношения ненцев, сохранив за ними право жить по своим обычаям. Обдорскому князю давалась жалованная грамота на управление всеми землями. XVII в. у самодийцев был временем расцвета родового строя. В течении XVII-XVIII вв. сложились большие патриархально-родовые объединения. Роды делились на семьи, а в течение XIX в. эти семьи превратились в малые роды или «фамилии». Большое внимание историки уделяют харак-

теристике административных реформ XVIII — начала XX вв., принимаемых правительством и их влиянии на положение коренного населения Ямала.

Современные исследователи уделяют большое внимание изучению организации власти на местах. Е.В.Перевалова провела историко-этнографическое исследование династии обдорских князей Тайшиных на протяжении XVII — начала XX вв.

Отличие подходов исследователей различных поколений хорошо характеризует их отношение к проблеме борьбы коренного населения Ямала против политики правительства в дореволюционный период. Это можно проследить на примере оценки в историографии восстания Ваули Пиеттомина в 1825—1841 гг.

Акты сопротивления правительству воспевались в народном эпосе. В честь Ваули Пиеттомина (Вавле Ненянга) были названы гора на полярном Урале, озеро, мыс на р. Полуй. В фольклоре Ваули предстает могучим богатырем, обладающим чудодейственной силой и способностями.

В дореволюционной литературе о Ваули писали как о разбойнике, грабителе, «возмутителе народного спокойствия». В советское время взаимоотношение ненцев с правительством подавалось через показ череды восстаний: 1662 г. против лихоимства чиновников, непосильных ясачных сборов; восстание Ваули Пиеттомина как народный протест против насилия князьков, чиновников, купцов, т.е. бедноты против богатых.

В современной литературе среди поводов для восстаний все чаще называют межэтнические и экономические причины.

Переосмысление истории Ямала в советский период потребовало от современных исследователей применения новых подходов.

История Ямала советского периода раскрывается, главным образом, на страницах обобщающих работ по истории региона. В работах А.В.Головнева, А.К.Омельчука, В.П.Петровой, Ю.П.Прибыльского, Г.П.Харючи и др. авторов отражены основные эпизоды жизни края в эти годы.

Большое внимание исследователи уделили анализу развития традиционных видов хозяйственной деятельности у коренных народов Крайнего Севера. В советский период о развитии оленеводства на Ямале писали М.Броднев, П.Востряков и др., оценивая его с традиционных позиций. В новейшей историографии к этой проблеме обращаются А.В.Головнев, Е.И.Гололобов, В.Е.Иваненко, И.А.Карпетова, Ю.П.Прибыльский и др. авторы. А.В.Головнев основа-

тельно изучил традиционное хозяйство коренных народов Ямала на протяжении 400 лет. А.В.Головнев и Ю.П.Прибыльский проанализировали развитие оленеводства на Ямале в XX в. и пришли к выводу, что, несмотря на все попытки административного и экономического давления со стороны советской власти, ненецкое оленеводство сохранило свои основные черты. Авторы считают, что ни конфискации, ни перераспределение стад оленей, ни прямые репрессии против наиболее зажиточных оленеводов не смогли нарушить главных принципов оленеводческого хозяйства на Ямале.

В.П.Петрова и Г.П.Харючи подробно остановились на характеристике экономической и политической истории ненецкого населения Ямала в XX в.

Проблемных исследований по советскому периоду истории Ямала создано пока немного, они достаточно фрагментарны, посвящены лишь отдельным периодам, что не позволяет говорить о фундаментальном исследовании истории Ямала в советский период.

Отдельные факты о влиянии революции 1917 г. и Гражданской войны на население Ямала можно найти в работах Е.Б.Заболотного, Л.Е.Киселева, В.П.Петровой и др. исследователей. В их работах раскрываются особенности установления на Ямале Советской власти, влияния Западно-Сибирского крестьянского восстания на этот процесс.

В 1930–1940-е гг. после образования национальных округов в северных районах Урала в печати стали широко обсуждаться проблемы социалистического строительства у малых народов Севера. В работах М.М.Броднева, Г.Д.Вербова, Б.Гашко, С.М.Здоровяка, Б.М.Маркова, М.Н.Назарова, В.Новицкого, Б.В.Патрикеева, С.В.Питухина, П.Прибыльский, М.А.Сергеева, А.Е.Скачко, П.К.Устюгова и др. авторов содержалось описание особенностей развития коренного населения Ямала, традиционных отраслей хозяйства и экономических преобразований в регионе, помещались материалы о торговле и снабжении, предпринимались попытки анализа состояния и тенденций социалистического строительства. М.М.Броднев пытался оценить успехи советского строительства на Ямале.

В советское время история политического, хозяйственного и культурного развития Ямала в 1917–1941 гг. освещалась в работах А.Б.Баклановой, М.Е.Бударина, Л.И.Ванчицкой, В.А.Зибарева, Л.Е.Киселева, Н.Т.Онищук, В.Ф.Ретунского, М.А.Сергеева, Д.М.Чубынина и др. авторов. На одно из первых мест советские историки

ставили проблемы социально-экономического развития коренных народов Крайнего Севера.

Большим достижением во всестороннем изучении данного периода стали работы Л.В.Алексеевой. Она в начале XXI в. опубликовала несколько обобщающих исследований о национально-государственном строительстве, населении и об экономическом развитии Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.²⁴ и защитила в 2004 г. на их основе докторскую диссертацию.

Для советской историографии данной проблемы было характерно противопоставление хозяйственной жизни до 1917 г. советскому периоду, в рамках которого происходило социалистическое переустройство экономики. Авторы подчеркивали, что до революции 1917 г. народы Крайнего Севера находились на самой низшей ступени экономического развития. В советской историографии происходила дискуссия об уровне социально-экономических отношений у народов Севера. И.П. Клещенко их определял как родоплеменные и феодальные, В.Ф. Ретунский – как феодальные и капиталистические.

В то же время они писали, что экономическая политика советского государства в отношении населения Крайнего Севера была мудрой и позволила ему совершить значительный прогресс в своем развитии.

Советские исследователи рассматривали социально-экономическое развитие региона в 1920-е гг. через призму теории некапиталистического развития малых народов Севера, считая это десятилетие периодом очень сложным для изучения. Авторы описывали стандартный набор сюжетов без глубокого анализа их состояния: кооперация, торговая политика, интегральный союз, заготовки и т.д. Много внимания советские историки уделяли изучению социально-экономического развития в 1930-е гг., считая его наиболее результативным в плане проведения преобразований. В их работах содержалось описание истории коллективизации в округе, а также характеризовалось развитие сельского хозяйства и промышленности края.

Современные авторы, такие как Л.В.Алексеева, В.П.Петрова, В.Т.Поспелов и др., заострили внимание на рассмотрении слабо решенных вопросов развития производства в регионе, как сельскохозяйственного, так и кустарно-промышленного. Особый интерес исследователей привлекают производственные структуры, предприятия и их производственные циклы, другие проблемы экономического развития округа. История развития промышленности и рабоче-

го класса Ямала в годы индустриализации нашли освещение в работах С.Е.Алексеева и В.Д.Камынина.

В советский период историографии определенное место уделялось изучению политической истории региона в 1920—1930-е гг. Эта проблема освещалась, главным образом, через призму деятельности партийных, советских и общественных организаций по руководству различными сторонами жизни населения Ямала, проведению здесь национальной политики, национально-государственному строительству у северных народов и по переводу их в социализм. Об этом писали В.В.Веселкина, Г.А.Мазуренко, В.Н.Увачан, И.С.Гурвич, В.А.Зибарев, Д.И.Копылов, М.А.Лаврентьева и др. Большое внимание в историографии того времени уделялось изучению истории создания Ямало-Ненецкого национального округа. В указанных работах вскрывались и проблемы, с которыми сталкивались партийные и государственные структуры в проведении на Ямале своей политики. Так, в работах В.Ф.Ретунского обращалось внимание на формы классовой борьбы у народностей Северо-Западной Сибири в процессе перехода их к социализму.

В современной историографии национально-государственное строительство на Ямале освещается в работах Л.В.Алексеевой, В.П.Петровой, Ю.П.Прибыльского и др. В то же время эти авторы, а также С.В.Горшков, Н.И.Загороднюк, В.Н.Земсков, В.П.Ляшин, Н.Н.Попов, Т.И.Славко и др. привлекли внимание к таким ранее слабо освещенным вопросам политической истории края, как положение на Севере Тюменской области, который был одним из мест ссылки, высланных спецпереселенцев, политических ссыльных и др. Авторы исследовали роль ссыльнопоселенцев в экономических, политических, социальных, культурных процессах и степень их влияния на развитие края. Волнения ненцев на Ямале в 1932—1934 гг. проанализировала В.П.Петрова.

Об экономическом развитии Ямала накануне, в период и сразу после окончания Великой Отечественной войны написано немало. Ю.П.Прибыльский изучил появление на Ямале рабочего класса и его трудовой подвиг накануне и в годы Великой Отечественной войны. В его работах содержится всесторонняя характеристика Ямало-Ненецкого национального округа в 1941—1945 гг.

Особое внимание к этому периоду истории Ямала привлечено в последнее время. Л.В.Алексеева осветила положение на Ямале к началу Великой Отечественной войны. В работах А.А.Петрушина, А.С.Пиманова приводятся интересные данные о фальсификации

карательными органами различного рода политических дел для проведения массовых репрессий на Ямале («Мандала – 43»). В 1990-е гг. историки и публицисты Р.Гольдберг, В.Н.Гриценко, А.Добровольский, П.Колесников, В.А.Ламин, А.С.Пиманов, А.Херсонский, Л.Шерешевский и др. активно обсуждали трагические обстоятельства строительства в первые послевоенные годы на территории Ямала железной дороги Чум–Салехард–Игарка. С.В.Лезова описала великое переселение 1947 г. на Северном Ямале.

Л.В.Алексеева, С.В.Горшков, Н.Н.Попов и др. исследователи охарактеризовали репрессивную политику Советской власти на Северо-Западе Сибири за первую половину XX в. О жертвах политических репрессий на Ямале за годы Советской власти можно найти материал в региональных «Книгах памяти»²⁵.

Промышленное освоение Ямала в 1960–1980-е гг. в связи с открытием здесь огромных запасов газа и созданием газовой промышленности анализируется в работах экономистов и историков Д.В.Белоусова, В.Бирюкова, С.Т.Будькова, Р.М.Бурындина, А.И.Ильичева, К.И.Миронова, Н.Н.Некрасова, С.М.Николаева, Ю.И.Топчева и др.

Демографические сдвиги в населении Ямала, появление здесь рабочих кадров газовой промышленности, втягивание в промышленное производство коренного населения раскрывается в работах В.В.Алексеева, Г.И.Гершензона, М.М.Ефимкина, А.Н.Зайцевой, Е.В.Логунова, Е.Д.Малинина, В.М.Пушкарева, А.К.Ушакова и др.

Развитие социальной сферы и культуры в районах нового освоения получило освещение в исследованиях В.В.Алексеева, С.С.Букина, Л.А.Еловикова, Е.В.Логунова, Н.В.Сазоновой, Ю.Шесталова, Н.Э.Шишкина, Е.В.Штубовой и др.

Современное положение коренных народов Крайнего Севера Тюменской области раскрывается в работах Е.Д.Айпина, А.Базарова, Н.Т.Долгушина, А.Мухачева, Ю.П.Прибыльского, В.И.Сподиной, А.А.Южакова и др. авторов. Интересное исследование о межэтнических отношениях в Ямало-Ненецком национальном округе на современном этапе написал Н.Т.Долгушин. В феврале 2002 г. в Москве состоялась дискуссия «Устойчивое развитие коренных народов Севера России: проблемы и перспективы решения», в ходе которой обсуждались многие актуальные проблемы развития коренных народов Крайнего Севера.

Перед исследователями истории Ямала стоят большие задачи по подлинно научному изучению. Ее основные проблемы только нача-

ли освещаться в дореволюционный и советский периоды и требуют более фундаментального рассмотрения. Те вопросы, которые уже получили освещение в дореволюционный и советский период, нуждаются в переосмыслении на основании новых источников и с учетом новых методологических и концептуальных подходов.

Федорова Н.В.

СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Источники и проблематика.

Введение. Циркумполярный пояс, общее и особенное культур. Западная Сибирь в циркумполярном контексте. Временные и территориальные рамки работы. Генеральный вопрос.

Север Западной Сибири представляет собой регион, уникальный даже в рамках планетарной циркумполярной зоны. Эта уникальность обусловлена, во-первых, его пограничным положением между европейским и азиатским северными ареалами; во-вторых, географической характеристикой западносибирской низменности — монотонной равномерной равниной, не имеющей на протяжении тысяч километров никаких естественных преград для движения, кроме рек; в-третьих, удивительной по сравнению с другими регионами Европы и Северной Америки сохранностью традиционной культуры. Для исследователя эти особенности западносибирского арктического и субарктического поясов оборачиваются огромным познавательным потенциалом: на материале ретроспективного анализа свиты культур региона можно строить модели освоения человеком Севера, формирования систем хозяйственной и биологической адаптации, взаимовлияния культур в широтном и меридиональном направлениях, механизма сохранения и передачи традиций и так далее. Очевидно, что реализация этого потенциала и построение таких моделей может дать не только очерк истории региона, но и основания для решения многих актуальных проблем современности.

В самом общем приближении все культуры циркумполярной зоны планеты делятся на два массива: 1. Североамериканский и сибирский (эскимосский), для которого характерна охотничья система экокультурной адаптации, обширное распространение и относительное единообразие культурных и биологических характеристик, фольк-

лора и языка эскимосов; 2. Североевразийский с его этническим и культурным многообразием и оленеводческой системой экокультурной адаптации (Фитцхью, 2000, с. 25). Можно спорить с В. Фитцхью о размерах культурного многообразия и о времени формирования оленеводческой системы адаптации, которую он считал «сравнительно недавней» (там же), можно проследить, в каких границах действует особенность северных культур, которую А.В.Головнев так метко назвал «синдромом циркумполярности» (Головнев, 2004, с. 27), можно строить локальные ретроспективные цепочки от археологии начала XX века вглубь — все эти пути приведут, в конечном итоге к познанию места Западносибирского севера в мировом контексте циркумполярных культур.

Временные рамки работы (имеется в виду перспектива написания «Истории Ямала», что уже само по себе подразумевает охват всей возможной временной последовательности) определяются, исходя из ее специфики и задач: от самой глубокой древности, которая на севере Западной Сибири, возможно, представлена памятниками верхнего палеолита и до памятников конца XIX—начала XX века, так как их изучение дает возможность дополнить исторические и этнографические исследования и описания, а также достроить ту самую ретроспективную цепь, которая является методической основой большинства регионоведческих исследований.

Территория включает в себя ареалы северной тайги, лесотундры и тундры вплоть до арктических побережий западносибирского материка. Тесная связь человека и среды на Севере подразумевает включение в темы исследований подробную природную характеристику региона, а также экскурс в историю формирования среды и климата в регионе в конце плейстоцена и в голоцене.

Генеральный вопрос: можно ли в ближайшие годы на основании имеющегося корпуса источников и состояния проблематики написать обобщающую работу?

История изучения и оценка степени изученности археологических источников. Археологические исследования на севере Западной Сибири: конец XIX—XXI вв.

Археологические исследования на территории Ямало — Ненецкого автономного округа начались сравнительно поздно: в начале XX в. До этого времени они носили более чем эпизодический характер: так, например, известный своим трудом «Путешествие в Западную Сибирь» (Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М.,

1882) доктор О.Финш произвел первые раскопки могильника на острове Халаспугор, вскрыв 4 погребения, черепа из которых впоследствии изучал Р.Вирхов (Мурашко, Кренке, 2001, с. 11). Но чаще о наличии «курганов» и городищ в этом регионе лишь упоминалось в описаниях К. Голодникова, И.Я.Словцова, К.Д.Носилова, Р.Е.Кольса (Талицкая, 1953). В 1909 году состоялась русская академическая экспедиция на Полярный Урал под руководством О.О.Баклунда. Членом этой экспедиции Д.Т.Яновичем впервые были широко изучены раскопками могильники урочища Халас-Пугор и других в низовьях р. Обь (Мурашко, Кренке, 2001). Чуть позже раскапывается «остяцкий» могильник в черте г. Салехарда, (Руденко, 1914). В середине 20-х годов политический ссыльный Д.Д.Редриков собрал археологическую коллекцию с памятников, расположенных в черте г. Салехарда, обследовал городища Вож-Пай и Эви-вож, поселение Хара-патка и другие памятники у пос. Кушеват. В 1928 г. экспедицией Уральского комитета Севера под руководством В.П.Евладова был обнаружен первый археологический памятник на Ямале — поселение «легендарных людей сирите» на северо-западе полуострова на мысу Тиутей (Моржовый), летом 1929 г. оно было обследовано В.Н.Чернецовым. Кроме этого поселения, В.Н.Чернецов обнаружил там же, на берегу Карского моря, еще один памятник — так называемую дюнную стоянку. В том же году им было найдено и частично раскопано поселение Хаен-Сале на самом севере полуострова. Эти работы легли в основу статьи, опубликованной в журнале «Советская этнография» в 1935 г., которая в силу ряда причин на много лет стала базовой для исследователей не только Крайнего Севера Западной Сибири, но и вообще циркумполярной зоны Евразии и севера Америки (Чернецов, 1935; см. также Фитцхью, 2000).

В 1932 году при строительстве здания гидропорта в пяти километрах от тогдашней городской черты г. Салехарда были обнаружены древние артефакты. В 1935—36 гг. экспедиция под руководством В.С.Адрианова производила раскопки памятника, названного им городищем Усть-Полуй. Материалы этой экспедиции (коллекции артефактов насчитывали около 50000 единиц) поступили в фонды МАЭ (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), г. Ленинград). К сожалению, автор раскопок был репрессирован в конце 1936 года (Решетов, 2000, с. 245), не успев толком опубликовать результаты своих работ (Мошинская, 1965, с. 10).

В 1946 году совместными усилиями Арктического научно-исследовательского института и Института истории материальной культу-

ры (ИИМК) была организована Мангазейская экспедиция для обследования остатков известного по письменным источникам русского города Мангазеи, расположенного в нижнем течении реки Таз. Впервые местоположение Мангазеи было установлено экспедицией Ю.И.Кущелевского в 1862-64 гг. В 1927 году городище обследовано экспедицией Географического общества под руководством Р.Е.Кольса. Участники Мангазейской экспедиции 1946 года В.Н.Чернецов и В.И.Мошинская попутно произвели исследования в районе г. Салехарда: провели рекогносцировочные раскопки на городище Усть-Полуй и поселении Зеленая Горка вблизи устья р. Полуй, раскопали жилище эпохи бронзы в черте города, обследовали два поздних (XVIII – XIX вв.) кладбища (Талицкая, 1953). В конце 40-х годов геолог Г.А.Чернов открыл 8 разновременных стоянок на р. Щучья в Приуральском районе ЯНАО (Чернов, 1951).

В 50-е годы выходит серия обобщающих работ, принадлежащих В.Н.Чернецову и В.И.Мошинской (Чернецов, 1953, а, б, в; 1957; Мошинская, 1953 а, б, в, 1965). Эти работы, охватившие, практически, все археологические эпохи на севере Западной Сибири, надолго стали основополагающими для всех, изучавших древности этого региона и не утратили своей актуальности до сих пор. Тогда же И.А.Талицкой была опубликована первая сводка археологических памятников, известных к тому времени на территории Западной Сибири и, в том числе, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Талицкая, 1953).

В 60-х годах полевые исследования проводились экспедициями Ленинградского отделения института археологии (ЛОИА) АН СССР под руководством Л.П. Хлобыстина и МГУ под руководством Л.П.Лашука. Ими были обследованы районы на юге и юго-востоке полуострова Ямал, в низовьях р. Оби, в устье р. Таз. Результаты исследований изложены в ряде статей этих авторов (Лашук, 1965, Лашук, Хлобыстин, 1986, Хлобыстин, 1967, 1977, 1987), в которых, в частности, была предложена схема развития ямальских древностей для эпохи энеолита-бронзы, а также на основании раскопок Л.П.Лашука в районе бухты Находка было высказано предположение о соответствии археологических памятников и легендарного народа ненецкого фольклора – сихиртя. Л.П.Хлобыстиным впервые был обследован Надымский городок.

В 1968–70 гг. совместной экспедицией ААНИИ и ЛОИА АН СССР под руководством М.И.Белова были проведены первые крупномасштабные раскопки на территории округа – исследования на

городище Мангазея, в результате которых было вскрыто более 2 тыс. кв. м. культурного слоя, изучены остатки крепостных сооружений 1607 года, острога, заложенного в 1601 г., воеводских дворов, приказной избы, Троицкой соборной церкви с несколькими захоронениями, а также посада с остатками гостиного двора, таможни, усадьбы ремесленника — бронзолитейщика, жилых домов и т.д. По итогам раскопок и изучения архивных материалов вышли два тома работ (Белов, 1980; Белов, Овсяников, Старков, 1981).

В конце 70-х—в 80-е годы на территории округа работают археологические экспедиции ряда вузов: Тобольского пединститута — на Ямале и в Шурышкарском районе, Тюменского госуниверситета — в бассейне Пякупура, Уральского госуниверситета — в бассейнах рр. Надыма и Пура, в низовьях р. Оби. В начале 90-х годов на полуострове Ямал и в Приуральском районе произвела разведочные обследования и стационарные раскопки поселения Паром I экспедиция ИПОС СОРАН. В 1990-92 годах экспедицией ТГПИ проведены стационарные раскопки на городище Ярте VI на р. Юрибей (п-в Ямал). С 1993 по 1995 экспедиция Уральского госуниверситета, потом Института Истории и археологии вновь раскапывала городище (жертвенное место) Усть-Полуй. В конце 90-х годов на территории округа продолжались исследования в Пуровском районе (экспедиция Уральского госуниверситета), Приуральском и Ямальском (экспедиция Института истории и археологии УрО РАН, Томского госуниверситета). Закончены стационарные раскопки поселения эпохи энеолита — бронзы Вары-Хадыта П, первого на территории округа средневекового грунтового могильника Зеленый Яр. В настоящее время активно ведутся раскопки так называемых «поздних» археологических памятников (VI—XIX вв.) — поселений-городков — Надымский Городок (многолетние раскопки О.В.Кардаша), Салехард I (Обдорский острог — раскапывается О.В.Кардашем в 2004 г), городища Усть-Войкарского (Войкарский городок). Возобновлены раскопки городища Мангазеи (Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.).

По итогам работ 80—90-х годов появилась целая серия работ, как публикационного, так и обобщающего характера, а именно: сводка Л.Косинской и Н.Федоровой «Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа (1994), коллективное исследование, выполненное в ИПОС СОРАН «Ямал — знакомый и неизвестный» (1995), монография Н.Федоровой, П.Косинцева и В. Фитцхью «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-

западного Ямала в железном веке» (1998) и ряд статей в различных изданиях. Наконец, в 2000 году вышел первый том «Древностей Ямала», большая часть статей в котором написана на материалах археологических источников (В.С.Стоколос, В.В.Фитцхью, Н.В.Федорова, А.А.Погодин, А.Г.Брусницына и К.А.Ощепков, С.Г.Шиятов и Р.М.Хантемиров, А.М.Решетов, 2000), и третий выпуск «Научного вестника», издаваемого Администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа, в котором также помещен ряд итоговых статей по результатам многолетних археологических работ (Н.В.Федорова, Л.Л.Косинская, Е.А.Васильев, А.Г.Брусницына, П.А.Косинцев, 2000). В 2001 г. опубликована монография О.А.Мурашко и Н.А.Кренке «Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке», в которой опубликованы материалы раскопок Д.Т.Яновича 1909 г. и дан глубокий анализ собранной им коллекции. В 2001–2003 гг. выходит серия статей, посвященных результатам раскопок археологических памятников Ямальского севера, издаются два каталога выставок — «Усть-Полуй: 1 в до н.э.» и «Сокровища Приобья: север Западной Сибири на торговых путях средневековья». В 2004 г. вышла монография А.В.Головнева «Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор», в которой дается в том числе археологический очерк территории (Головнев, 2004).

Итак, на сегодняшний день на территории ЯНАО известны археологические памятники, практически, всех эпох — камня, бронзы и железа; проблематика научных исследований охватывает широкий круг тем: хозяйственно-культурная адаптация и типология хозяйства, пути и способы освоения человеком северных территорий, этно — и культурогенез, древнее искусство, культурные связи и т.д.

Археологический очерк. Краткая характеристика проблематики по эпохам.

Эпоха камня.

Палеолит. Оценка возможности заселения человеком территории севера Западно-Сибирской равнины связана с принятием одной из двух моделей реконструкции природной обстановки в позднем плейстоцене. Одна из них предполагает наличие в это время мощного ледникового щита, доходившего на юге до района широтного течения р. Оби (ок. 62 с.ш.), южнее которого располагалось обширное подпружное озеро-море, имевшее сток по Тургайской ложбине в бассейн Арало-Каспия, соответственно, археологические памятники эпохи палеолита фиксируются вдоль южного берега этого

озера, и вряд ли могут быть найдены севернее 60 с.ш. (Петрин, 1986). Сторонники другой модели сомневаются в существовании подпружного озера в центральной части равнины, считают, что преобладающим ландшафтом на севере Западной Сибири были мерзлотные тундро-степи с термокарстовыми озерками, а подпружные водоемы располагались в углубленных долинах рек, сформировавшихся еще до наступления последнего оледенения (Быкова, Смирнов, 1994). В таком случае, возвышенные участки материковых образований были вполне доступны для заселения человеком, что отчасти подтверждается находками плейстоценовой фауны и, главным образом, костями мамонта.

В 1993 году на р. Войкар в Шурышкарском районе ЯНАО было обнаружено местонахождение мамонтовой фауны вместе с находками каменных изделий архаичного облика (скребло мустьерского облика, скребок из гальки, орудие типа *pièce escaillé*, отщепы). Это местонахождение предварительно датировано концом верхнего палеолита — 14 тыс. л.н. (Косинская, Федорова, 1994, с. 63-64). А.А.Погодин считает, что «открытие стоянок верхнего палеолита на левобережных притоках Оби и в предгорных районах Северного Зауралья закономерно: путь проникновения на эту территорию человека верхнего палеолита с запада или юго-запада — из Приуралья — представляется наиболее реальным» (Погодин, 2000, с. 70).

Мезолит. На ранних этапах голоцена, после исчезновения ледников, природные условия западносибирского Севера стали близки современным: сформировалась современная речная сеть, на месте безлесных тундростепей возникли ландшафтные зоны тайги и тундры, вымерли многие виды животных ледниковой эпохи. Потепление климата, начавшееся с 10300 л.н. достигло максимума к бореальному периоду (9500 — 8000 л.н.) и особенно к атлантическому (8000 — 5000 л.н.). Палинологические исследования (изучение пыльцы растений из почвенных разрезов) показывают, что лесная растительность распространилась до широты Полярного круга, современная лесотундра была покрыта лиственнично-еловым редколесьем.

На территории округа открыты к настоящему времени только три мезолитических памятника, сохранность которых, к сожалению, оставляет желать лучшего: в верховьях р. Пур — стоянка Пямали-Яха IV; в низовьях р. Оби у г. Салехарда — стоянка Корчаги 1-Б; на полуострове Ямал в нижнем течении р. Юрибей — стоянка Юрибей 1. Все они датированы серединой VII—концом VI тыс. до н.э. (Пого-

дин, 2000, с. 72). Недостаточная изученность не дает возможности пока говорить об определенном родстве этих памятников с расположенными южнее, в бассейне р. Конды, или западнее — в Приуралье, как и о путях заселения севера Западной Сибири в мезолитическое время.

Неолит. Памятников последнего периода каменного века — неолита (начало V — начало III тыс. до н.э.) на территории Ямало-Ненецкого автономного округа до сих пор не обнаружено, несмотря на то, что климатические условия благоприятствовали расселению человека на севере: климат был теплее и мягче современного, а граница лесов максимально продвинулась к северу и достигла южной части полуострова Ямал. На территории современного Ханты-Мансийского округа неолитических памятников выявлено достаточно много: долговременные и сезонные поселения открыты в бассейне р. Конды, на рр. Сев. Сосьве, Казыме, Вахе, в Сургутском Приобье, выделено несколько археологических культур этого времени, объединяемых понятием Урало-Западносибирской культурной области.

Эпоха энеолита — бронзы (раннего металла).

К эпохе энеолита-бронзы на территории округа относится довольно значительное количество поселенческих памятников (более 60), причем их число постоянно возрастает. Но, поскольку все они до недавнего времени были известны только по разведочным сборам, выделение отдельных культур и культурных типов вызывало появление различных точек зрения.

В свое время Л.П. Лашук и Л.П. Хлобыстин выделили памятники с керамикой энеолитического *йоркутинского* типа на основании разведочных сборов с р. Йоркута-яха, около пос. Яр-Сале и на р. Оби, ниже г. Салехарда. Предварительно этот тип памятников датируется началом II тыс. до н.э. Материал представлен керамикой в виде сосудов так называемой митровидной формы, орнаментированной горизонтальными и вертикальными рядами «шагающих» гребенчатых и гладких отпечатков, птичкообразными и арочными оттисками, перемежающимися поясками круглых и овальных вдавлений, а также каменными шлифованными наконечниками стрел листовидной формы (Лашук, Хлобыстин, 1986).

Около середины II тыс. до н.э. по мнению этих же авторов в Заполярье по обе стороны от Уральского хребта сформировалась *ортинская* культура, относящаяся уже к эпохе бронзы. К ее западносибирскому варианту, названному ими *пернашорским*, они от-

несли ряд памятников, обнаруженных в низовьях р. Оби и на Южном Ямале (Лашук, Хлобыстин, 1986). Однако, В.С.Стоколос относит эти памятники к *чужьяельской* энеолитической культуре, во всяком случае, отмечает их родственность (Стоколос, 2000, с. 13). Приблизительно этим же временем датировали выделенную ими *сартыннинскую* культуру В.Н.Чернецов и В.И.Мошинская, керамика которой отличалась своеобразным геометрическим орнаментом, разнообразными формами сосудов — плоскодонные горшки, миски, ладьевидные сосуды. Исследовавший впоследствии эту культуру Е.А.Васильев считал ее носителей таежными жителями, которые в XIV — XIII вв. до н.э. продвинулись в низовья р. Оби.

В конце II тыс. до н.э. в тундре и лесотундре появились представители некоей общности, для которой была характерна керамика с гребенчато-ямочным орнаментом (Косинская, Федорова, 1994, с. 20). Памятники этого типа были названы *тазовскими* по одноименному поселению, расположенному в устье р. Таз. Вместе с керамикой тазовского типа были встречены и каменные орудия: скребки, треугольные наконечники стрел, шлифованные изделия из сланца.

К рубежу II-I тыс. до н.э. относится появление в низовьях р. Оби поселений с так называемой крестовой керамикой, основу орнаментации которой составляли весьма характерные оттиски мелкого штампа в виде косоугольного креста. Исследователи отмечают близость этой керамики посуде атлымской культуры, распространенной от северного и среднего Зауралья до Новосибирского Приобья. В результате контактов потомков тазовского населения с атлымским или близким ему на Нижней Оби формируется *хэяхинская* культура (Косинская, Федорова, 1994, с.20)

В последнее время в изучении памятников эпохи раннего металла наметились очевидные сдвиги, выразившиеся в производстве стационарных археологических раскопок на ряде поселений как в северных районах округа (пос. Вары-Хадыта П, р-н пос. Яр-Сале, раскопки Е.А.Васильева; бухта Находка, раскопки В.С.Стоколоса), так и на юге его (пос. Щетнмато-лор, Пуровский р-н, раскопки Л.Л.Косинской).

Поселение Вары-Хадыта П относится ко времени второй четверти — середины II тыс. до н.э. (Васильев, 2000, с. 29). Довольно мощный культурный слой памятника обильно насыщен фрагментами керамических сосудов, каменными орудиями и отходами их производства, был даже зафиксирован — что очень важно — оплавленный фрагмент меди или бронзы, говорящий о том, что население,

оставившее этот памятник, как минимум, было знакомо с металлическими орудиями. Анализ керамического материала позволили автору раскопок Е.А.Васильеву представить историю формирования культуры бронзового века Южного Ямала: по его мнению вдоль Оби на север продвинулось сартыньинское население, которое принесло сюда традицию изготовления своеобразных ладьевидных сосудов и специфический геометрический орнамент в виде сот. В низовьях Оби и на Южном Ямале мигранты столкнулись (и, по-видимому, смешались) с местным населением, для которого были характерны памятники с керамикой йоркутинского типа (Васильев, 2000, с. 28). Е.А.Васильев полагает, что навыки работы с металлом были занесены на север пришельцами из таежных регионов.

Примерно к тому же времени относится и поселение Щетнматор, исследуемое Л.Л.Косинской в бассейне р. Сугмутен-ягун. На поселении фиксировалось три жилища, одно из которых к настоящему времени раскопано (Косинская, 2000, с. 15). Собрана большая коллекция керамики и каменного инвентаря, и — также, как и на пос. Вары-Хадыта П — обнаружен небольшой слиточек меди или бронзы. Л.Л.Косинская считает, что поселение относится к кульганскому типу памятников, входящих в состав общности гребенчатоямочной керамики таежной зоны Западной Сибири (Косинская, 2000, с. 18).

Поводя итог рассмотрению довольно пестрой и не до конца ясной картины различных культурных типов, в которые исследователи объединяют памятники, относящиеся к эпохе раннего металла, можно отметить основное: по-видимому, именно в эту эпоху начинается подлинное освоение человеческими коллективами территорий севера Западной Сибири. Пришедшие сюда в разное время разные по происхождению коллективы и придавали культурно-исторической картине ту мозаичность, которая постепенно в процессе их взаимодействия и взаимной ассимиляции привела к относительной культурной однородности населения в эпоху финальной бронзы и начала железного века.

Эпоха железа.

Эпоху железа в Западной Сибири, как и на других территориях традиционно отсчитывают с VIII в. до н.э., хотя собственно железные изделия появляются около III в. до н.э., а следы их производства — не ранее I в. до н.э. По-видимому, правильное начало железного века датировать именно III в. до н.э., а время с VIII в. до н.э. по III в. до н.э. считать переходным периодом от одной эпохи к

другой, когда происходит ломка одних культурных стереотипов и замена их другими. Все это не в последнюю очередь связано с возникновением и расцветом на Урале иткульского и ананьинского металлургических очагов, снабжавших металлом и изделиями из него население низовьев р.Оби – так на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй были найдены как сами привозные круглые бляхи и трехлопастные наконечники стрел, так и металлическая форма для отливки наконечников явно иткульского круга (Усть-Полуй: I в. до н.э., 2003, с. 14-15).

Памятники переходного периода на территории округа известны плохо – некоторые разведочные сборы и небольшой по количеству ранний керамический комплекс на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй (Малоземова, Морозов, 1997, с. 203).

Подлинный железный век на севере Западной Сибири начинается с III в. до н.э. К этому времени относится сложение кулайской общности (этапа или культуры), ставшей с этих пор определяющим фактором для всего последующего западносибирского культурогенеза. Надо сразу оговориться, что по поводу выделения культур или общностей на археологическом материале эпохи железа существует несколько точек зрения в зависимости от того, какие признаки кладутся в основу построений и что превалирует – представления о сходстве, отмечаемые всеми еще со времени выхода работ В.Н.Чернецова, или выявленные региональные различия. Согласно одной из них в эпоху железа-средневековья на территории Нижнего и Среднего Приобья возникает, существует, мигрирует, приходит в упадок довольно большое количество (более 10) археологических культур, сменяющих друг друга на протяжении 2,5 тысяч лет. Согласно другой – в это время в ареале таежной и отчасти тундровой зон Западной Сибири сформировалась одна обширная археологическая общность, имеющая, естественно, локальные отличия в разных ее районах, но единообразно развивающаяся во времени и пространстве. Спор между сторонниками этих двух крайних точек зрения (есть еще целый спектр «переходных») носит отнюдь не схоластический характер, так как все эти представления напрямую выходят на этногенез угорских и самодийских народов западносибирского Севера.

Ко времени оформления кулайской культуры (общности) на территории округа относится значительное количество памятников археологии, распространенных довольно равномерно (пропорционально степени изученности) от его южных границ до р. Юрибей на полу-

острове Ямал, а возможно, и севернее. Раскопан пока только один памятник этого времени — городище (жертвенное место) Усть-Полуй. Раскопки 1993—95 гг. позволили констатировать, что это в большей степени святилище, жертвенное место, чем поселение. Было вскрыто несколько сооружений: кострища с выкладками вещей вокруг них, небольшие строения, предназначенные, по-видимому, для хранения священных предметов, обнаружены два женских погребения. Коллекция артефактов, хотя и меньше по численности собранной в раскопах 1935—36 гг., но не уступает ей по качеству и разнообразию предметов. Была уточнена датировка памятника с помощью дендрохронологического метода — I в. до н.э. Л.А.Чиндина полагает, что кулайские памятники и, в частности, Усть-Полуй были оставлены в низовьях р.Оби мигрантами из Среднего Приобья (Чиндина, 1984). Авторы раскопок на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй, напротив, считают материальную культуру его обитателей или, вернее, посетителей сформировавшейся на местной основе в предыдущий период.

Содержанием кулайского этапа (культуры, общности), не зависимо от точек зрения на происхождение этого феномена, является формирование единого комплекса материальной культуры на огромных пространствах тайги и тундры Западной Сибири, бурное развитие военного дела, фортификационных навыков, расцвет своеобразного искусства художественного бронзового литья, отражающего, по-видимому, сложные мировоззренческие представления, освоение оленного транспорта и т.д.

Культурное единство, образовавшееся в кулайское время, впоследствии не нарушалось. Еще В.Н.Чернецов рассматривал археологические памятники Среднего и Нижнего Приобья эпохи средневековья в рамках единой нижеобской культуры. А.П.Зыков и Н.В.Федорова предложили более широкое понятие для обозначения этого единства — Обь-Иртышская культурно-историческая общность (Зыков, Федорова, 1993). В это время у населения западно-сибирского Севера формируются основные хозяйственно-культурные типы. Они были изучены раскопками на поселении Тиутей-Сале I на северо-западе Ямала (Федорова, Косинцев, Фитцхью, 1998) и городище Ярте VI в нижнем течении р.Юрибей. Отмечено, что эти хозяйственно-культурные типы в общем совпадают с теми, которые еще недавно фиксировались у коренных народов ЯНАО, что поставило под сомнение теорию о недавней миграции самодийского населения из районов Саяно-Алтая (Федорова, 2000 а, с. 65-66). На

материале городища Ярте VI прослежены истоки хозяйственного уклада, основанного на сезонных перекочевках вслед за оленьими стадами, который послужил базой формирования современного оленеводства ненецкого типа. Разведочное обследование трассы будущей автодороги Харасавей – Бованенково, проведенное Ямальской археологической экспедицией в 2004 г выявило целый спектр памятников эпохи средневековья (VI–IX вв. н.э.) во внутренних тундрах Ямала, оставленных, скорее всего, оленеводческим населением.

Раскопки средневекового некрополя у поселка Зеленый Яр и анализ их результатов позволили сделать некоторые выводы этногенетического и социального характера. Выяснилось, что комплекс памятников у поселка Зеленый Яр состоит из трех компонентов: металлургического (вернее, металлообрабатывающего) комплекса и двух кладбищ – VIII–IX и XIII вв. Причем, в структуре кладбищ – погребения и поминальные комплексы. На обоих кладбищах захоронены мужчины и дети до семи лет, на позднем некрополе значительная часть погребенных скончалась от боевых ранений. Аналогии погребальному обряду заставляют предположить, что люди, оставившие эти памятники, сравнительно недавно появились в бассейне р. Полуй, возможно, откуда-то из Среднего Приобья. Расовую характеристику изучаемых людей (по крайней мере из позднего могильника) можно определить как находящуюся в пределах «монголоидности», присущей современному населению северных территорий Западной Сибири и относящуюся к сибирским типам уральской расы.

Раскопки так называемых «поздних» археологических памятников (XVI–XIX вв, привлечение этнографических наблюдений и анализ письменных источников, с одной стороны, обогащают выводы, сделанные на основании археологических раскопок. С другой – формирует убеждение в том, что этнические и исторические процессы на севере Западной Сибири, были так же сложны и неоднозначны, как и в других регионах. Поэтому одномерные реконструкции этнической принадлежности тех или иных остатков по типу «ханты – «остяки»» или «ненцы – «самоеды» являются упрощением реальной ситуации. По выражению авторов книги «Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX в.» О.А.Мурашко и Н.А. Кренке, археологические материалы поздних памятников «мы можем интерпретировать лишь как позднеколониальный вариант культуры коренных народов Обдорского Севера» (Мурашко, Кренке, 2001, с. 78).

Заключение.

Проанализировав ситуацию с археологическими источниками и степенью изученности проблематики на севере Западной Сибири, можно совершенно однозначно констатировать назревшую необходимость создания обобщающей работы, в которой «под одной крышей» было бы собрано и подробно рассмотрено все, что накопила за последние 50 лет археология Крайнего Севера Западной Сибири – современной территории ЯНАО.

Литература.

Белов М.И., 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.

Белов М.И., Овсяников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея, ч. II. М.

Брусницына А.Г., 2000. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири. // Научный вестник. Вып. 3. Издание администрации ЯНАО. Салехард.

Брусницына А.Г., Ощепков К.А., 2000. Памятники археологии Среднего Ямала (правобережье нижнего течения р.Юрибей). // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000.

Быкова Г.В., Смирнов Н.Г., 1994. Очерк среды обитания древнего населения севера Западной Сибири в конце плейстоцена и в голоцене.. Рукопись (ред. Н.К.Панова). Архив КА УрГУ. Ф IV, д. 31. Екатеринбург.

Васильев Е.А., 2000. Поселение Вары-Хадыта П и проблемы первобытной археологии Ямала. // Научный вестник. Вып. 3. Издание администрации ЯНАО. Салехард.

Головнев А.В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.

Зыков А.П., Федорова Н.В., 1993. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа. // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. Издательство УрО РАН.

Косинская Л.Л., 2000. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990 – 1998 гг). // Научный вестник. Вып. 3. Издание администрации ЯНАО. Салехард.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В., 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург.

Косинцев П.А., 2000. Промысловая деятельность населения и млекопитающие севера Западной Сибири в голоцене. // Научный вестник. Вып. 3. Издание администрации ЯНАО. Салехард.

Лашук Л.П., 1969. «Сиртя» – древние обитатели Субарктики. // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы. // КСИА. Вып. 185. М.

Малоземова О.В., Морозов В.М., 1997. Разведочные раскопки 1991 г и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй. // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск. Издательство ТГУ.

Мошинская В.И., 1953 а. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. // МИА. Вып. 35. М-Л.

Мошинская В.И., 1953 б. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. // МИА. Вып. 35. М-Л.

Мошинская В.И., 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири. САИ. Вып. Д 3-8. М.

Мурашко О.А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М, «Наука», 2001.

Петрин В.Т., 1986. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск. Наука.

Погодин А.А., 2000. К проблеме изучения первоначального заселения севера Западной Сибири. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000.

Решетов А.М., 2000. Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-Санкт-Петербург, 2003.

Стоколос В.С., 2000. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000

Талицкая И.А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА. Вып. 35. М-Л.

Усть-Полуй: 1 век до н.э. Каталог выставки. Салехард-Санкт-Петербург, 2003.

Федорова Н.В., 2000 а. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000

Федорова Н.В., 2000 б. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее. // Научный вестник. Вып. 3. Издание администрации ЯНАО. Салехард.

Федорова Н.В., Косинцев П.А., Фитцхью В.В., 1998. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург. Издательство «Екатеринбург».

Фитцхью В. В., 2000. В поисках Грааля: циркумполярная теория и реалии ямальской археологии. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000

Хлобыстин Л.П., 1967. Исследования на севере Западной Сибири. АО-1966. М.

Хлобыстин Л.П., 1977. Работы на севере Западной Сибири. АО-1976. М.

Хлобыстин Л.П., 1987. Находки близ г.Салехарда. // КСИА. Вып. 189.

Чернецов В.Н., 1935. Древняя приморская культура на полуострове Я-мал. // СЭ № 4-5.

Чернецов В.Н., 1953 а. Древняя история Нижнего Приобья. // МИА. Вып. 35. М-Л.

Чернецов В.Н., 1953 б. Бронза усть-полуйского времени. // МИА. Вып. 35. М-Л.

Чернецов В.Н., 1953 в. Усть-полуйское время в Приобье. // МИА. Вып. 35. М-Л.

Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тыс.н.э. // МИА. Вып. 58. М-Л.

Чернов Г.А. Археологические находки на р. Щучьей. // КСИИМК. Вып. XL.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск. Издательство ТГУ.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург – Салехард, 2000

Побережников И.В.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯМАЛА XVI–XIX ВВ.

Актуальность изучения Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа), одного из российских регионов, обладающего значительной спецификой и играющего (и игравшего) существенную роль в обеспечении прогрессивного развития страны, обусловлена в целом как потребностями осмысления прошлого края, так и особой ролью пространственно-географических аспектов в истории страны, огромной вариативностью развития ее отдельных территорий, специфическим характером взаимоотношений между центром и периферией. То есть, наш проект изучения истории Ямала изначально не должен ограничиваться только местными, краеведческими, несомненно весьма важными, проблемами; он должен решать общероссийские исторические (и более широко – социальные) проблемы.

По истории России написано немало добротных исторических, историко-экономических, историко-географических работ. Однако в большинстве из них акцент делается на выявление общероссийских закономерностей развития, определение влияния природно-клима-

тических условий на это развитие. В региональных, краевых исследованиях научный поиск нередко сводится к иллюстрации действия общероссийских тенденций на пространственно ограниченном материале.

Предлагаемый нами подход, апробированный при подготовке и написании коллективной монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века» / В.В.Алексеев, Е.В.Алексеева, К.И.Зубков, И.В.Побережников (М.: Наука, 2004), ориентирован на рассмотрение региона в качестве самостоятельного центра «кристаллизации» российской исторической жизни, воспроизведенного не столько «московско-петербургскими» замыслами и стратегиями, сколько принципиально новым — *региональным* — природным, этническим, геополитическим и цивилизационным окружением.

Такой подход позволяет исследовать не только общую логику процессов развития, но и воздействие на нее мест их протекания; устанавливать взаимосвязи между общей (страновой) динамикой развития и динамикой региональной структуры.

Данный подход предоставляет возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные события в понятиях широкой логики странового масштаба, а, с другой стороны, интерпретировать крупномасштабные исторические процессы путем простого агрегирования локальных событий.

Таким образом, лаконично очерченная перспектива позволяет по новому рассмотреть прошлое региона, дает новый фокус видения старых проблем. Не стоит долго убеждать, насколько важны исследования, проводимые в подобном ракурсе, для понимания проблем регионального развития современной России, поскольку они дают возможность извлекать исторический опыт, выявлять исторические корни современных проблем и противоречий регионального развития.

В этой связи следует сослаться на исследования академика РАН В.В.Алексеева, в которых разработана методология расширения общественного потенциала исторической науки, обоснованы возможности практического использования исторического опыта в современной социальной практике и социальном прогнозировании (Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004).

Методология реконструкции исторического опыта, согласно данному подходу, заключается не только в инвентаризации плюсов и

минусов общественной деятельности, успехов и неудач в историческом прошлом, но и в проецировании проблем, поставленных современностью, на исторический материал с целью выявления альтернативных вариантов их решения и пределов эффективности последних. Подобный подход по существу превращает историческую науку в экспериментальную отрасль знания, имеющую, наряду с фундаментальной, прикладную, социальную значимость.

Регионально-исторический подход.

Само понятие «регион» может рассматриваться с различных точек зрения, в зависимости от использования тех или иных систем критериев.

Э.Б. Алаев выделяет два имманентных и один методологический признак, присущие понятию «район».

Во-первых, по мнению Алаева, для района характерно наличие специфики данной территории, того, что по совокупности насыщающих ее объектов отличает ее от других территорий.

Во-вторых, Э.Б. Алаев указывает на наличие единства или генетической взаимосвязанности между этими объектами, которая придает территории целостность — новое качество, не выводимое из простой суммы насыщающих объектов.

Методологический признак состоит в том, что вследствие взаимосвязанности насыщающих территорию элементов изучать закономерности образования района можно лишь руководствуясь системным подходом, то есть рассматривая все эти элементы не изолированно, а в их единстве. Поскольку понятия «регион» и «район» синонимичны, указанные признаки можно отнести и к «региону».

В европейской аналитике регион интерпретируется как «территория, представляющая собой общность с географической точки зрения или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса».

В данном определении присутствуют как естественно-историческая (обусловленная наличием «территории», «географии»), так и проектировочная компонента, имеющая субъективную природу, пропускаемая сквозь «фильтры ментальности» и реализуемая через деятельность людей, их поведение.

Интеграция субъективной компоненты в концепт «региона» представляется нам актуальной и методологически корректной.

В более общем методологическом контексте это обуславливается дуализмом исторического процесса, который осуществляется как структурирование социальных отношений во времени и пространстве в результате перманентной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли (деятельности). Структура оказывает воздействие на человеческую деятельность и индивидуальную волю, а последняя, эксплуатируя непоследовательности и противоречия существующих структур, в состоянии изменить саму структуру. Унаследованная от прошлого структура является рамочным условием деятельности и одновременно ее результатом.

На деятельностной составляющей акцентирует внимание при определении концепта «регион» П.Г.Щедровицкий, по мнению которого «регионом» является единица соорганизации и связи процессов развития и процессов воспроизводства, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на стабильных структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов, материала жизнедеятельности и производства и т.д.; становление целостных механизмов и структур воспроизводства в условиях развития порождает «регионы» различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории, прикрепляться к ним и «паразитировать» на определенных массивах природного окружения и территориальных ареалах.

Понятие «регион» статично; однако «реальный» регион существует лишь в динамике и сам является продуктом данного развития. Региональное развитие рассматривается нами как динамика региональной структуры, которая результируется в распределении (и в перераспределении) региональных ролей в геополитической, политико-экономической, социокультурной и прочих сферах.

Существенным параметром регионального развития, по нашему мнению, может являться степень региональной идентичности (и самоидентификации). Нарастание значимости этого показателя сопровождается усложнением и повышением роли региона в территориальной структуре общества, процессы регионализации. Понижение значения показателя, напротив, приводит к упрощению территориальной структуры (условно можно сказать, к дерегионализации), которая при его нулевом значении превращается в однородное геополитическое пространство.

Итак, процесс формирования региона — процесс исторический; сам регион является продуктом этого процесса. Очевидно, что со

временем меняется региональная структура общества, трансформации подвергается и структура, и географические очертания самих регионов.

Историко-генетический подход естественно выбрать в качестве инструмента исследования процессов регионоформирования.

Данный подход позволяет реконструировать факторы и динамику образования региона в историческом контексте.

Однако при изучении регионоформирования плодотворно сочетание исторического подхода с ретроспективным, позволяющим проецировать видение проблемы «из будущего».

Например, при изучении формирования Уральского региона резонно, наряду с воссозданием исторической динамики освоения края, формирования его административного каркаса и территориально-экономической структуры, иметь в виду современный образ региона (Уральский экономический район, «Большой Урал», Уральский Федеральный округ). Собственно, в XVI—XVII вв. Урал даже в административном плане не выделялся в качестве самостоятельного образования, будучи включенным в состав Сибири (Тобольский разряд). Лишь на протяжении вв. постепенно формировались чисто уральские губернии.

Именно такой ретроспективный подход (взгляд в прошлое из нашего настоящего) при историческом оконтуривании уральского региона был использован в коллективной монографии «Урал в панораме XX века» (Екатеринбург, 2000), подготовленной Институтом истории и археологии УрО РАН.

То же самое следует сказать о регионе Ямал (включающем сегодня восточный склон Полярного Урала, Нижнее Приобье, полуостров Ямал, часть Гыданского полуострова, районы Обской и Тазовской губы с бассейнами рек Надым, Пур и Таз), который в современном виде сформировался относительно недавно, лишь в XX в. В XVI в. данная территория была разделена между двумя полуполюгендарными районами — «Обдорией» и «Мангазеей», тем не менее, попавшими на европейские карты того времени. Впоследствии, вплоть до 1930 г., пространство нынешнего региона было распределено между Березовским и Мангазейским (Туруханским) уездами, входившими на большем протяжении своего существования в различные разряды и губернии.

Далее, изучая региональное развитие исторически, предстоит неоднократно идентифицировать его исторические проекции. Такая процедура может проводиться на основе какого-либо одного

признака (за которым может скрываться соответствующий фактор).

В частности, широкое распространение получили географические, экономические, административно-политические, историко-этнографические схемы районирования. Не умаляя значения одномерного подхода, следует однако отметить его определенную ограниченность.

И все же одномерный подход не способен в полном объеме раскрыть территориальную специфику региональной среды, решающим образом воздействующей на все стороны жизнедеятельности человека, поэтому для выделения региональных таксонов необходимо использование целой системы признаков, в той или иной мере определяющих качественное своеобразие и вектор развития региона.

По крайней мере, представляется необходимым при идентификации исторического региона использовать следующие критерии:

— *естественно-географические условия*; данный признак в значительной степени детерминирует пределы и возможности человеческой жизнедеятельности на определенной территории; в то же время он находится в зависимости от разнообразных антропогенных воздействий и подвергается трансформации в процессе исторического развития;

— *этнодемографические, этнолингвистические, этнокультурные параметры*; имеются в виду характеристики, описывающие демографическую, социальную и этническую структуры, этнолингвистические показатели, раскрывающие уровень языковой гомогенности/гетерогенности, характер межязыковой коммуникации, механизм функционирования систем синхронных и диахронных информационных связей; этнокультурные параметры, характеризующие специфику орудий труда, бытовых предметов, жилища, трудовых традиций, обычаев, культов, символов, фольклора и т.д., которые связаны с традиционными хозяйственными занятиями и жизнью населения в определенных ландшафтно-климатических условиях, также должны приниматься в учет при идентификации региона (в определенной степени территориальным продуктом этнокультурных процессов могут рассматриваться историко-этнографические области, под которыми в этнологической литературе понимаются локализованные в пространстве и во времени части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния разных народов

формируются общие особенности в хозяйстве, социальном строе, культуре и быте);

— *социально-экономические параметры*; реконструкция территориальных социально-экономических структур; оценка включенности населения в страновую и мировую экономику;

— *административно-политические параметры*; учитывающие особенности национально-государственного и территориально-административного устройства, наличие собственной административно-политической системы, институтов власти и управления.

Естественно, выделенные на основе указанных и возможно дополнительно привлекаемых критериев регионы не совпадут. Однако вычленение некоего «интегрального» региона, предполагающего единство и сопряженность взаимодействия составляющих его частей, по нашему мнению, возможно.

Технически оно может быть осуществлено в процессе проецирования на карту «одномерных» регионов и выделения в пространстве их совпадения регионального «ядра».

Применительно, например, к Уралу XVIII—XIX вв. таким «ядром» может стать территория, на которой совмещаются «регионы» Волго-Уральской историко-этнографической области, Уральского горнозаводского района или «Уральской горной области», местных систем административно-территориального и территориально-отраслевого управления и т.д.

Применительно к истории Ямала периода русской колонизации региональная концентрация, вероятно, может моделироваться путем совмещения административных единиц, территориально-хозяйственных комплексов, территориально-языковых общностей и т.д.

Использование предлагаемого подхода требует постановки как ставших уже традиционными (что не отменяет углубленного изучения, поиска новых аналитических ракурсов, пересмотра тех или иных конкретно-исторических выводов), так и новационных проблем. При этом мы в своем исследовании, естественно, имеем возможность опираться на уже достигнутые научные результаты, получившие отражение в работах по истории Сибири, в исследованиях, посвященных отдельным этносоциальным категориям — русскому крестьянству Сибири, туземным народам Сибири, в историко-географических исследованиях географического изучения Крайнего Севера Западной Сибири. Особо следует выделить ряд работ (монографий, учебных пособий, научно-популярных изданий), по-

священных Северо-Западной Сибири и более конкретно – истории Ямальского края:

— Н.А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975;

— А.В. Головнев, Г.С. Зайцев, Ю.П. Прибыльский. История Ямала. Учебное пособие. Тобольск – Яр-Сале, 1994;

— Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995;

— Ямал: грань веков и тысячелетий / Популярный иллюстрированный очерк истории края с древнейших времен. Салехард-С.-Петербург, 2000.

В данных работах в целом выявлены некоторые особенности края, которые формируют его неповторимый облик, отличие от соседних регионов.

К числу таких особенностей следует отнести:

— огромная площадь и суровые природно-климатические условия;

— малонаселенность, малочисленность населения;

— замедленные темпы социально-экономического развития;

— хозяйственная многоукладность;

— этнокультурное разнообразие;

— тесная связь истории края с историей освоения Сибири и ее крупных территориальных образований – Березовского и Мангазейского уездов.

ПРОБЛЕМЫ

Колонизация

Достаточно традиционной является проблема колонизации края. Ее решение требует реконструкции маршрутов колонизации, этапов освоения – военно-административного, хозяйственно-экономического, социокультурного – территории, формирования поселенческого каркаса, складывания административно-территориальной структуры, адаптации населения к условиям среды.

При анализе данной проблемы предстоит решать вопрос о характере колонизации. В советской историографии, как известно, утвердилось мнение о мирном, земледельческом характере колонизации Сибири в целом. В постсоветской историографии диапазон мнений стал расширяться. Возрождается представление о завоевательном характере присоединения восточных регионов России.

Думается, что в данном вопросе не следует бросаться в крайности. Процессы колонизации должны изучаться конкретно-исторически. Вопрос о их природе также необходимо решать опираясь на конкретно-исторический материал, относящийся к отдельным эпохам и районам, конкретным народностям, с которыми вступали во взаимодействие русские колонисты и русская власть.

Много неясного и в вопросах формирования поселенческой структуры, складывания административно-территориальных единиц. Достаточно сказать, что не существует единого мнения даже по поводу основания самого Обдорска (Салехарда). Официальной датой основания острога считается 1595 г., хотя наряду с данной версией имеют хождение и другие — конец XV в., 1592, 1593, 1594, 1596 гг. Последнюю точку зрения недавно попытался аргументировать екатеринбургский историк А.Т. Шашков (К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири XVI—XX веков. Новосибирск, 1998).

Вообще, русское освоение края изучено гораздо хуже по сравнению с освоением его нерусскими народами. Лучше в этом плане исследованы более южные территории того же Березовского уезда (не входящие в состав современного ЯНАО), Сургутский уезд, составлявшие в XVIII — XIX вв. Северо-Западную Сибирь.

Тема колонизации и освоения края предоставляет богатый материал для сопоставления с проблемами, возникающими в жизни региона сегодня — это механизмы миграций, адаптации поселенцев к новым суровым условиям жизни, регулирования колонизационных процессов и т.д.

Социально-экономическое развитие

Данная тема также относится к числу традиционных в сибиреведении. Однако тот методологический подход, на основе которого были написаны в XX столетии основные труды по истории Сибири и ее отдельных регионов в значительной степени устарел. Я имею в виду историко-материалистический подход, ставивший в жесткую безальтернативную зависимость от развития производительных сил все надстроечные явления, рассматривавший в качестве источника развития классовую борьбу и навязывавший историческому материалу стадильно-эволюционный формационный каркас.

Сегодня очевидна надуманность многих прежних выводов о характере социально-экономического развития региона — например, о

развитии феодальных отношений (при том, что здесь не было ни феодального землевладения, ни феодально зависимых крестьян, ни собственно феодалов), об антифеодальном характере протеста местных народов в XVIII—XIX вв.

Не вписывается в действительности история края и в традиционную для советской историографии периодизацию, согласно которой рубежом между феодальной и капиталистической формацией объявлялся 1861 г.

Реальностью края, как мне представляется, на протяжении XVII—XIX вв. был полиморфизм, многоукладность и в сфере социальных отношений, и в экономической области, да и в институционально-политической и в социокультурной. Осознание данного обстоятельства постепенно проникает в современную историческую литературу, правда, преимущественно, на уровне эмпирического осязания.

Мозаичная картина подвижной истории будет ускользать от исследователя, придерживающегося того или иного стадийного подхода.

Необходим метод, позволяющий реконструировать причудливые, гибридные структуры, расплести историческую ткань, ставшую контекстом для разнородных социальных структур, институтов, взаимодействующих между собой, но сохраняющих при этом свое качественное своеобразие.

Между тем, в качестве адекватной модели для изучения такой сложной социальной реальности может быть использована концепция анклавно-конгломеративного типа развития, предложенная современными исследователями А.Д.Богатуровым и А.В.Виноградовым.

Авторы считают результатом подобного развития конгломератные общества, которые характеризуются длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных модельобразующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата.

Авторы характеризуют анклавы (которые могут представлять и новации) в качестве устойчивых структурных единиц конгломерата, относительная изолированность которых друг от друга не ведет автоматически ни к расцвету, ни к упадку. По их мнению, конгломератно-анклавный тип самоорганизации может быть инструментом успешного приспособления общества к средовому контексту. «Анк-

лав «традиционного» не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно так же анклав «современного» не гарантировано преобладание в масштабах всего общества, — утверждают А.Д.Богатуров и А.В.Виноградов, — Среда может стремиться поглотить анклав через распространение на него присущих ей связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной («сдвоенной», «строеной») структуры. Подобная структура способна позволить обществу, с одной стороны, адаптировать достижения техногенной цивилизации, а с другой, — сохранить условия для воспроизводства архаичных трудовых мотиваций так, что последние в соединении с современной техникой дадут экономический эффект, превосходящий тот, что возможен в стране происхождения этой техники на основе характерного для нее отношения к работе и производству».

Представляют также интерес модели, разработанные в противовес прогрессистскому эволюционизму, в рамках которых обсуждаются возможности «параллельного» развития и внесистемных структур. Мощный козырь в пользу данных моделей дают хозяйственные уклады, существующие столетиями, а иногда и тысячелетиями. Примером такого уклада может служить крестьянское хозяйство и вообще семейное и домашнее производство. В современной социологической литературе подобные формы получили наименование «эксполярных» (термин предложен Т.Шаниным), т.е. как бы находящихся вне основных полюсов (социализм-капитализм, план-рынок), за пределами главных маршрутов развития. При этом специалисты указывают на способность «эксполярных» структур, хозяйственных укладов, элементов сохранять собственную идентичность на протяжении в высшей степени длительных периодов времени, подвергаясь лишь поверхностным, косметическим изменениям.

Актуальным представляется акцент на проблемах социальной интеграции. Старая историография акцентировала внимание на поиске социальных противоречий, антагонизмов, конфликтности, видя в этих явлениях источники исторического динамизма. Между тем, вероятно, более важны для существования человеческого общества механизмы, обеспечивающие социальную стабильность, социальную интеграцию, сплочение и упорядочивание. Широкомасштабное теоретико-методологическое и эмпирическое исследование разнообразных социоинтегративных механизмов различного уровня (семья, община, городская общность, экономическая корпорация, субрегиональные и региональные общности, административные механизмы

и т.д.) значимо не только с чисто научной, но и с практической, прикладной точки зрения. Исторический опыт социальной интеграции может быть востребован в условиях переосмысления цивилизационной идентичности России на современном этапе, поиска стратегии национального развития.

Социокультурная динамика

Данная проблема обычно ставится при изучении региональной истории. Материальная и духовная культура, культура жизнеобеспечения — те компоненты, которые оказываются в орбите внимания исследователей. В определенной степени проблема изучена и применительно к региону Ямал, хотя весьма неравномерно как в этносоциальном, так и в хронологическом измерениях. Опять следует повторить тезис о меньшей изученности социокультурного облика русских поселенцев крайнего севера Западной Сибири.

Недостаточно изучены и процессы социокультурных взаимодействий и заимствований. Здесь может помочь методология диффузионизма. Диалог между различными обществами, усвоение «чужого», соотнесение его со «своим» — одна из вечных тем в истории. При этом к числу важнейших механизмов социальных изменений принадлежит диффузия, то есть распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, войны, путешествия и т.д.

Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. По-

следствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

Особый интерес представляет теория пространственной диффузии нововведений (Т.Хэгерstrand), интегрировавшая в научный язык концепты центров нововведений, информационного поля, эффектов соседства и барьеров.

Географические координаты изучаемого региона предопределили его контактную природу, складывание здесь многоэтнического по составу населения, сложную этнокультурную историю.

В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и результативался в формировании различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания.

С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. В целом же этнокультурные взаимодействия способствовали аккумуляции различных культурных традиций, их синтезу, возникновению новых оригинальных культурных импульсов, поиску резервов саморазвития культур, их внутренней переориентации, более эффективному использованию внутренних ресурсов.

В ситуациях, когда уровень развития соседствующих народностей существенно различался, этнокультурный обмен обычно носил асимметричный характер. Однако это не означало, что более разви-

тое общество всегда выступало в процессе обмена в роли донора, а менее развитое — в роли реципиента. Процесс заимствований протекал в двух направлениях, способствуя как прогрессу более примитивных обществ, так и обогащению и диверсификации культуры обществ, находившихся на более высокой стадии развития.

Модернизация

Особо следует остановиться на проблеме региональной модернизации. Очевидно, к региональной истории Ямала невозможно применять классическую модель модернизации и безоговорочно переносить общестрановые тенденции модернизации на историю региона. Думается, что модернизационные процессы начинают проявлять себя на севере гораздо позднее, чем в России в целом, возможно, лишь в XIX в. — развитие системы образования, социокультурная унификация, товаризация хозяйственной деятельности и т.д. Также очевидно, что модернизация не выкорчевала традиционные анклавы, сохранившиеся на Ямале до настоящего времени. При этом данное обстоятельство вряд следует оценивать негативно, согласно логике классической теории модернизации. Указанные «несообразности» можно объяснить лишь на основе адаптированной усовершенствованной модернизационной теории.

В качестве таковой может быть использована регион-ориентированная модель модернизационного анализа. Кратко ее сущность можно свести к следующим тезисам:

1. Отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону единой универсальной цели (подобный подход сегодня трактуется как этноцентричный); признание возможностей собственных путей развития, поворотных точек, в которых в процессе развития может происходить смена маршрута движения. Признание возможности различных траекторий модернизации открывает обсуждение проблемы разнообразия исторических типов или моделей развития.

2. Признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации (традиция как позитивный стимулятор процесса модернизации и как препятствие на пути модернизации; ослабление влияния традиции в процессе модернизации или ее усиление). Признание возможной конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса возможного дополнительного факто-

ра развития. Традиция как фактор, обуславливающий своеобразие различных общественных систем, сохраняющий это значение при продвижении к современности. Признание значительного адаптивного потенциала традиции как на уровне большой традиции (центра), так и на уровне малой традиции (периферии), способных трансформироваться по мере приспособления к изменяющимся условиям. Признание жизнеспособности (наличие своей внутренней логики, способности к реорганизации и непрерывности) так называемых переходных систем, сочетающих элементы традиции и современности. Необходимость дифференцированного подхода к системе традиций, обладающих способностью вариативно реагировать на вызовы современности.

3. Признание диффузии (распространение инноваций, в том числе их импорт в данное общество извне) в качестве значимого фактора модернизации, предпосылки ускорения социального прогресса; сложный характер процесса диффузии, включающий адаптацию к новым условиям, сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и средой, где они должны укорениться; вариативность последствий диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий.

5. Акцентирование внимания на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства. Индивиды и социальные коллективы должны рассматриваться в качестве конечных двигателей изменений; направление, цели и темпы изменений как результирующая конкуренции между различными деятелями (акторами), как область конфликтов и противоборства. Изменение в контексте данных структур, которые оно, в свою очередь, трансформирует, вследствие чего структуры выступают в качестве и условия, и результата; взаимодействие между деятельностью и структурами как смена фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации. Данное положение следует распространить также на территориальные (региональные и субрегиональные) общности.

7. Ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание длитель-

ной возможности некомплексного развертывания модернизационного процесса как в социетальном, так и в пространственном плане.

8. Признание значимости природно-географических условий (размеры страны, природные ресурсы, степень однородности географического пространства, геополитическое и геоэкономическое положение, природа институционализированного взаимодействия между центром и периферией; пространственные условия диффузии новаций) как факторов модернизации. Процесс модернизации разворачивается в пространственно определенных условиях, которые обуславливают его возможности и ограничения, навязывают ему определенную пространственную форму (организацию). Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее создающие, несут отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания. Без исследования комплекса проблем, связанных с пространственной организацией и географическими детерминантами, невозможно адекватно и полно объяснять процессы модернизации, выявлять присущие ему общие и особенные черты.

9. Признание возможности вариативного (конвергенция и дивергенция; восходящая и нисходящая) поведения территориальных единиц (регионов и субрегионов) в процессе модернизации; установление взаимосвязей между общей динамикой (страновой) развития (модернизации) и динамикой региональной структуры.

10. Признание регионализации (пространственной специализации региона на определенных видах социальной деятельности) в качестве существенного аспекта модернизации. Использование для изучения данного феномена концепта структурно-функциональной дифференциации. Регионо-ориентированный подход (мезо-уровневый масштаб) как возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные результаты в терминах широкой структуралистской логики, а, с другой стороны, интерпретировать масштабные социальные процессы путем простого агрегирования микролокальных событий.

Данная модель, в отличие от подходов, применявшихся в рамках прежних модернизационных исследований, отличается большей гибкостью и эластичностью по отношению к изучаемой реальности, временным и пространственным ее измерениям; она более продук-

тивна при изучении субстрановой (региональной, субрегиональной) динамики модернизации, поскольку не требует рассматривать общество как однородное единое целое (монолит), функционирующее по одним и тем же механизмам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Напротив, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы модернизации.

Формирование образа региона

Образ региона, согласно определению Д.Н. Замятина, в первом приближении можно определить как устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой или особенностью которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанности его основных элементов.

Географическое пространство в образе региона предстает как максимально структурированное и осмысленное в рамках определенной исторической эпохи. Культурно-историческая и природная когнитивная насыщенность образа региона позволяют отнести его к географическим образам высшего уровня образно-географической иерархии.

Структура образа региона представляет собой «матрешку»: стержневой, или «ностратический» образ как бы спрятан внутри нескольких «упаковок», которые обеспечивают его элиминирование (очищение, выделение) и, в известном смысле, репрезентацию.

Всякий раз как стержневой образ выбран, он предполагает определенное «ветвление» и продуцирование вторичных и «поддерживающих» образов.

Следовательно, эффективное географическое моделирование образа страны связано с разработкой альтернативных вариантов, сравнение которых и конечная оценка их рациональности должны проводиться с точки зрения конкретной цели исследования (фундаментально-научной, прикладной научной, практической).

Моделирование географического образа включает специфические приемы и способы, которые используются для «сгущения» стержневого образа и дальнейшего его «ветвления». Здесь можно выделить методы наращивания образно-географического поля, очертывания «ядерных» образов, зонирования и районирования об-

разно-географического поля. В качестве примера Д.Н. Замятин приводит первичное исследование образа Франции, связанное с очертыванием таких «ядерных» образов, как Париж, революция, мода, литература, Средиземноморье.

По существу моделирование образа региона выступает в качестве итога, синтеза всего предварительного регионального исследования. Оно включает и административно-территориальный портрет региона, и картины его разноотраслевых исследований (в первую очередь, географических исследований, включающих районирование), и геокультурные образы путешествий, и реалии хозяйственного, социально-культурного, лингво-этнического пространства, представления об общих корнях и ценностях, отразившиеся в месточтимых реликвиях, фольклоре и т.д.

Весьма предварительно в качестве символов-образов, которые могут быть инкорпорированы в состав геокультурного образа региона Ямал на основе изучения его истории XVI—XIX вв., можно, вероятно, назвать:

Обдорию, Мангазею, Северный Ледовитый океан, Северный морской путь, традиционную культуру оленеводов тундры, Обдорскую миссию и т.д.

С.В.Кодан

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В СОСЛОВНУЮ СТРУКТУРУ РОССИИ В 1800—1850-е гг.

В 1800—1850-е гг. продолжился процесс использования сословной стратификации в реализации государственного режима. Самодержавие, империя и подданство как отражение элементов российской государственности отчетливо просматриваются в качестве объектов политического и организационно-правового воздействия со стороны императоров Александра I и Николая I. В этом отношении о периоде 1800—1850-х гг. можно говорить как о времени, когда абсолютистско-имперская форма государства, отражая сущность государства и его сословный тип, в политике верховной власти получает достаточно четкое выражение с точки зрения оформления механизмов реализации государственной власти, показывает ее роль в политической системе, архитектуру организации, юридико-технологические приемы управления многонациональным государством и отражение в сословном

режиме способов и методов управления обществом. В условиях сословного типа политико-правовой системы в России, при котором «каждый является субъектом права и субъектом государства именно в качестве члена определенного сословия», а «внутрисословное равенство людей в их правосубъектности и государствосубъектности сочетается с межсословным неравенством — неравенством государственно-правовых статусов разных сословий и их членов»²⁶, определение места и роли подданного в системе связей с государством выступало в качестве важного инструмента обеспечения управления обществом, реализации авторитарного политико-правового режима в Российской империи. Определение сословной стратификации населения и поддержание ее на законодательном уровне отражало социальный вектор юридической политики Российского государства в 1800-1850-е гг. и выступало в качестве инструмента реализации авторитарного политического режима. Это было связано с тем, что политика государства, направленная на управление социальными процессами, жизнедеятельностью общества, в качестве объекта управления воздействует на индивида, придавая ему политико-правовое (юридическое) бытие — статусные рамки (права и обязанности) через установление определенной связи с государством. Такими рамками сословной иерархии и пользовалось Российское государство в сословной стратификации подданных. В свою очередь само сословное законодательство строилось на определенных началах деления общества на обособленные в социально-экономическом и правовом положении группы населения с различным статусом (привилегированные и непривилегированные); детальной регламентации сфер правоспособности каждого сословия; особого порядка применения положения в сословной иерархии и передачи сословного статуса по наследству, а также зависимости получения привилегий от «верховной власти» и государственной службы; наличия института лишения (ограничения) прав состояния за совершение преступлений политического и уголовного характера, а также проступков, влекущих исправительные наказания. Сословия в России выражали политико-юридическую связь между обособленными социальными группами и государством, которая заключалась в определении особого правового статуса каждой из них, передаваемого по наследству. Такие группы и являлись «сословием», а принадлежность к каждой из них характеризовалась наличием строго определенных прав и обязанностей в экономической, политической, социальной, юрисдикционной сферах, что определяло конкретный статус — «состояние»²⁷.

В России сословия стали формироваться еще в X—XI вв. и с начала XVII в. наметилась тенденция к консолидации социальных групп в сословия, что стимулировалось государством и оформлялось правом. Соборное уложение 1649 г. явилось важным рубежом в развитии сословного строя в России. Процесс образования сословий в XVIII в. пошел более быстрыми темпами под влиянием сословного строя, существовавшего в XVIII в. в странах Западной Европы, и в условиях строительства Петром I «регулярного государства» начинает определяться сословная стратификация населения. Екатерина II Жалованными грамотами дворянству и городам 1785 г. пыталась создать сословия, не только по форме, но и по духу сходные с западноевропейскими сословиями, сами грамоты стали подведением первого этапа развития сословного законодательства. К началу XVIII в. сословный принцип получил колоссальное государственное значение, став основным средством реализации политико-правового режима, пронизывающим всю систему государственного управления и правового регулирования статуса российских подданных.

В начале XIX в. сословное законодательство образовало подотрасль государственного права, регламентирующего социальную организацию населения в стране, положение сословий в социальной структуре общества. Вместе с тем, были определены лишь общие основы правового положения населения, отдельные сферы регулирования законодательного статуса сословных групп²⁸. В 1800—1850-е гг. сословное законодательство получает дальнейшее развитие — детализируется, дополняется, а затем получает систематизированную форму. Управление социальными процессами через «законодательный каркас» сословных узаконений обеспечивало политическую стабильность. Это было связано как с активным использованием «прав состояния» в реализации политического режима, так и с необходимостью четкого определения места личности и ее статуса в системе сословного права. Это нашло выражение как в привлечении источников сословного законодательства второй половины XVII—XVIII вв., так и в активной законотворческой деятельности государства в этом отношении. Источниками сословного законодательства России первой половины XIX в. явились различные по форме, содержанию и степени обобщения правовой информации законодательные акты. Если для регулирования правового статуса сословий в XVIII в. издавались акты по общему институциональному оформлению каждого из них, то для первой половины XIX в. уже ха-

рактерна детализация прав и обязанностей, внесение изменений и восполнение пробелов в законодательстве о сословиях. Это нашло отражение в интенсивности законодательной деятельности в данной сфере. Если из изданных в 1649-1700 гг. узаконений сохранили силу к середине XIX в. всего 15 узаконений, а из изданных в 1701—1800 — 301; то в 1801—1850 гг. последовало 1153 узаконения, имевших отношение к сословному статусу населения. Всего же действовало к середине 1850-х гг. в этой сфере правового регулирования около 1,5 тыс. законодательных актов²⁹.

В сословной стратификации обозначилась и проблема определения статуса коренного населения колонизируемых территорий. Эта линия в юридической политике Российского государства, наметившаяся в XVIII в., в 1800—1850-е гг. получило достаточно четкие очертания в определении сословного статуса этой категории подданных. Продвигаясь на Восток, Российское государство сталкивалось с различными племенами, населявшими приуральские и зауральские территории. Наиболее успешно проблемы включения коренного населения были решены Сибирской реформой 1819—1822 гг., в ходе которой была проведена кодификация регионального законодательства, нормативное урегулирование положения коренного населения Сибири. Сибирская кодификация, связанная с деятельностью М.М. Сперанского, положила начало определению сословного статуса коренных народов в России. Ее положения были распространены и на другие народы России. Создание пакета законов, определяющих правовой статус такого обширнейшего региона, как Сибирь, вполне вписывалось в идеи формирования в условиях многонационального государства такой правовой системы, при которой общеимперское законодательство и местные узаконения имели необходимую степень согласованности. При этом не исключалось также и использование родоплеменных социальных институтов и обычаев в тех регионах, народы которых вообще не имели достаточно развитой политико-правовой системы, что было характерно как для Сибири, так и других регионов Российской империи³⁰.

22 июля 1822 г. Александр I утвердил комплекс законодательных актов реформы: Учреждение для управления Сибирских губерний, Устав об управлении инородцев, Устав о сибирских киргизах и др. Характерно, что в системе актов Сибирской реформы Уставы о правовом положении коренного населения были поставлены на второе место после Учреждения, содержащего нормы государственного права. Давая понятие инородцев («под именами инородных разу-

меются все племена обывателей не российского происхождения, обитающие в Сибири»), Учреждение делило их по «образу... жизни на три разряда: 1) оседлые инородцы, т.е. «которые имеют постоянную оседлость, хлебопашество и живут деревнями», 2) кочевые инородцы, т.е. «которые имеют оседлость пока и постоянную, но по времени года переменяемую и не живут деревнями»; 3) бродячие инородцы, т.е. «которые, не имея никакой оседлости, переходят с одного места на другое по лесам и рекам, по их звероловному и рыбному промыслу отдельными родами или семействами». Исходя из этой градации определялся и административный механизм управления инородцами — на оседлых распространялось общее волостное управление; кочевые имели «свое родовое управление»; бродячие «по роду их жизни не имеют собственно никакого внутреннего управления, кроме семейного». Учреждение для управления Сибирских губерний 1822 г. определило положения и создало нормативную базу для интеграции родоплеменного управления в государственную региональную систему управления России. Этот акт, закрепивший государственно-правовую основу статуса Сибири как обособленного региона Российской империи, прописал основы управления и законодательного статуса сибирского коренного населения. Вместе с тем Сибирская реформа не ограничивалась лишь общими положениями Учреждения. Следующим «уровнем определения» взаимоотношений государства и коренных народов стал своеобразный «кодекс» коренного населения — Устав об управлении инородцев. Он явился своего рода кодексом, определившим правовой статус коренного населения сибирских губерний в составе Российской империи³¹. Его отличал высокий уровень законодательной техники, продуманная структура, ориентированность на конкретные сложившиеся интеграции сибирских коренных народов с их системой родового управления и социальной регуляцией жизни в политико-юридическую систему России. Устав строился на следующих принципах: придание сибирскому коренному населению сословного статуса с определением прав и обязанностей как со стороны инородцев, так и государства; включение родовой организации управления в государственную административно-управленческую систему управления Сибирью с согласованием и распределением компетенции между сибирской администрацией и родовой системой управления; сохранение обычно-правовой регуляции общественных отношений в юрисдикционной деятельности по гражданским делам и некоторым преступлениям; поощрение оседлого образа жизни и принятие

христианства с сохранением и правовым обеспечением веротерпимости; приравнивание правового положения коренного населения к русскому с одновременным предоставлением ряда льгот в повинностях; развитие свободной торговли с местным коренным населением с одновременным введением ограничений по ввозу спиртных напитков и табака; урегулирование налоговых отношений с установлением соответствующей четкой их правовой регламентации; оказание государством помощи в снабжении необходимыми припасами (оружием, порохом, снастями) и предоставление помощи продовольствием во время неудачных промыслов. Принципиальным моментом при создании устава была опора на родовую систему управления и обычное право как наиболее понятные и доступные для восприятия коренного населения, что обеспечивало своего рода миссионерскую функцию российского законодательства по отношению к обычному праву сибирских народов. Устав об управлении инородцев включал 372 параграфа, распределенных по 4 частям. На первое место были поставлены «права инородцев» (гл. 1-9, §§ 1-80). Две части регулировали организацию и правовой статус инородческого управления (ч. 2 — «Состав управления инородцами», гл. 1-10, §§ 81-1167; ч. 3 — «Наказ управлениями инородцами», гл. 1-12, §§ 168-295). Завершали Устав положения «О порядке сборов податей и повинностей с инородцев» (ч. 3, гл. 1-12, §§ 296-372). Не останавливаясь подробно на содержании Устава об управлении инородцев 1822 г., отметим, что он подвел итог формированию и развитию законодательства о коренном населении Сибири в XVII — начале XIX вв. Он не только свел в единый акт изданные ранее узаконения, но и значительно расширил и конкретизировал правовой статус сибирских инородцев, включив их в сословную и государственно-управленческую структуру государства, законодательно определив права и обязанности в различных сферах жизни, согласовал действие российского законодательства и обычного права. Отработанные подходы составили основу для регулирования положения коренных народов на других территориях Российской империи³².

Сословная структура российских подданных получила вторичное, более четкое и детализированное юридическое оформление в 1800—1820-е гг. с изданием Свода законов Российской империи 1832 г., в 9 томе которого (Свод законов о состояниях) были консолидированы узаконения о сословиях. Последующие издания свода в 1842 и 1857 гг. отражали изменения в действующем сословном законодательстве, а Законы о состояниях издания 1857 г. под-

вели итоги законодательного оформления сословной структуры российского общества за два столетия его развития. Одновременно это способствовало оформлению правового статуса российских подданных³³. Законодательство определяло четыре главных сословия — дворяне, духовенство, городские обыватели (городское сословие) и сельские обыватели (крестьяне), но при этом сами сословия не составляли единого целого, а подразделялись на разряды с различным правовым положением. Не останавливаясь в данной статье на сословной структуре общества по Своду законов о состояниях, отметим, что в особый раздел сословного законодательства («О состоянии инородцев») вошли нормы, регулирующие положение местных народов отдельных регионов страны — Сибири, Севера, Астраханской и Ставропольской губерний (ст. 1208-1811). В определенной степени в нем соединились различные уровни регулирования общественных отношений в национальных районах, обусловленные как введением норм общероссийского законодательства, так и сохранением национальных особенностей жизни, управления, положений обычного права (ст. 1208). В особую группу были выделены сибирские инородцы (ст. 1209-1258), сибирские киргизы (ст. 1259-1286), самоеды Архангельской губернии (ст. 1316-1325), нагайцы (ст. 1316-1325), калмыки (ст. 1326-1364) и евреи (ст. 1365-1511). Основными принципами определения сословного статуса местного населения были: учет этнических факторов и законодательства, принятие христианства, оседлый образ жизни, занятия как традиционными промыслами — скотоводством и торговлей, так и хлебопашеством. В общих правах оно приравнивалось к крестьянам, но имело и ряд льгот — освобождалось от рекрутской повинности, ряда пошлин и сборов и др. При оседлом образе жизни и принятии христианства разрешалось вступать в сословие государственных крестьян и мещан, записываться в гильдии «без всякого ограничения и стеснения и ... всегдашнюю свободу от рекрутства», могло быть получено и дворянство на обоих основаниях (пожалованием или службой)³⁴.

Важной проблемой являлся и вопрос о соотношении общеимперского законодательства и местных традиционных регуляций коренного населения Сибири, интегрируемого в состав имперских подданных. Характерной чертой было то, как подчеркивал Н.М. Коркунов, что «для объяснения обязательности обычного права прибегали к учению о признании силы обычая законодателем. Утверждали, что обычай получает обязательную силу лишь под условием

согласия на то законодательной власти...»³⁵. Это был общий для России и Европы подход, на практику которого, сложившуюся в средневековой Западной Европе по поводу сосуществования обычаев и законов, обращает внимание В.Г. Графский, указывая на то, что осуществлялось «признание и поощрение официальной судебной и административной практикой использования местных правовых обычаев для восполнения недостающих установлений в законах страны»³⁶. В русле этих тенденций развивалось «сосуществование» законодательства и обычного права и в Российской империи, но с учетом особенностей, связанных с наличием в сложившейся российской правовой системе двух уровней позитивного права и соответствующего им законодательства — общего и местного, которым и соответствовал надлежащий подуровень обычного права. При этом следует учитывать и то, что традиционные регуляции имели непосредственную связь с населением, проживающим на определенной территории, и, естественно, с соответствующим уровнем законодательства. Обычное право, например в центральной России (внутренних губерниях), выступало в качестве нормативно-регулятивного подуровня, связанного с действием так называемого «общего законодательства», действующего в отношении русского населения в их пределах, а в национальных регионах — местных узаконений — и имело отношение к народам, находившимся и пришедшим в состав российских подданных³⁷. Необходимо отметить, что в юридической политике Российского государства отводилось важное место как механизмам учета традиционных регуляций в юрисдикционной деятельности российской власти и ее учреждений на территориях с родовой организацией жизнедеятельности коренных народов, так и внедрению положений российского права в обычное право через взаимодействие общеимперского и традиционного права. При этом решались задачи поддержания единого политико-правового пространства и, в определенной мере, задачи выравнивания правового развития отдельных народов, которые ранее не имели традиций государственной самостоятельности, через явление, получившее в юридической антропологии название «правовой колонизации» («правовой аккультурации»). Из предложенных моделей правовой аккультурации российский вариант соотношения обычного и общегосударственного права входит в схему, сочетающую сотрудничество и интеграцию³⁸. Это достаточно четко просматривается в решении проблем соотношения законодательства и обычного права, что было закреплено в Уставе о сибирских инородцах от 22 июля 1822 г.,

проект которого подготовили в ходе Сибирской реформы 1819—1822 гг. М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков. Определяя в главе «Общие права инородцев» основы правового статуса сибирских коренных народов, устав оговаривал, что инородцы «кочующие управляются по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным». Изъятие составляли только тяжкие преступления. «В уголовных только преступлениях кочующие судятся в присутственных местах и по общим государственным установлениям... Уголовными делами относительно инородцев почитать: 1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) делание ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества. Все же прочие дела, не выключая и кражу, пока нравы их образованием не умягчатся, считать исковыми». И только «в проступках в российских городах и селениях разбираются они местною полициею на основании общих положений». Вопросам соотношения законодательства и обычного права была посвящена специальная глава «О законах и обычаях». Ее положения определяли, что «все кочующие и бродячие инородцы ... управляются по их собственным степным законам и обычаям», и поэтому предполагалось собрать обычаи, проработать их в специальных комитетах и, после их санкционирования властью, издать сборники обычного права. Подчеркивалось и то, что «степные законы имеют быть напечатаны на российском языке и, если можно, на языках тех самых племен, до коих оные относятся, или на языке, с употребляемым ими сходственным». Также оговаривалось, что «законы сии и российскими присутственными местами приемлются в основание в суждениях о делах кочующих и бродячих инородцев» и «недостаток в степных законах при решении дел дополняется российскими узаконениями»³⁹.

Это общее санкционирование применения обычаев в отношении сибирских коренных народов было распространено и на другие народы национальных регионов Российской империи. Предпринимались и попытки кодификации обычного права. При этом заметим, что интеграция обычного права в систему права и законодательства Российской империи не только способствовала внутривнутриполитической стабилизации в национальных регионах, но и в целом через его определенные коррективы и влияние общегосударственного права на традиционные регуляции содействовала развитию отдельных народов с родовой системой управления и традиционными регуляциями⁴⁰.

Итак, интеграция сибирского коренного населения имела важное значение в механизмах реализации политики государственной власти. Сословная стратификация использовалась в государственной политике для определения места и роли подданных в системе политико-правовых связей с государством через установление прав, обязанностей и привилегий для отдельных категорий населения. В условиях сословного типа политико-правовой системы в России определение места и роли подданного выступало в качестве важного инструмента обеспечения управления обществом.

Туров С.В.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ С РУССКОГО СЕВЕРА В СИБИРЬ (XII – XIX ВВ.)

Важнейшим фактором, вызывавшим массовые миграционные потоки с Русского Севера в Сибирь были кризисы, предопределенные экстенсивностью, присваивающе-производящего хозяйства особенно в северных районах края, то есть у коми-зырян и коми-ижемцов. Кризисный механизм запускался концентрацией неблагоприятных природных условий, повергавших хозсистему либо в состояние затяжной депрессии, либо приводивших к настоящей катастрофе.

Таким, по-видимому, был механизм миграции коми в Среднее и Нижнее Приобье в XII – XIV вв. Палеоклиматологи выделяют в истории климата II тысячелетия новой эры так называемый «малый ледниковый период», приходившийся на XIII–первой пол. XIX века. Начало этого периода характеризовалось резким ухудшением климатических условий уже в XII веке.⁴¹ XIII столетие в целом было чрезвычайно неблагоприятным по природным факторам во всей Русской земле: возвратные холода, засухи, эпидемии, эпизоотии и т.п.⁴²

В первой трети XIII в. на Руси было 17 голодных лет. Из них два голода продолжались несколько лет: – 1214–1216, и особенно голодное время: 1230–1233 годы.

В самый канун монгольского нашествия на Руси резко сокращается численность населения.⁴³ Во Владимиро-Суздальском княжестве, Черниговской и Рязано-Муромской землях из 157, обнаружен-

ных археологами, поселений 110 прекратили существование в XIII в. и далеко не на всех имеются следы пожарищ, так что винить в этом только монголов было бы не справедливо. Так, на территории Смоленского княжества, почти не затронутого нашествием, количество поселений в XIII в. сократилось на треть. В зоне расселения вятичей к XIV в. осталось только 11 % поселений, датируемых XI—началом XIII века.⁴⁴

Не обошли стороной несчастья и север Руси. В 1203 г. в Новгородской земле была губительная эпизоотия: «...измроша кони Новгороде и по селам».⁴⁵ В 1214 г. в Новгороде голод « бысть велик» вследствие недорода «...мерли мнози человецы, пси едяху».⁴⁶ Следующий год также был неблагоприятным, от голода погибло еще больше новгородцев «... и поставиша скудельницу и наметаша полну... **Разидеся власть наша и город наш**».⁴⁷ 1224 г. был неурожайным и голодным в Псковской земле.⁴⁸ В 1228 г. на Новгородчине — проливные дожди и сильные наводнения.⁴⁹ В 1231 г. был ужасный голод. Новгородский летописец свидетельствует, что люди ели липовый лист и кору, сосну, мох, конину, псину, кошек, а «простая чадь» убивала людей и «ядаху». Погибло около 45000 человек только в самом Новгороде.⁵⁰ В 1251 г. вновь голод, вызванный необычайно обильными дождями и возвратными холодами: «Быша дожди мнози и велицы и поводь велия и потопе, все и хлеб и сено и мост великий в Новгороде снесе на Волхове, и на осень поби мраз все обилие».⁵¹

В начале 70-х гг. XIII в. голодные годы были во всей Русской земле. В Новгороде самым тяжелым был 1273 год.⁵² Трудными были на русском северо-западе 1282 и 1291 годы.⁵³ В 90-х гг. XIII в. целая серия неблагоприятных лет в Русской земле. А на северо-западе еще и эпидемия: «Тогда же беаше и мор зол на людях» (1297 г., Псков).⁵⁴ В этой ситуации произошел исход предков коми в Сибирь. В конце 70-х — начале 80-х гг. уральская археологическая экспедиция проводила в Нижнем Приобье раскопки нескольких городищ, объединенных по топонимическому принципу. В этих топонимах присутствует формант «кар» (на коми «кар» — город). Локализуются городища с такими топонимами преимущественно на участке Оби между Салехардом и Ханты-Мансийском. После изучения полученного археологического материала были сделаны выводы о том, что в XII — XIII вв. на Нижней Оби существовали городища, основанные древними коми. Эти опорные пункты играли роль своеобразных торгово-ремесленных центров. Однако позднее население этих го-

родищ, по-видимому, было ассимилировано местными финно-уграми.⁵⁵

В «Житии святого Стефана, епископа Пермского» и в Вычегодско-Вымской летописи под 1380-1384 гг. содержится рассказ о противостоянии Стефана Пермского и языческого жреца Пама (Пана) — сотника. Пам в переводе с коми означает «жрец». Закончился этот конфликт переселением непокорных язычников во главе с Памой с р. Выми на север края («на Удору и на Пенегу»)⁵⁶ А потом, по-видимому, и на р. Обь. Во всяком случае, в 1392 г. Пама навестил родные края и не один, а в компании «вогуличей»: «Лета 6900 пришедшу на владычный город на Устьвым погаными вогуличи, а с ними Пан — сотник окаянной. Стояли вогуличи станом на Юруме на месте зовемый Асыкояг неделю, к горотку не приступали, а погосты около тех мест разорили. Узнав те вогуличи из слухов устюжский полк идет на вогуличов, сели в лодьи и утекли вверх Вычегодою-рекою».⁵⁷ В середине XIX в. Н.А. Абрамов записал у большеатлымских хантов предание о том, что их предки «... в числе нескольких семейств пришли сюда из Пермии с шаманом Памом — сотником».⁵⁸ А в 40-х гг. XVIII в. Г.Ф. Миллер слышал от жителей Белогорского погоста легенду о том, что некогда знаменитый на все Приобье «Мастерков шайтан» — идол «... в виде фигуры человека небольшого роста,...» был принесен «... из Пермии, в то время, когда она была приведена к христианству».⁵⁹

Между тем, этот исход коми-язычников на Среднюю Обь в действительности мог быть вызван в числе других куда более прозаическими, но от этого не менее вескими причинами. Последняя четверть XIV в. в целом в Русской земле была сопряжена с сильными морозами, осенними холодами и поздними веснами. Вымерзли болота, реки, озера. От лютых морозов гибли люди и скот.⁶⁰ Судя по новгородским и псковским летописям, на Севере с 1383 по 1386 гг. были еще и непрерывные губительные засухи: «Бысть помрачение на многы дни и нощи, и птицы падаху на землю и по воде и не видяху, кому летети, а людие не смеяху ездити и по озерам и по рекам, бысть в христианских скорбь и туга».⁶¹

Неурожаи, предшествовавшие «смутному времени», вынудили многих коми-пермяков переселиться в Сибирь: «лета 7110 (1602 г.) много людей государевых померло потому в Руси голод великий был два лета. Пермяки многие в голод тот **разбрелись вятским и сибирским городом**, а инии померли с неядения».⁶² Следующие 1603—1605 гг. были еще страшнее: «...омрачи господь небо обла-

ки, и толико дождь пролился, яко вси человецы во ужась впадоша. И приста всяко дело земли, и всяко семя сеянное, возрастиш, разседае от безмерных вод, лиемых от воздуха, и не обвея ветр травы земные за десять седмиц дней, и прежде простертия серпа побимраз сильный всяк труд дел человеческих в полях и в виноградах и яко от огня поядена бысть вся земля. Году же сему прошедшему, ох, ох горе, горе всякому естеству воскличущу, и во второй злейши бысть, такожде и в третье лета...».⁶³ Северная хозструктура не приобрела устойчивости и к концу XVII века. В 1695 г. холодное дождливое лето и ранняя зима привели к голоду на всем Европейском Севере: «Поморские страны, Колмогорской и Важеской уезды, и в Чаранской округе, и в Каргапольском уезде, и в Вычегодском уезде, и в Устюжском, и в Тотемском и Вологоцком и во всех уездах тое западные страны хлеба не сыпали и великими мразы побило. **И жители тех стран, люди мужска полу и женска с малыми детьми пошли все на расходы в поволские грады и уезды, где бы кому препитатися**».⁶⁴ Такая неблагоприятная климатическая ситуация держалась до 1697 года. В результате в Прибалтике и на Европейском Севере в этом году был один из самых страшных голодов.⁶⁵ И вновь с Севера России потянулись переселенцы в Сибирь. Свидетельством тому возможно является одна уникальная запись в книге «Око церковное», изданной в Москве в 1643г. и находящейся сегодня в собрании Проблемной археографической лаборатории УрГУ. В «200»-м (1691/1692 гг.) эта книга находилась в Соли-Галицком уезде в церкви Трех святителей Московских Петра, Алексея и Ионы, что стояла в «вершках» (верховье (?) — С.Т.) на р. Святице. В 1695/1696 году на полях книги была сделана запись: «Двести в третьем году воды были часты дождевые, хлеб был нивою добр, а зрения не было. Год был тяжек: хлеб за снег, люди мерли и скот пал, двести четвертого году». Уральские археографы получили эту книгу в 1977 году в с. Яутла Шатровского района Курганской области. Книга реставрирована фрагментами деловой документации, в которых упоминается Ялуторовский уезд и есть даты — 1714, 1762 гг.⁶⁶ В 1853-1857 гг. на Русском Севере складывается примерно такая же метеорологическая обстановка как и в 1695-1697 гг., то есть лета были холодными и дождливыми, а зимы ранними и суровыми. В земледельческих местностях Архангельской губернии это привело к неурожаям.⁶⁷ На 40-е — начало 50-х гг. XIX пришелся один из пиков эпизоотий по стране в целом.⁶⁸ В это время у коми-ижемцев на неблагоприятную экологическую

ситуацию наложилась демографический взрыв. Только с 1829 по 1855 гг. число жителей Ижемской и Усть-Цилемской волостей Архангельской губернии увеличилось в 2,2 раза.⁶⁹ Выходом из этого сложного положения стал отток части населения за Урал. С начала 40-х гг. XIX в. коми-ижемцы постоянно упоминаются в метрических книгах церквей г. Березова и Березовского уезда: сел Обдорского, Мужи, Кушеват, Сосьвинского.⁷⁰ Тогда же на Оби ижемцами была основана деревня Саранпауль («зырянская деревня» на языке манси). В 50-х гг. миграционный поток только усиливается. В это время появляются поселения ижемцев на р. Усе, по которой традиционно проходил путь с Печоры в низовья Оби.⁷¹ Цепочка этих поселений наверняка возникла благодаря постоянному потоку мигрантов из Коми края. В результате на Нижней Оби появляется постоянное зырянское население. Так, в с. Обдорском первое зырянское семейство поселилось в 1853 г.,⁷² в 1854 г. в с. Мужи появился первый постоянный житель-зырянин, крестьянин Мезенского уезда Норинской волости Филимон Рочев.⁷³ Конец 70-х — начало 80-х гг. XIX в. были одними из самых неблагоприятных в России за все столетие. По признанию правительственных источников, неурожай, отмечавшийся из года в год, истощили «средства населения и вызвали значительные стеснения в продовольствии». По причине сильного недорода 1880 г. при МВД была учреждена временная комиссия по урожайной статистике.⁷⁴

В начале XX в. Д.Д. Иевлеву некто Яков Попов «старик-поселенец» из Яр-Пи-Яка (р. Уса) рассказывал о страшном голоде, который в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. изнурял население Ижемского края: «Лет 40 тому назад... пришло на Уссу в разные места много народу с р. Ижмы. Голод там был, — хлеба купить нельзя было, промысел плохой, вот и пошел туда народ, кто на Уссу, кто в Сибирь, в Березов, в Мужи, в Обдорск. По Уссе тогда промыслы были сильно хорошие и рыбы, и зверя, и птицы вдоволь. В Ижме в те годы вместо муки хлеб из мха делали». Есть и другие свидетельства о наплыве зырян-ижемцев в Нижнем Приобье в начале 80-х гг. XIX в.⁷⁵

Тогда же из Ижмы двинулась первая партия переселенцев на запад в Мурманское заполярье.⁷⁶ К сожалению, наши наблюдения над связью экологической ситуации с миграционными потоками в Сибирь с Русского Севера не могут быть пока окончательными. Дело в том, что с одной стороны систематическое углубленное изучение миграций с выделением миграционных пиков есть задача будущего;

с другой стороны — ретроспективное изучение природных условий Русского Севера также далеко от завершения. Тем не менее отметим здесь, что резкое длительное ухудшение климатической обстановки на Русском Севере, включая Пермь Великую, повлекшее за собой голод, происходит еще, как минимум, дважды: в 1656—1664 гг. и во второй половине 30-х — начале 40-х гг. XVIII века.⁷⁷

Соколовский С.В.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И САМОУПРАВЛЕНИЕ: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Самоуправление относится к числу наиболее острых и, если говорить о ситуации с правами коренных народов в целом, до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем современного конституционного и международного права. Из всех требований коренных народов к правительствам государств и международным организациям, пожалуй, лишь только еще попытки реализации права на землю встречает столь же упорное сопротивление властей. Причинами такого положения служат не только незаинтересованность правительств, политических и экономических элит в удовлетворении противоречащих их интересам требований, но и весьма устойчивые стереотипы мышления и речевые клише, сложившиеся еще в эпоху колониализма и мало изменившиеся с тех пор.

Помимо практических сложностей, возникающих при согласовании интересов многочисленных сторон, вовлеченных в процессы становления и организации самоуправления у коренного населения (правительств и администраций разных уровней, некоренных групп, затрагиваемых этой политикой, различных ведомств и организаций и т.д.) существует немало трудностей чисто теоретического порядка. Что подразумевается под самоуправлением? Должно ли оно быть всеохватным, так сказать тотальным, или целесообразно его ограничение несколькими важными для коренных народов сферами, и если так, то какими именно? Должно ли оно охватывать все население территории (различные формы местного и территориального самоуправления), или, коль скоро оно направлено прежде всего на защиту коренного населения, то его границы должны выстраиваться по этническому принципу? Как необходимо поступать при столкновении в этом последнем случае интересов «самоуправляющихся

групп» и «несамоуправляющихся»? Не является ли сама категория «интересы коренного населения» (как, впрочем, и интересы «населения вообще») политической фикцией, поскольку несовпадение интересов городских и сельских жителей, людей, ведущих традиционное хозяйство и национальной интеллигенции, живущих оседло и кочующих, наконец, молодежи и пожилых людей очевидно? Кроме того, требования самоуправления часто осуществляются с позиции неприятия ценностей и образа жизни индустриального общества, и тогда целью самоуправления становится защита традиций тех групп коренного населения, которые отвергают технократический мир современной цивилизации. Однако самоуправление в этом мире, его устройство и поддержание требуют знания и владения современными политическими технологиями, а, следовательно, подготовленных кадров (политиков, управленцев, юристов, экономистов, бизнесменов и т.д.), что, по видимости, противоречит главной цели такого самоуправления — сохранению самобытности и нежеланию становиться частью этих технологий. Самоуправление с необходимостью раскалывает самоуправляющуюся группу на две части — «управленцев», взаимодействующих с «внешним миром» и становящихся, таким образом, неотъемлемой частью этого мира, в лучшем случае — посредниками, и «управляемых», чей мир и традиционные ценности призваны защищать «свои» управленцы. Стоит ли еще раз напоминать, что интересы этих двух групп могут существенно разойтись, так что «самоуправляемыми» окажутся, как часто бывает, лишь те, кто управляет, а не те, во имя которых осуществляется самоуправление. Тем не менее, есть основания утверждать, что в мире в целом и в истории России существуют прецеденты решения многих из перечисленных проблем, связанных с самоуправлением у коренных народов. К сожалению, процесс накопления этого опыта в российской политической практике неоднократно прерывался и сегодня в поисках положительных решений мы вынуждены обращаться к опыту других государств, устанавливающих новые стандарты в области обеспечения и защиты прав коренных народов, прежде всего, поскольку речь идет преимущественно о положении наших северных народов — к опыту скандинавских стран, а также США и Канады. Вместе с тем, не следует недооценивать и российский опыт, как исторический, так и современный, поскольку уже существуют, но остаются мало известными интересные решения отдельных проблем, связанных с организацией самоуправления у коренных народов Сибири как,

например, организация территорий традиционного природопользования, законы о статусе родовых угодий, принимаемые на уровне субъектов федерации и т.п.

Основные этапы истории самоуправления в России.

Одной из особенностей дореволюционного развития российского государства являлось то обстоятельство, что «присоединяемые» к нему население и территории сохраняли значительный объем самоуправления. Этот аспект государственности нашел свое отражение в Русской Правде, Новгородской и Псковской судебных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном Уложении 1649 г. и Своде законов Российской империи. К 1917 г. в России был накоплен значительный опыт децентрализации государственного управления, которое организовывалось с учетом географических, социально-экономических и культурно-исторических особенностей регионов. Этот опыт позволял сохранить на обширной территории государства традиционное право и обычаи коренных народов и способствовал росту Российской империи. Хорошо известно, что на принципах децентрализации государственного управления строилось управление народами Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Суть его заключалась в том, что каждый из этих народов имел свои традиционные органы управления, в предметы ведения которых центральная власть не вмешивалась. Правовой режим предусматривал освобождение коренного населения от целого ряда повинностей, защищал народы от ассимиляции, поддерживал развитие их культур, способствовал сохранению традиционного уклада хозяйства. Еще одной формой государственности во взаимоотношениях центральной власти с народами имперских окраин являлись протектораты: договоры о покровительстве с Хивинским ханством, Бухарским эмиратом и Урянхайским краем (Тува). Эта политика характеризовалась делегированием в метрополию только права внешних сношений и функций военной защиты, а также предоставлением особых прав русским купцам. Значение разнообразных форм децентрализованного управления различными регионами России состояло в том, что они обеспечивали известную степень гибкости управления, позволяя сохранять основы российской государственности.

Важной особенностью государственного развития дореволюционной России было территориальное несовпадение зон ответствен-

ности органов административного управления с районами действия финансовых, судебных и военных структур. Например, судебные округа Московской и Петербургской палат охватывали несколько губерний каждый. Это обеспечивало независимость правоохранительных органов, финансового и судебного контроля, защищало население от произвола местных органов власти. Такая система эффективно препятствовала сговору правящих элит, развитию коррупции, нарушению прав и свобод граждан. На аналогичных принципах построена федеральная судебная система в США: тринадцать апелляционных федеральных судов обслуживают все 50 штатов. Похожие системы действуют в Великобритании, Италии и Франции.

Исследователи эволюции форм управления населением Сибири (Л.М.Дамешек, В.А.Зибарев, А.Ю.Конев, В.Г.Марченко, Н.А.Миненко, А.И.Мурзина, И.В.Островский, А.И.Парусов, Л.С.Рафиенко, В.В.Рабцевич, Л.И.Светличная и др.) выделяют несколько этапов этой эволюции — от доконтактной «военной демократии», через прямое колониальное управление к управлению косвенному, а затем к религиозной интеграции и административной реформе, повлекшей усиление государственного контроля и регламентации многих сторон жизни коренных народов. Содержание этих «эпох» удачно суммирует А.В.Головнев: «Период 16—17 вв. можно считать стадией военного утверждения российской государственности, или, условно говоря, эпохой Ермака. После того, как миновал беспокойный 17 в. и оказались разгромленными или включенными в административную систему колониального управления основные военно-политические центры туземного населения, центр тяжести социальных отношений переместился в сферу религии. Символами группового единства стали не реальные богатыри-защитники, а их сакрализованные заместители — идолы. Роль соционормативных лидеров перешла к духовным вождям — шаманам. С 18 в. начался второй (после военного) нормативный натиск на туземцев — насильственная христианизация. На этот раз уничтожались идолы, крушились святилища, преследовались шаманы. ... По имени главного вдохновителя крещения этот период можно назвать эпохой Лещинского. В 19 в. благодаря принятию Устава «Об управлении инородцев» 1822 г. был совершен третий — правовой «захват» туземного населения. Регламентация жизни сверху еще более усилилась; при видимости народоправства реальными инстанциями управления и судопроизводства оказались инородные управы во главе с русскими писаря-

ми, уездные и губернские административные органы. По имени инициатора реформы 1822 г. этот период в истории российского влияния на туземцев можно обозначить эпохой Сперанского». Тем не менее, большинство специалистов по истории Сибири считают, что именно устав М.М.Сперанского «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. явился первой значительной реформой, направленной на расширение самоуправления коренных народов Севера в рамках российского государства. Как известно, устав был ориентирован на предоставление разных форм самоуправления для выделяемых им трех категорий коренного населения. В соответствии с § 1 Устава «все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» разделялись на три главных разряда — оседлых, кочевых и бродячих, с наделением каждой категории особыми правами и обязанностями. Оседлые инородцы, то есть «живущие в городах и селениях», уравниваются «с россиянами во всех правах и обязанностях, в которые они вступят» и управляются «на основании общих узаконений и учреждений...» (§ 13), в то время как кочевые инородцы (то есть «занимающие определенные места, по временам года переменяемые») составляют «особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления» (§ 24). Наконец, бродячие инородцы («ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам», «живущие в отдалении и рассеянии») пользуются теми же правами, что и кочевые, но с иным режимом наделения землями и освобождением от «денежных земских по губернии повинностей» (§§ 1, 61-62). Оседлые инородцы объединялись, при достаточном числе душ, в инородные волости, а кочующие и бродячие должны были управляться с помощью общинных родовых управ, подчиняющихся инородной управе, а затем уже земской полиции и окружному суду. На расширение децентрализации государственного управления в первом десятилетии ХХ в. была направлена и реформа П.А. Столыпина. Он намеревался создать в стране одиннадцать относительно однородных в этническом и экономическом плане крупных областей, в числе которых выделялась и Степная область (Западная Сибирь). В каждой из этих областей Столыпин предусматривал создание областного земского собрания и областного правительства. Области должны были получить широкие права местного законодательства по всем предметам ведения, которые не имели общегосударственного значения. Восточная Сибирь и некоторые

другие регионы (как, например, казачьи области, Крым и Кавказ) пока оставались вне областного управления. Убийство Столыпина в 1911 г. помешало осуществлению этих реформ. После революционных февральских и октябрьских событий 1917 г. опыт децентрализации был предан забвению и практически утрачен. К началу XX века коренное население столкнулось со все возрастающим давлением пришлого населения и индустриального развития. В 1920-е годы ряд этнографов (В.Г. Богораз и другие) предложили создать законодательство, которое бы регулировало политику в отношении коренных народов Севера. Идея проекта В.Г. Богораза была в том, чтобы дать районам, населенным коренными народами, статус коренных территорий. Однако реализация идеи общинной автономии была отвергнута. Советская власть признала за народами Крайнего Севера право на самоопределение и провозгласила их политическое равноправие, однако в своей практике она исходила из патерналистских представлений о «неподготовленности этих народов к созданию собственных органов самоуправления», и брала их под опеку, учреждая особые отделы и комитеты «по охране и управлению», «содействия развитию» и т.п. В 1924 г. при правительстве России был создан Комитет содействия народам северных окраин с целью законодательной и экономической защиты интересов народов Севера. Помощь государства этим народам должна была продолжаться до тех пор, пока каждая из малых народностей Севера «не дорастет до самостоятельности в виде самоуправляющейся хозяйственной и политической единицы». В 1925 г. был принят и законодательно закреплён список из 26 «малых народов Севера». Эти народы были объединены в одну группу на основании следующих критериев: 1) относительно малая численность, 2) ведение традиционных отраслей хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство), 3) образ жизни (полуоседлый, кочевой) и 4) низкий уровень социально-экономического развития. Кроме того, их характеризовали известное своеобразие системы ценностей, ведущее к неприятию привносимого и навязываемого образа жизни и относительная изоляция от административных и экономических центров. В 1926 г. правительство утвердило «Временное положение об управлении аборигенных народов и племен северных окраин» для защиты прав и интересов, вовлечения в управление, поднятия хозяйства и культурных условий жизни кочевого и оседлого населения Севера. В соответствии с ним, все аборигенные народы Севера, кроме кетов, нганасан и юкагиров, были

объединены в национальные сельские советы и районы. В 1929 г. был учрежден Ненецкий национальный округ, с населением, состоявшем из 43,9 % ненцев, 28,4 % коми и 27,7 % русских. Ненцы Европейского Севера представлялись наиболее развитыми среди коренных народов Севера и, в силу этого, первый национальный округ был создан именно на их территории. В 1930 г. было принято постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народов Севера», предусматривающее создание восьми национальных округов и такого же числа самостоятельных национальных районов. В основу их организации был положен национально-территориальный и экономический принцип — по национальному признаку выделялись хозяйственно-целостные территории районов и округов. Были образованы Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий, Эвенкийский, Витимо-Олекминский эвенкийский, Чукотский, Корякский, Охотский эвенкийский округа и Катангский эвенкийский, Зейско-Учурский и Желтуланский эвенские, Анабарский, Булунский, Вилуйско-Мерхинский, Тучуланский и Жигинский эвенские районы. Национальные округа вобрали в себя компактные группы коренного населения, составившие в их населении большинство. Термин «национальный» подчеркивал, что автономия давалась именно коренному населению. Так в Таймырском национальном округе ненцы, энцы, нганасаны, долганы, эвенки составляли 56,2 % от общего населения, эвенки в Эвенкийском национальном округе составляли 78,3 % всего населения. В 1931—1932 гг. в девяти национальных округах действовало 294 совета, 71,3 % депутатов в них были коренной национальности, а в Эвенкийском округе — 90 % депутатов коренной национальности. Для народов, не вошедших в состав национальных округов и районов, стали создаваться национальные сельские советы в составе территориальных районов, создавались также новые национальные районы и менялись границы национальных образований; некоторые национально-территориальные образования были упразднены (например, в 1934 г. были упразднены Охотско-Эвенский и Витимо-Олекминский национальные округа). Начиная с 1934 г. существовало семь национальных округов на территории народов Севера.

Дальнейшее развитие национально-территориальной автономии и превращение ее в действительное самоуправление народа было приостановлено политикой складывавшегося тоталитарного государства. Создавалась не власть народа, а власть над народом. В 1935 г.

был упразднен Комитет Севера и ликвидированы все национальные советы. Функции местных Комитетов Севера были переданы отделам краевых и областных исполкомов. По Конституции 1936 г. администрации национальных округов стали подчиняться исполкомам областей и краев. В результате коренные народы были лишены хозяйственной и культурной автономии. Впоследствии и идея общинного самоуправления и использование хозяйственных критериев при выделении народов Севера в значительной степени были отвергнуты. Государство приняло концепцию национально-территориального деления. Объектом государственной политики стали эти округа и коренные народы Севера, включенные в законодательно закреплённый список. В период с 1937 по 1957 гг. документы правительства вообще не упоминали эти народы; объектом его опеки было население Севера вообще и хозяйственная деятельность. Лишь в 1957 г. появляется постановление Совмина РСФСР № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера».

О превращении национальной автономии в обычную административную автономию территории, которой обладает любой район или область, косвенно свидетельствует и тот факт, что почти все постановления, касающиеся коренного населения Севера, ставили своей целью развитие территорий проживания народов Севера, а не развитие самих народов; в результате миллиарды рублей шли действительно на развитие территории и не попадали к коренным народам. О несамостоятельности народов Севера говорит и создание в 1962 г. в Совете Министров России отдела по народам Севера для осуществления руководства хозяйственным и культурным строительством в районах расселения народов Севера. Этому отделу подчинялись соответствующие отделы, образованные при Тюменском, Магаданском и Камчатском облисполкомах, Красноярском и Хабаровском крайисполкомах. О том, что автономные округа в этот период уже не являлись национальной автономией свидетельствовало и создание при окрисполкомах отделов по развитию экономики и культуры народов Севера. Национальные округа Крайнего Севера были низведены до положения обычных административных районов не только в хозяйственном отношении, но и в реализации этнических прав тех народов, для сохранения и развития культуры которых они были первоначально образованы. Вопросы образования, языка и культуры решались в областных или краевых центрах без участия самих народов и учета их запросов.

Национальные округа были сохранены в Конституции 1936 г., а в Конституции 1977 г. национальный округ был назван автономным, что было призвано отразить существенные изменения в этническом составе населения округов. За счет притока на Север рабочих население семи северных национальных округов возросло с 1939 по 1959 гг. более, чем на одну треть (на 93 тыс. чел.). Население Таймырского и Чукотского национальных округов увеличилось более чем вдвое. В 1959 г. коряки, ненцы, эвенки, ханты, манси, чукчи составляли уже лишь 21,1% всего населения национальных округов Севера. Еще резче увеличилась численность населения в национальных округах с 1959 по 1988 гг. за счет притока рабочих на промышленные объекты: с 342 тыс. чел. до 1 млн. 913 тыс. 200 чел. К 1979 г. коряки, чукчи, ительмены, ненцы, долганы, нганасаны, ханты, манси, эскимосы, эвенки, селькупы составляли в семи округах Севера лишь 14% общего населения. Самый высокий процент коренного населения был в Корякском национальном округе — 22,6%, самый низкий — в Ханты-Мансийском округе — всего 3,2%.

Народы Крайнего Севера, так и не достигнув реального самоуправления, когда они составляли большинство населения в своих округах, после второй мировой войны были лишены этой возможности из-за существующего в СССР порядка выборов в местные органы власти. В 1987 г. в Эвенкийском округе депутатов-эвенков было в сельских советах 47,4 %, в районных советах — 27,3 %, в окружном совете — 27 %. В 1988 г. в Магаданский областной совет народных депутатов от всех оленеводов-чукчей Билибинского района Чукотского округа избран один человек, в окружной совет национального округа — один человек, в районный совет — два человека, в сельсовете из 25 депутатских мест лишь пять были заняты чукчами. Составляя в 1979 г. 8,8 % населения Чукотского округа, чукчи, эскимосы, эвенки и чуванцы при пропорциональном представительстве в советах не могли оказать существенного влияния на решение вопросов, касающихся их жизни.

Значительная часть народов Севера осталась без собственных национальных автономий. Это саамы (Мурманская область), селькупы (Томская область), кеты (Красноярский край), тофалары (Иркутская область), нивхи, негидальцы, орочи, ульчи (Хабаровский край), нанайцы, удэгейцы (Приморский край), ительмены, алеуты (Камчатская область), нивхи, ороки (Сахалинская область), эвены (Магаданская и Камчатская области). Фактически в таком же положении оказались и те группы народов Севера (из числа семи, имеющих автономные

округа), которые проживают вне пределов собственных округов, хотя порою на территории одной с ними области (края). Это — ненцы в Лешуконском, Мезенском и Приморском районах Архангельской обл., манси в Свердловской обл., эвенки в Томской, Иркутской, Читинской, Амурской, Сахалинской областях, Красноярском и Хабаровском краях. По существу лишены автономии и те группы народов Севера, которые живут на территориях, автономных по своему статусу, но составляют там меньшинство среди титульных групп: нганасаны и энцы в Таймырском округе, ханты и селькупы в Ямало-Ненецком округе, эскимосы в Чукотском округе, эвены, эвенки, чукчи, юкагиры в Якутии, эвенки в Бурятии. В Республике Коми ненцы даже не выделены в числе основных национальностей республики. Между тем, некоторые из этих групп достаточно многочисленны. Так, за пределами Ханты-Мансийского округа, по данным переписи населения 1989 г. проживало 47,2 % хантов и 22,4 % манси. 88,5% эвенков живут в различных областях и краях России, не имея национальной автономии, и только 11,5 % пользуются ею. Закономерно встает вопрос о том, что современная национальная политика в отношении народов Севера нуждается в существенной корректировке.

По данным Приполярной переписи 1926/27 гг. 48,5 % коренного населения Севера кочевало; остальные жили оседло, мелкими селениями из 3-7 хозяйств (селения в 15-20 хозяйств считались крупными и их было немного). За годы советской власти был осуществлен перевод на оседлость коренного населения, породивший немало проблем. Переход к оседлому образу жизни был связан с объединением мелких хозяйств коренного населения в колхозы и совхозы, которое зачастую проводилось насильственными методами. В результате значительно уменьшилось число занятых в традиционных отраслях хозяйства — оленеводстве, морском зверобойном промысле и охоте. В прошлом среди народов Севера практически не было городского населения, в 1959 г. в городах жило 10,7 % коренного населения, а в 1989 г. — уже 26 %. в традиционных отраслях хозяйства занято не более 15-20 тысяч человек. Примерно 2-2,5 тысячи человек работают в административном аппарате, народном образовании, медицине, торговле, предприятиях связи, на стройках и в промышленности. Суммарно этот объем равен лишь половине всего трудоспособного населения малочисленных народов Севера.

Если говорить о сохранении традиционной культуры как основы для самоуправления по этническому принципу, то сегодня лишь около десяти процентов коренного населения занято оленеводством,

единственной отраслью традиционного хозяйства, пока способной обеспечить воспроизводство традиционной культуры. Практически оленеводство остается профессией, которая поддерживает все остальные исконные занятия и определяет сохранение традиционных черт быта и культуры. Главная масса домашних оленей сосредоточена в тундровой зоне. Здесь практикуется крупнотабунное содержание животных, которым заняты саамы, ненцы, эвены, северные якуты, чукчи и коряки. Остальные жители Севера развивают оленеводство транспортного типа в тайге и на северной границе леса. Оленеводство практически сохраняет старую национальную культуру 15-ти тысяч аборигенов, которые вынужденно ведут кочевой образ жизни. Максимальное количество домашних оленей по всей зоне Крайнего Севера равно приблизительно 2.2 млн. животных. Эта цифра примерно соответствует оленеемкости тундровой части Севера и может быть поддержана либо путем привлечения большого числа людей в кочевое хозяйство, или дотациями государства на транспорт и зоотехнические мероприятия. В любом случае количество людей, которое может быть вовлечено в занятие оленеводческим хозяйством, вряд ли может намного превысить 20-25 тысяч человек – примерно треть всего числа трудоспособных. Однако, число занятых в традиционных отраслях хозяйства не растет, а, напротив, сокращается. На сокращение рабочих мест в этих отраслях влияет сужение сырьевой базы из-за экологических нарушений. Только в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах в связи с освоением нефтяных и газовых месторождений безвозвратно потеряно 11 млн. га оленьих пастбищ, более 20 млн. га речных нерестилищ и нагульных участков, загрязнено более 100 больших и малых рек. Можно определенно утверждать, что жизненное пространство традиционных северных отраслей обречено на постоянное свертывание. Еще одним моментом, определяющим положение с традиционной занятостью, является постоянное вытеснение аборигенов пришлым населением из рыболовного промысла, охоты и, частично, оленеводства. Все это ставит новые вопросы относительно целей и форм самоуправления. Рассмотрим те решения, которые были найдены в других странах Арктики.

Опыт скандинавских стран.

В конце 1980-х годов общее число саами оценивалось в 60 тыс. чел., примерно половина жила в Норвегии, 17-20 тыс. в Швеции, 5

тыс. в Финляндии и 2-3 тыс. в Советском Союзе. Саами составляли большинство населения лишь в шести из четырехсот коммун северной провинции Финнмарк (Норвегия) и всего одной — в Финляндии. Почти треть всех саами (около 15-20 тыс.) жили в Финнмарке, где они составляли около 25 % населения. В географическом и языковом отношении саами обычно делят на четыре ареальные группы — северных, восточных, центральных и южных, языковые различия между которыми столь велики, что их считают самостоятельными языками. Многие саами продолжают заниматься оленеводством, охотой и рыболовством.

В XIX веке Швеция, Норвегия (состоявшие в унии, но имевшие разные законодательные и административные системы) и Великое Княжество Финляндское применяли разные стратегии в отношении саами. Норвежские власти проводили ассимиляционистскую политику; шведское правительство поддерживало социальную изоляцию коренных общин, обеспечивавшую консервацию традиционного уклада жизни; в Финляндии вопросы, связанные с саами, по большому счету официально игнорировались. Каждая страна в основном продолжала придерживаться избранной линии до Второй Мировой войны. В послевоенное время начался пересмотр этих подходов. Все три государства постепенно признали особый статус коренного населения и заявили о своем обязательстве поддерживать саамские языки и культуру. На протяжении последних трех десятилетий развивалось конструктивное взаимодействие государственных служб и неправительственных организаций, представляющих саами.

Норвегия. Саамский язык был официально признан в 1947 г. Королевская Комиссия по саамскому вопросу в 1959 году постановила, что дети саами имеют право обучаться на родном языке. С тех пор преподавание в первых трех классах для саами велось на родном языке; норвежский изучался как предмет. В 1971 г. был создан Саамский литературный комитет, а в 1979 г. — Союз саамских писателей. В 1974 г. межправительственным Северным Советом основан Северный саамский институт. С 1979 г. правительство начало субсидировать единственную в Норвегии саамскую газету. В 1975 г. создан Саамский Совет по образованию при Департаменте по делам религии и просвещения. С этого же времени существует Саамский культурный комитет при официальном Норвежском культурном совете. С властями тесно сотрудничает также созданная в 1948 г. Ассоциация норвежских оленеводов.

С начала 1990-х гг. саамский считается наряду с норвежским официальным языком в шести коммунах Финнмарка. Государство финансирует саамскую культуру. В 1986 г. в г. Хаттфьелдалл был открыт Южный саамский культурный центр; в 1987 г. начал работу саамский театр в Каутокейно. Художники-саами с 1987 г. получают правительственные гранты. Осенью 1989 г. в Каутокейно был открыт саамский колледж, в котором могут проходить обучение саами из Швеции и Финляндии. В 1989 г. государственные расходы на саамскую культуру составили 200 млн. норвежских крон.

Правительство создало несколько совещательных органов с участием саами. В 1964–87 гг. существовал Норвежский Совет саами. Его члены назначались королем по представлению саамских общественных организаций, а также властей шести северных провинций (фюльке) и девяти коммун. Проблемами саами уполномочены заниматься две правительственные службы, созданные в 1980 г.: Комитет по правам саами и Комиссия по культурным и образовательным проблемам саами. Подготовленный в 1984 г. доклад Комитета содержал рекомендации признать обязательство государства поддерживать саамскую культуру, рассматривать саами как особый народ (без права на политическое самоопределение), признать особые права саами на распоряжение ресурсами и использование территории, создать саамский представительный орган с совещательными функциями. Все эти рекомендации были приняты, и 27 мая 1987 г. стортинг одобрил конституционные поправки (подсекция 100а Основного Закона), содержавшие признание «саамской этнической группы» (Folkegruppe) и обязавшие государство поощрять саамскую самобытность. 12 июня того же года парламент принял «Саамский Акт», который предусматривал создание «саамского парламента» (Sameting) в составе 39 человек. Он формировался на основе прямых выборов среди саами, образующих особый электоральный список, в который были включены те, кто а) считают себя саами и б) чей материнский язык саами или кто имеет предков в первом или втором поколении, у кого родным языком был саами. Саметинг получил совещательные права — те, которыми пользовался Норвежский Совет саами. Некоторые министерства позднее передали саамской ассамблее часть исполнительных полномочий и возможность распоряжения определенными финансовыми фондами. Первые выборы в Саметинг были проведены осенью 1989 г.

Швеция. Система образования традиционно сегрегирована — для саами существуют отдельные школы. Школьная система автономна

и руководится Советом, избираемым саами. С 1950-х гг. детей саами в начальных классах учат на родном языке. Законодательство не устанавливает ограничений на преподавание на саамском языке, однако реально для обеспечения среднего и высшего образования не хватает учебных материалов и преподавателей. В целях развития саамской культуры создан самоуправляемый Саамский Фонд, поддерживаемый правительственными грантами.

Основной правительственный орган, уполномоченный заниматься проблемами саами — Шведский Комитет по правам саами, создан в 1982 г. Именно этот комитет предложил создать представительный орган, аналогичный норвежскому Саметингу.

Финляндия. В 1970-х гг. саамский язык начал преподаваться в школах в местах компактного расселения саами. В 1985 г. законом было закреплено, что саамский может быть языком обучения в северном регионе страны. Учебный план школ, где преподается саамский язык, утверждается соответствующими муниципалитетами. Представительный орган саами в Финляндии — *Delegationen for sameagender* («Саамская делегация»), более известная под именем «Саамский парламент» (*Sami Parlamenta*) — был создан в 1973 г. В его составе 20 человек, он формируется на основе не прямых выборов (через саамские организации) и выполняет только совещательные функции. Существует также *Samedelegationen* — «Саамская комиссия» — совещательный орган при премьер-министре. Половина членов комиссии представляет правительство, половина — «Саамскую делегацию». С 1978 г. работает специальная правительственная комиссия по земельным и водным правам саами. В 1986 г. создан Консультативный Совет по вопросам обучения саами, состоящий из 10 членов, шесть из которых назначаются выборным органом саами.

Гренландия. Наименее изученным остается гренландский опыт организации самоуправления у коренного населения. Из 55 тысяч населения аборигены здесь составляют 86%. Большинство населенных пунктов (их около 80) — небольшие по величине; даже в столице Нууке проживает всего 13 тысяч человек. Значительная часть территории остается малоосвоенной в промышленном отношении, что облегчает решение земельных проблем и организации традиционного хозяйства. Самоуправление Гренландии было предоставлено датским правительством в 1979 г., однако формально Гренландия не имеет статуса автономии, поскольку по конституции Дания остается унитарным государством, а самоуправление определе-

но парламентским законом и не отражено в конституции страны. По содержанию предоставленное самоуправление может быть отнесено к территориальному, поскольку коренное население не обладает предпочтительными правами перед другими жителями, но способно защищать свои права как эффективное большинство в ходе обычных демократических процедур (выборов, референдумов и т.п.). Под контролем датского правительства остались международные дела, оборона, финансовая политика, общее законодательство. В ведении парламента Гренландии находятся сферы образования и здравоохранения, экономического развития и местного налогообложения. Около 75% бюджета территории формируется за счет экономической помощи Дании. Парламент обладает правом вето на международные соглашения, затрагивающие интересы населения Гренландии. В Скандинавском Совете, включающем представителей парламентов пяти скандинавских государств, два депутата представляют Гренландию.

Американский опыт организации самоуправления

Опыт США и Канады в решении проблем защиты прав коренного населения относительно хорошо изучен и описан в значительном числе публикаций.

США. Коренное население США, более половины которого проживает в 267 федеральных и 24 легислатурных (принадлежащих штатам) резервациях, насчитывает свыше 1,5 млн. человек. К 1980 г. в городах проживало 44,2%. Резервации — это особые административные единицы, включающие в себя земельные участки и населенные пункты, главным образом деревни, население которых составляет индейские территориальные общины. Таким образом, их можно сравнить с национально-территориальными образованиями советской России 1920-х гг. Однако, индейские земли являются собственностью соответствующих общин. Отчуждение или продажа земель резерваций сегодня невозможны без разрешения совета общины и подтверждения федерального правительства.

Эволюция индейской политики США во многом напоминает описанные выше этапы «природнения» инородцев в России. Н.А. Лопуленко суммирует содержание этих этапов следующим образом:

1-й этап (XVIII—XIX вв.) — осуществление ассимиляторских целей путем переселения индейцев в резервации, лишение их земель для развития товарного сельскохозяйственного производства;

2-й этап (начало XX в. до 1945 г.) — попытки стимулировать ассимиляцию путем использования еще сохранившихся традиционных институтов, ориентация на индейскую общину и ее самоуправление;

3-й этап (1950-е гг. XX в.) — политика терминации и релокации, усиление ассимиляционных процессов, ликвидация общин и опеки над ними в интересах монополий и крупного капитала;

4-й этап (60—70-е гг.) — внимание к экономическому развитию резерваций силами индейского предпринимательства, центристская политика умеренной ассимиляции, восстановление опеки над общинами, помощь в становлении предпринимательства за счет удовлетворения территориальных претензий;

5-й этап (с 80-х гг.) — переход от опеки к партнерству, сокращение государственных субсидий общинам, развитие в них частного предпринимательства, ограничение их прав.

По мнению Н.А. Лопуленко, индейская политика правительства США на всем ее протяжении преследовала одну цель — «сделать все возможное для ассимиляции коренного населения». Можно сделать вывод, что практически на всех этапах своего осуществления эта политика носила двойственный и непоследовательный характер. Отчасти это может объясняться тем обстоятельством, что защита индейских общин как корпоративных групп приходила в противоречие с господствующими в политике и науке доктринами либерального индивидуализма, в силу чего преобладала то ориентация на включение индейцев в капиталистическую экономику на индивидуальном уровне (универсалистскую инкорпорацию), то идея опосредованного общиной включения коренных жителей в процессы экономического развития страны (так называемой эквивалентной, или сегментированной инкорпорации). Этот мучительный выбор стоит, по всей видимости, перед коренными народами всего мира, поскольку политические технологии самоуправления требуют от тех, кто их осуществляет, интеграции в современную глобальную политическую культуру, основанную на ценностях западного общества, тех самых ценностях, изначальное отрицание которых коренными народами и обусловило само их существование как особых образований. Анализ мирового опыта показывает, что наиболее успешным самоуправление оказывалось там, где лидеры общин сумели освоить современные политические технологии и, тем самым, оказались включенными в доминирующую политическую культуру. Система резерваций не распространялась на коренное население Аляски, которое в 1980 г.

насчитывало свыше 64 тыс. человек (пятьдесят три процента коренного населения Аляски составляли эскимосы; на юго-востоке, во внутренних районах и на юге центральной Аляски сосредоточены индейцы, следующая по численности группа коренных жителей — 34%; на юго-западе, вдоль полуострова Аляска и на Алеутских островах расселены алеуты — 12,7%). Это было связано, в первую очередь, с особенностями традиционного хозяйства, требовавшего сезонных миграций (охота на морских животных у алеутов и эскимосов; рыболовство в период нереста лососевых и сухопутная охота у всех групп). Избежать участи индейцев других штатов аборигенам Аляски помогло также то обстоятельство, что их земли не представляли интереса для крупного фермерского хозяйства. Хозяйство большинства семей коренных жителей Аляски, живущих в сельской местности, зависит от доходов от традиционных промыслов и работы по найму. Поскольку охота и рыболовство носят сезонный характер, часть населения работает в промышленности, но, по большей части, на неквалифицированных работах.

Коренные жители Аляски впервые были законодательно выделены и получили особый статус только в 1971 г. в результате длительной борьбы за земли и компенсации. Государственный закон 92-203 Конгресса США от 18.12.1971 «Об удовлетворении земельных притязаний коренного населения Аляски» был принят после подробных определений и уточнений прав федерального правительства США и властей штата Аляска в связи с разработкой и получением доходов крупнейшей нефтедобывающей Арктической компании Прадхобей. Закон о правах на земли от 1971 г. гласил, что «туземец Аляски — это гражданин США, который по крайней мере на 1/4 имеет кровь от индейца, эскимоса или алеута Аляски, или который, при отсутствии твердых свидетельств этого, обычно считался «туземцем» теми, от кого исходят правдоподобные сведения». Закон в известной степени решил вопрос о земле и о денежных компенсациях за ее эксплуатацию. Создание «Аборигенного фонда» позволило решить проблему финансового механизма поддержки коренного населения. Закон создавал региональные и поселковые корпорации аборигенов в качестве структур, определяющих самостоятельное хозяйственно-культурное развитие туземцев. В области государственной политики закон декларировал «справедливое урегулирование всех претензий коренного населения Аляски и его групп на основе требований аборигенного населения на землю»,

которое должно было осуществиться без промедлений и тяжб с какими-либо инстанциями.

По вопросу о земле закон предписывал изъятие из федерального земельного фонда штата Аляска 40 млн. акров земли в районах расселения туземных общин и передачу им этой земли «во владение». 200 поселкам передавалось около 22 млн. акров земли для ведения традиционного хозяйства. Региональные корпорации получили 16 млн. акров. Достались земельные отводы и отдельным горожанам из числа коренного населения. Около 2 млн. акров составили земли, занятые историко-культурными памятниками, кладбищами и прочими мемориальными местами. Для подачи заявок на другие земли со стороны общин и региональных корпораций отводилось 3 года с момента вступления закона в силу.

Фонд коренных жителей Аляски получил в виде финансовой компенсации от Конгресса США и от властей штата и федерального правительства (отчисления от нефтяной и газовой промышленности) 962 млн. долларов. В этот фонд, согласно закона, поступило два процента доходов от общей суммы сбыта минералов всеми предприятиями. Средства и были вложены в создание на местах современных условий жизни для аборигенов. Практически они выступили как совладельцы добывающих предприятий. Сумма компенсаций во много раз превышает доходы от традиционных занятий. Получателями компенсационных сумм стали 200 поселковых и 12 региональных корпораций аборигенного населения Аляски. Управление региональными корпорациями осуществлялось через совет директоров, которые, в свою очередь, являлись акционерами: корпорации получили право выпустить по 100 акций на каждого входящего в нее аборигена. Это мероприятие преследовало цель вовлечения аборигенов в предпринимательскую деятельность и, соответственно, должно было повлечь за собой отказ от традиционных форм хозяйства, которые уступают свое место коммерческой деятельности, вложению акций в производство строительных предприятий и коммуникаций, связанных с низкой степенью риска, оптовой и розничной торговли, банковскому делу, небольшим предприятиям нефтегазовой индустрии, занятости в сфере рекреационных услуг и служб ремонта. Однако сегодня уже можно утверждать, что новые занятия не привились, поскольку были связаны не только с переменами образа жизни, но и идеологии, требовавших серьезной психологической перестройки, реконструкции системы образования, т.е. коренной денационализации. После двадцатилетнего срока, предус-

мотренного законом в качестве переходного периода, передача земли в частные руки не произошла; земля осталась в общинном пользовании региональных и общинных корпораций. Известный отечественный северовед Ю.Б.Симченко, оценивая этот опыт, делает вывод о «невозможность следования аналогичным программам, если ставится целью обеспечить подлинную самостоятельность коренного населения».

Канада. Вплоть до 1970-х гг. федеральные власти Канады руководствовались в своей политике по отношению к коренному населению стратегическими целями ассимиляции и интеграции этих народов в доминирующее общество. Некоторые ассимиляционистские положения канадского законодательства были устранены Индейским актом 1951 г. По переписи 1981 г., в которой все коренное население делилось на четыре категории — официально зарегистрированных, или «статусных» индейцев, нестатусных индейцев, эскимосов и метисов — его общая численность достигала немногим более полу-миллиона человек. До начала 1980-х гг. политические требования коренных народов в области самоуправления не встречали поддержки со стороны правительства Канады. Лишь принятым в декабре 1981 г. Актом о Канаде было предусмотрено проведение конституционной конференции, посвященной правам коренного населения и закреплению этих прав в канадской конституции. На четырех последовавших за этим конституционных конференциях 1983—87 гг. особого прогресса достигнуто не было. Однако созданная парламентом в 1983 г. комиссия по индейскому самоуправлению все же рекомендовала в своем докладе осуществить закрепление в конституции страны законодательной власти общинных советов в таких сферах как образование, социальное обеспечение, местное налогообложение и некоторых других, традиционно находившихся в ведении провинциальных властей. Существенные изменения позиции канадского правительства относительно самоуправления коренных народов произошли, однако, десятилетием позже — в начале 1990-х гг., когда идея передачи поселкам многих функций управления стала широко обсуждаться и получила поддержку общественности и некоторых региональных правительств и, хотя поправка к конституции о самоуправлении, вынесенная на референдум в 1992 г., не получила поддержки, тем не менее было достигнуто и подписано соглашение между федеральным, провинциальными, территориальными правительствами и вождями коренных народов, в соответствии с которым были намечены пути согласования позиций в таких важных областях как образо-

вание, язык, здравоохранение, религия, решение жилищных проблем и проблем землепользования.

Помимо этого результата, длительные, растянувшиеся на пятнадцать лет переговоры инуитов по удовлетворению их территориальных претензий в Северной и Восточной Арктике завершились подписанием соглашения с федеральным правительством о выделении из Северо-Западных территорий региона площадью около двух миллионов кв.км для организации инуитской территории Нунавут, где инуиты составляют численное большинство (около 90%) из 18 тыс. человек ее населения. 18% этой площади (около 350 тыс. кв. км) в 1999 г. перейдет под непосредственное самоуправление. Кроме того, инуиты получают права на минеральные ресурсы на площади в 35 тыс. кв. км и компенсацию за отказ от дальнейших территориальных претензий в один миллиард долларов, которая будет выплачиваться в течение четырнадцати лет. В данном случае, все же, речь идет пусть о недалеком, но будущем. Вместе с тем, если иметь в виду такие специфические формы самоуправления, как дополнительные коллективные права, получаемые коренным населением в результате договоров о землепользовании, то необходимо отметить уже имеющийся опыт самоуправления в небольшой (около 3,5 тыс. человек) группе канадских эскимосов — инувиялуитов, которые проживают в шести поселках Западной Арктики (в основном, в дельте реки Маккензи) и которые еще в 1984 г. после десятилетних переговоров получили исключительные права на землю общей площадью около 35 тыс. кв. миль, в том числе и права на недра на площади в пять тыс. кв. миль. Субъектом договорных отношений здесь стала региональная корпорация, объединяющая всех представителей данной группы. В соответствии с достигнутым соглашением инувиялуиты получили до 1997 г. освобожденные от налогов компенсационные выплаты в размере 170 млн. долларов за отказ от дальнейших земельных притязаний.

Некоторые итоги

Рассмотрение опыта организации самоуправления у различных коренных народов циркумполярных государств позволяет заметить своеобразие ситуации, в которой находятся коренные народы Сибири и Севера России. Свообразие это заключается в том, что практически ни в одном из округов (в отличие от ситуации коренного населения во многих административных единицах на Аляске,

Северо-Западных территориях Канады и в Гренландии) коренное население не составляет большинства, что существенно затрудняет решения ряда проблем, связанных с организацией самоуправления и заставляет ориентироваться на поиск нестандартных решений. С другой стороны, общая экономическая ситуация в России сегодня не позволяет надеяться на то, что правительство сумеет найти средства для значительных дотаций и компенсаций, которые бы позволили смягчить последствия от сужения естественной базы традиционного хозяйства. В ситуации, когда перенос «готового опыта» богатых стран оказывается невозможным, начинает выглядеть более привлекательными быть может не столь эффективные, но найденные в сходных обстоятельствах решения в странах третьего мира, и в самой России — в ее прошлом и настоящем. В частности, остается неизученным опыт организации крупнотабунного животноводства в условиях экономических реформ в Монголии, который мог бы пригодиться для решения некоторых проблем, встающих перед теми общинами коренного населения, которые ориентированы на традиционное хозяйство, связанное с сезонными перекочевками. Не лишен интереса для организации самоуправления у народов Севера и опыт более крупных коренных народов Сибири (алтайцев, бурятов, хакасов, якутов), а также опыт организации различных форм автономий у меньшинств, как в России, так и за рубежом. Наконец, необходимо отказаться от двух черт российской национальной политики, принесших столько вреда и народам и авторитету центральной власти — универсализма (попыток найти одно решение для всех народов и местностей) и финализма (попыток найти сразу окончательное решение, вместо взвешенного и постепенного продвижения к стратегическим целям).

Артемов Е. Т., Водичев Е. Г.

**АКАДЕМИЯ НАУК И ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ
СИЛ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНАХ СТРАНЫ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ,
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ**

На протяжении столетий экономическое развитие России базировалось на модели экстенсивного роста. Ключевая геополитическая особенность страны заключалась в том, что она обладала боль-

шими возможностями территориальной экспансии в направлении от центра к периферии континента, развиваясь по принципу «срединной» империи. Основным вектором экспансии всегда было восточное направление: российское государство прирастало главным образом за счет востока. Вместе с тем, движение на восток постепенно дополнялось широтными колебаниями к северу и югу. Южные траектории, однако, оказывались весьма проблематичными в силу того, что там интересы России сталкивались с интересами ее ближайших соседей и геополитических конкурентов. За них часто приходилось бороться не только политическими, но и военными средствами. Что касается северных отклонений при реализации восточной экспансии России, то здесь в политическом смысле путь был открыт. Однако для распространения российского влияния на восток и северо-восток необходимо было преодолеть многочисленные препятствия естественно-географического, климатического и т.п. характера. Эта зона жизненного пространства была намного менее комфортна для освоения, проживания и экономической деятельности, чем южные территории. Уже по данной причине затраты на обеспечение вхождения и фиксации восточных и северо-восточных земель в составе Российского государства вряд ли могли быть меньше потерь от потенциальных военных конфликтов на юге.

Путь на восток и северо-восток был открыт, но чтобы его пройти требовались огромные ресурсы. В этом смысле известная формула М.В.Ломоносова «Могущество России будет прирастать Сибирь и Северным Ледовитым океаном» с одной стороны, корректно отражала сложившиеся геополитические реалии, а с другой имела весьма оптимистичный характер. Страна уже должна была обладать весомым потенциалом для того, чтобы решить задачу «приращения своего могущества за счет этих территорий». Приступив к достижению этих целей со второй половины XVI в., с момента продвижения своего «фронта» в Зауралье, Российское государство до сих пор решает все те же проблемы «переваривания» восточных и северо-восточных территорий и оптимального использования их возможностей и ресурсной базы для развития экономического потенциала страны и регионов. В условиях новых геополитических и экономических вызовов выяснилось, что обеспечение формального вхождения этих территорий в состав России позволило решить лишь часть проблемы. Гармонично интегрировать их в структуру экономического и социокультурного комплексов страны оказалось не менее сложно, чем включить новые земли в состав империи.

Совершенно очевидно, что до сих пор первая задача не нашла своего эффективного решения. Это периодически приводит к дискуссиям относительно оценки степени оптимальности исторического выбора при постановке второй. События последних десятилетий лишь подливают «масла в огонь» для приверженцев подобных дискуссий. Как известно, в 1990-е гг. положение дел в периферийных регионах России значительно обострилось вследствие осуществления структурных реформ, начавшихся после распада СССР. Интегрированным показателем этого явления стал ускоряющийся отток населения с востока и северо-востока на запад. Нарастание экономических проблем несет в себе угрозу политической и социальной нестабильности во многих регионах востока России, становится платформой для дискуссий о преимуществах регионализма. Наряду с этим, такие процессы — основа для рассуждений о «неперспективности» России как евразийской страны, становящихся популярными в кругах определенной части столичной «интеллектуальной элиты».

С конца XIX в. политика освоения периферийных регионов страны была и концептуализирована в рамках процесса, называемого ныне «капиталистической (или индустриальной) модернизацией», идеологом которой выступал известный политический деятель С.Ю.Витте. Экономическая политика на рубеже веков строилась на представлениях о необходимости сокращения избыточного импорта, расширении привлечения в страну иностранного капитала и усилении опоры на собственные топливно-энергетические ресурсы. В рамках данной стратегии предусматривалось постепенное перемещение центра тяжести индустриального развития на восток. Соответственно Урал обретал роль растущего экономического центра Российской империи и плацдарма для дальнейшего продвижения в Сибирь^{76 79}. Целью такого рода смещения акцентов представлялось ускорение экономического роста в интересах сохранения Россией статуса великой державы.

Реализация этой стратегии предполагала решение сложного спектра масштабных экономических и социально-демографических задач в восточной макроне России. Во-первых, предусматривалось формирование на востоке страны предприятий топливно-энергетического и металлургического комплекса, в концепциях которого отчетливо проявлялись контуры реализованного уже в 1930-е гг. Урало-Кузнецкого проекта. Во-вторых, основой переноса центра тяжести экономического роста на восток должно было стать развитие в азиатской части России транспортной системы, прежде всего желез-

нодорожного транспорта, — неперемного условия индустриально-го прогресса. В контексте достижения этой цели осуществлен проект строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В-третьих, представлялось необходимым обеспечить решение демографической проблемы — слабая заселенность восточной части страны не только препятствовала экономическому росту, но и являлась угрозой безопасности России. Эта проблема во многом решалась в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы и массового переселения экономически активного населения на восток. Уже другой знаковый персонаж российской научной элиты Д.И.Менделеев резюмировал, что перспективы России связаны с продвижением «населенности» на восточные территории и развитием производительных сил в данном регионе. При этом, по его мнению, адекватная социально-экономическая политика должна была лишь ускорить объективную «историческую необходимость».

В начале XX в. все эти соображения оказались многократно усилены фактором внешней угрозы. Вначале это были ухудшающиеся отношения с Японией. Проигранная Россией Русско-японская война кристаллизовала понимание необходимости ускоренного экономического развития восточных регионов страны. Серьезные уроки были преподнесены и некоторыми из уже реализованных по «экономному» варианту проектами, такими как введенная в строй действующих Транссибирская магистраль, оказавшаяся не в состоянии решить поставленные перед ней задачи. В дальнейшем смещения центра тяжести индустриального роста на восток потребовала угроза начала первой мировой войны.

Однако и в начале XX столетия, как и 300 лет назад, продвижение России на периферийные восточные и северо-восточные территории напоминало «путешествие по неизведанной земле». При этом ключевым мотивирующим императивом всегда было стремление включить ресурсы новых регионов в систему факторов экономического роста государства. Это и определяло базовые методологические установки российских геополитических и экономических стратегий. Главная из них заключалась в том, что отношения Центра и периферийных регионов (представленных, главным образом, Азиатской Россией) в историческом прошлом выражались в виде дихотомии «метрополия — колония». Периферийные территории на севере и востоке представляли интерес, главным образом, с точки зрения их ресурсного потенциала, освоение которого должно было осуществляться селективно, в зависимости от военно-стратегическо-

го императива или экономической целесообразности развития страны в целом, а еще чаще ее европейской части. На протяжении веков в отношении востока России *de facto* сохранялся полуколониальный подход, ориентированный на использование региона преимущественно в качестве основы для экономического развития «метрополии». В этом смысле символом колониальной стратегии России на востоке страны как раз и стала знаменитая формула М.В. Ломоносова, которой вплоть до самого последнего времени так гордились в регионе.

Методология геополитических и экономических стратегий определяла и базовые принципы научного изучения периферийных территорий России. С конца XIX в. в них доминировал явно выраженный прагматический подход. В качестве институциональной основы для организации исследований на востоке страны основные надежды были связаны с возможностями Российской академии наук (РАН), хотя активную роль в поддержке научных исследований в периферийных регионах играли и другие организации — прежде всего Российское географическое общество (РГО) и Генеральный штаб. И все же в начале XX столетия РАН представляла собой ведущую научную силу в государстве. К 1917 г. Академия наук состояла из трех отделений — Физико-математических наук, Исторических наук и филологии и Русского языка и словесности. В состав Академии входил один институт, 19 лабораторий, станций и музеев, 21 комиссия, библиотека и архив. В Академии наук работало 44 академика. Общая численность научных и технических сотрудников составляла 220 чел.⁸⁰. Однако почти все академические учреждения и научные работники были сосредоточены в столице Российского государства — Санкт-Петербурге.

Традиционно Академия наук тяготела к проведению фундаментальных исследований в рамках «классических» дисциплин и направлений научного анализа. Вместе с тем, уже в это время в академических учреждениях наметилось противоборство между сторонниками и противниками утилитарного подхода к научным исследованиям, что имело опосредованное отношение и к организации работ по изучению производительных сил периферийных регионов России. Большая часть Академии была ориентирована на сохранение этого учреждения в качестве своего рода *Ivory Tower* — «башни из слоновой кости». В то же время часть социально ангажированных ученых занимала принципиально иную позицию, направленную на значительное расширение академического участия в социально-

экономической жизни страны и повышение роли науки как фактора развития производительных сил общества. Военно-политические провалы России в первые полтора десятилетия XX в., которые показали технологическое отставание России от ее ближайших конкурентов, усиливали позиции этой группы ученых и организаторов науки.

Идеологом данной части исследователей стал один из крупнейших российских ученых акад. В.И.Вернадский. В число его ближайших сторонников входили академики П.Н.Лебедев, И.П.Павлов, Н.С.Курнаков, В.В.Докучаев и некоторые другие. Ими было выдвинуто несколько проектов реформирования российской науки, направленных на усиление экономической значимости науки в обществе и ее места в государственной политике. В центре внимания оказалось два сюжета: о повышении роли Академии наук в изучении производительных сил страны, и о развитии сети научных учреждений на территории России. На практике они оказывались теснейшим образом связанными между собой.

Одной из первых крупных инициатив такого рода стал проект организации Ломоносовского института Академии наук. Институт должен был стать комплексным научным учреждением, состоящим из трех отделов — химического, физического и минералогического. Формирование института должно было существенно усилить естественнонаучные акценты в работе Академии. В силу финансовых и организационных причин эти планы не были реализованы, однако они стали основой для выдвижения новых концептуальных предложений, получивших практическое осуществление в предреволюционные годы. Крупнейшим из них, определившим логику работ Академии наук по исследованию состояния и развития производительных сил страны на долгие годы вперед, стало создание КЕПС — Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил.

КЕПС была сформирована в январе 1915 г. по инициативе академиков В.И.Вернадского, А.П.Карпинского и Н.С.Курнакова. Кроме этих трех ученых в состав Комиссии вошли академики Б.Б.Голицын, М.А.Рыкачев, В.В.Зеленский, И.П.Бородин, Н.В.Насонов, И.П.Павлов, П.И.Вальден, Н.И.Андросов, В.И.Палладин, В.А.Обручев, А.Е.Ферсман и др. Председателем КЕПС стал В.И.Вернадский. Всего в работе Комиссии принимало участие свыше 100 человек, т.е. почти половина всех научных сотрудников Академии наук. Акад. В.И.Вернадский отмечал: «Главным поводом к ее (КЕПС) учреждению яви-

лось убеждение Академии наук, что самое широкое и самое энергичное использование естественных производительных сил Российской империи, связанное с подъемом труда и творчества нашего народа в этом направлении, есть насущная задача нашего времени»⁸¹.

В дальнейшем В.И.Вернадский, крупнейший организатор и методолог науки, приложил немало усилий, направленных не только на становление нового научного учреждения, но и на концептуальное осмысление его деятельности. Именно проблема производительных сил стала одной из основ теоретических построений В.И.Вернадского. По его мнению, к естественным производительным силам можно было отнести «1) силы природы ... территории, которая находится в распоряжении страны и 2) силы народа, который эту территорию занимает». В это понятие входит богатство недр страны, ее почв, продукты ее животного и растительного мира, источники энергии⁸². Думается, что с такой классификацией, делая поправку на специфику категориального аппарата и языка столетней давности, трудно не согласиться и в настоящее время. Важно подчеркнуть, что концепция В.И.Вернадского в отношении исследования производительных сил выходила за рамки сугубо утилитарного подхода, направленного на выявление ресурсного потенциала периферийных территорий страны.

С первых дней своего существования КЕПС приступила к исследованию ресурсного потенциала России. Первыми работами КЕПС стали очерки, включающие характеристику запасов ряда перспективных для промышленной разработки полезных ископаемых — вольфрама, бокситов, олова, глины и т. д. Для издания трудов Комиссии было сформировано два редакционных комитета.

Следует отметить, что в концептуальных построениях В.И.Вернадского особая роль отводилась этнокультурным и социально-демографическим аспектам развития производительных сил. Он хорошо понимал, что оптимальное использование «естественных богатств территорий» и их эффективное включение в экономический оборот невозможно без изучения социокультурного потенциала соответствующих регионов, того, что им именовалось «силами народа». В начале 1917 г. была опубликована статья В.И.Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России». В ней автор подчеркивал: «Мы должны решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении...

Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народы так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе недоступные к возбуждению. Этим путем достигается максимальная интенсификация научной работы. А она неизбежно связана с усилением изучения, а следовательно, и использованием естественных производительных сил данной местности, а следовательно, и всего государственного целого»⁸³.

Эта идея также пробила себе путь при формировании перспективной академической стратегии. В феврале 1917 г. в составе Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). Сразу же после своего создания КИПС стала одним из наиболее влиятельных учреждений в структуре Академии наук. В состав Комиссии вошли академики В.В.Бартольд, В.И.Вернадский, М.А.Дьяконов, Е.Ф.Карский, Н.Я.Мартр, В.Н.Перетц, А.А.Шахматов, Л.С.Берг, Б.Я.Владимирцов, Д.А.Золотарев, И.А.Орбели, С.И.Руденко, А.Д.Руднев, В.П.Семенов-Тянь-Шанский, Г.Н.Чубинов, Л.Я.Штенберг, Л.В.Щерба и др. Возглавил КИПС Непременный секретарь Академии наук акад. С.Ф.Ольденбург⁸⁴.

КЕПС и, в меньшей мере, КИПС стали полигонами для отработки новых подходов к организации научных исследований в стране. В центре внимания КЕПС находились проблемы создания научно-исследовательских институтов как наиболее перспективной формы институционализации научной деятельности, а также формирования их государственной сети. Еще в 1916 г. на общем собрании КЕПС ее руководитель акад. В.И. Вернадский озвучил свои представления на этот счет. Он подчеркнул, что проблема организации научной деятельности «до сих ставилась перед нами в трех формах: 1) в создании съездов для обсуждения вопросов, связанных с изучением и использованием естественных производительных сил России; 2) в объединении для планомерного изучения рассеянных по нашей стране научных работников и отдельных центров научной работы, в создании их взаимной помощи, поддержки, осведомления; 3) в расширении старых и создании новых исследовательских учреждений для изучения и использования естественных производительных сил». Из этого следовал обоснованный вывод о том, что «...необходимо широкое развитие в стране специальных исследовательских институтов прикладного, теоретического или смешанного характера»⁸⁵.

Таким образом, ко времени революций 1917 г. в Академии наук сформировалось мощное «лобби», ориентированное на повышение роли и места академических учреждений в экономической жизни государства за счет усиления прикладной компоненты в деятельности Академии и трансформации ее в координирующий и организующий центр работ по изучению производительных сил России. Первые практические шаги в этом направлении, связанные с созданием КЕПС и разворачиванием ее деятельности оказались успешными. Тем самым академическая стратегия была скорректирована, а экономическая значимость академических изысканий как фактора развития производительных сил общества существенно возросла. Доминировавший в это время в Академии наук подход к изучению производительных сил базировался на принципе комплексности, включая как естественные, природные, так и социально-экономические и даже социокультурные аспекты, не ограничивался рамками лишь их ресурсной компоненты.

События 1917 г. привели к радикальному изменению сложившихся в России устоев экономической, политической и общественной жизни. Как известно, большая часть академического сообщества встретила известие о коммунистической революции в стране негативно. Вместе с тем, у научного сообщества имелись определенные основания для тактического альянса с большевиками. Как уже отмечалось, на рубеже XIX—XX столетий Россия столкнулась с целым рядом мощных ограничительных факторов, препятствовавших развитию научно-технического прогресса. Ситуация была парадоксальной. Уровень научно-технической мысли в стране, воплощенный в системе фундаментальных исследований, к концу XIX в. был весьма высок. Но реальная востребованность научно-технического потенциала, которым располагали государство и частный бизнес, оставалась весьма ограниченной. Формировалось ощущение, что российская экономика не испытывает необходимости в собственной науке и новых технологиях.

Второе следствие данной ситуации заключалось в том, что в России возникло острое противоречие между потребностями развития науки как относительно самостоятельной социальной системы, и формами ее организации и механизмами управления. Даже в теоретических областях, где в ряде дисциплин (химия, математика, физиология и т. д.) российская наука имела мировой приоритет, ее прогресс сдерживался устаревшими формами научной деятельности. Консервативная система организации научной работы не только

снижала эффективность использования имевшегося в стране научного потенциала, но и формировала весьма напряженные отношения между представителями научного сообщества и политической властью.

Подобная система весьма «недружественных» отношений между наукой и экономикой с одной стороны, и наукой и властью, с другой, имела для страны стратегические последствия. Несовершенство технико-технологической базы российской индустрии отчетливо проявилось в годы первой мировой войны, предопределив угрозу военного поражения и став, в конечном итоге, одним из факторов смены политических режимов. Тенденции экономического развития в передовых странах мира после окончания войны и ее уроки говорили о необходимости резкого повышения роли науки как важнейшего инструмента модернизации России. Осмысление именно этой ситуации лежало в основе инициатив акад. В.И.Вернадского и его сторонников и коллег. Они буквально «навязывали» власти свои предложения, но отношение к реформированию системы научной организации со стороны политического истеблишмента оставалось весьма настороженным. Академия наук пыталась решать эти вопросы в пределах своей компетенции. Наиболее ярким свидетельством этого являлось формирование и разворачивание деятельности КЕПС. Однако ее возможности без поддержки властей оставались ограниченными. В такой ситуации, при всем настороженном отношении интеллектуальной элиты к большевистской власти, в первое время определенная часть научного сообщества связывала с новым режимом и определенные надежды на практическую реализацию ранее сформировавшихся замыслов.

Проблема, однако, заключалась в том, что в постреволюционной России наука становилась не только инструментом развития, но и одной из ключевых идеологием коммунистической доктрины. Многие идеологи большевизма и, прежде всего сам В.И.Ленин, неоднократно подчеркивали, что наука как производительная сила сможет реализовать свой потенциал лишь в социалистическом обществе. Лидерам государства трудно было не заметить ставшую очевидной направленность объективных тенденций экономического прогресса в мире и роль его ведущих факторов — техники и технологий, базирующихся на современной науке. Возникало ощущение, что хаос, привнесенный в Россию мировой войной и революциями, лишь временно прервал те тенденции экономических и технологических трансформаций, которые начали пробивать себе дорогу еще

в конце предыдущего столетия и были ориентированы на модернизацию страны. Война на время остановила процессы быстрого индустриального роста и показала необходимость глубокого технологического обновления в России. Объективная потребность в этом и перспективы такого развития сохранялись, несмотря на смену политического режима. Будущее страны во многом зависело от технологических перемен в экономике, а проблема заключалась в формировании практической политики, способствующей таким переменам.

Подобные представления об объективных процессах идеологами большевистского режима были концептуализированы в рамках марксистской доктрины «управляемого общества». Отличительной особенностью такой концептуализации стало то, что в коммунистических представлениях о науке и ее роли в социальном развитии место технологических императивов и факторов, определяющих внутреннюю логику развития науки, заняли макросоциальные и идеологические детерминанты. Причем это затрагивало не только систему теоретических представлений большевиков о взаимоотношении науки и общества, но и практическую политику в отношении науки. Был сделан вывод, что наука и технология должны рассматриваться как важнейшие факторы формирования стратегии социального развития. Однако, как утверждалось, в социалистическом обществе эти факторы больше не являются спонтанными, действующими стихийно. В соответствии с таким подходом государство получало право вмешиваться в развитие науки и технологии и «корректировать» его в зависимости от своих политических целей и на основе собственных представлений. Это грозило науке большой опасностью, поскольку делало ее заложницей социально-экономического, политического и идеологического волюнтаризма.

В то же время большевистские лидеры хорошо понимали, что экономический рост невозможен без прогресса технологий и, соответственно, без развития науки. Объективно все это ставило науку в положение одного из наиболее важных государственных приоритетов, что создавало потенциально более благоприятные возможности для ее развития в стране, чем прежде. Казалось, что при советской власти впервые в российской истории наука получила шанс сыграть ту социальную роль, которую она заслуживала. Однако уже в первые месяцы пребывания у власти большевиков стало ясно, что опасения по поводу возможности волюнтаристского отношения к науке со стороны лидеров нового режима не были напрасными. Сразу же выявились два важнейших фактора, которые стали домини-

нирующими в отношении новой власти к науке. Во-первых, реальные перспективы развития науки были все же ограниченными. Можно было надеяться на поддержку только тех областей знания, которые интерпретировались государством как необходимые или потенциально важные для решения задач модернизации. Именно этот принцип стал рассматриваться как первостепенный при формировании научной политики в стране. Закономерности развития науки как системы знаний, ее внутренняя логика не являлись весомыми аргументами при программировании советской научной политики в таких аспектах, как организация исследований, финансирование научных изысканий, подготовка специалистов и т. п. Наука не считалась универсальной ценностью. Доминирующим стал лозунг «Наука на службу пролетариату!», а научная теория (по крайней мере в общественных науках) стала «служанкой идеологии». Именно идеологические, политические и экономические императивы выдвинулись на роль критериев определения «необходимости» или «полезности» отдельных областей знания, а роль судей взяли на себя те, кто «по определению» не являлся экспертами в этой области, — идеологические и политические руководители, но не представители научного сообщества.

Во-вторых, оформился утилитарный, инструментальный подход к науке. Сформировались такие принципы отношения к науке, технике, технологии, когда их «полезность» рассматривалась через призму способности помочь в «расшивке» тех или иных проблемных ситуаций, возникавших в экономике и других сферах жизнедеятельности общества в тот или иной конкретный момент. Весьма часто к ним относились рутинные задачи, обусловленные конъюнктурой. В практическом смысле это означало перенос акцентов в научной политике на прикладные исследования и разработки при недостатке внимания к теоретическим изысканиям. Данный принцип распространялся не только на различные области знания и технологии, но и на субъекты научно-технической деятельности — ученых, преподавателей, инженеров. В результате наука теряла остатки своей автономии — теперь уже не только организационной, но и содержательной. Такой подход к организации исследований допускал вторжение в саму структуру научного знания. Именно на основе этих концептуальных представлений и сформировался в 1930-е гг. феномен «идеологизированной» науки⁸⁶.

Данная система взглядов стала одной из основ разработки модернизационных теорий в СССР в первой половине XX в. в рамках

концепции «догоняющей модернизации», осуществляемой в контексте социалистических преобразований⁸⁷. Как известно, эта концепция воплотилась в практику посредством политики форсированной индустриализации, нацеленной на максимально быстрое достижение Советским Союзом уровня экономического развития передовых стран мира и приведшей в итоге к огромным социальным и политическим издержкам. Что касается науки, то широкие возможности в связи с модернизационной программой открывались, прежде всего, для тех направлений исследований, которые могли привести к быстрым практическим результатам и не затрагивали теоретических основ научных изысканий.

Подобная нюансировка целей развития стимулировала развитие отраслевого сектора науки. В то же время она поставила четкую задачу и перед Академией наук. Будущее Академии наук было обусловлено тем, насколько она окажется способной гармонизировать собственную стратегию с задачами модернизации. Что же касается системных идеологических ограничений, то в первые постреволюционные годы для многих представителей научного сообщества они не представлялись очевидными.

В 1917–1918 гг., несмотря на форс-мажорную ситуацию, деятельность Академии наук продолжалась в рамках прежней, дореволюционной стратегии, насколько это было возможно в условиях разрухи и начавшейся Гражданской войны. Отношения Академии наук и новых властей строились на компромиссной основе и базировались на согласовании взаимных интересов. Ни одна из сторон не питала иллюзий в отношении друг друга, и напряженность в отношениях сохранялась. По образному замечанию одного из зарубежных исследователей этой проблемы, «несмотря на *pas de deux* двух партнеров (советской власти и Академии наук — Е.В.) обе группы оставались подозрительными друг к другу и выдерживали вежливую дистанцию»⁸⁸. В то же время некоторым руководителям и ведущим ученым Академии импонировала готовность властей поддержать такую форму организации научной деятельности как научно-исследовательские институты, и продолжить исследования по изучению производительных сил страны. В «Положении к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», направленном Наркомпросом в Президиум Академии наук в январе 1918 г., на Академию возлагалась ответственность за проведение научных изысканий по освоению природных ресурсов для нужд промышленности⁸⁹.

Соответственно, продолжилась и расширилась работа КЕПС. В составе КЕПС были сформированы отделы по редким металлам и радиоактивным веществам, нерудным ископаемым, отделы животноводства, каменных строительных материалов, почвенный, промышленно-географический. В это же время появляются и научно-исследовательские институты: по изучению платины и других благородных металлов, и физико-химического анализа. Следует подчеркнуть, что в структуре КЕПС был сформирован и особый отдел по исследованию Севера⁹⁰.

Комиссия продолжала активно разрабатывать проблему научно-организационного строительства в России и оптимизации распределения научного потенциала по территории страны. В мае 1918 г. на обсуждение совета КЕПС ее ученым секретарем акад. А.Е.Ферсманом был вынесен вопрос «об учреждении провинциальных отделений Комиссии и о создании института корреспондентов ее». Этот вопрос решился положительно. Было сделано заключение о целесообразности создания института корреспондентов КЕПС в различных регионах страны и формирования системы территориальных отделений Комиссии на местах. А.Е.Ферсману было поручено посетить такие города как Нижний Новгород, Казань, Уфа, Пермь, Екатеринбург, Вологда, Вятка и др. с целью установления тесной связи КЕПС с провинциальными организациями, которые, однако, еще предстояло сформировать.

Гражданская война помешала реализации большинства этих замыслов⁹¹. Известно, что удалось открыть два территориальных отделения КЕПС. Наряду с Москвой, лишь в одном случае идея получила свое практическое воплощение в регионах страны. В 1920 г. была образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма. Это стало возможным благодаря тому факту, что в Крыму в это время находился акад. В.И. Вернадский, который и возглавлял работу КЕПС Крыма до 1921 г.⁹² После установления в Крыму большевистского режима эта Комиссия стала именоваться Крымским отделением КЕПС Академии наук.

В начале 1920-х гг. в определенном смысле КЕПС стала «государством в государстве» в системе Академии наук, обретая высокую степень организационной и финансовой автономии. Принципы работы КЕПС закладывали концептуальные основы для идей формирования территориальных отделений и центров Академии, активным сторонником и поборником которой на протяжении всех 1920-х и 1930-х гг. оставался акад. А.Е.Ферсман, выдвинувший в конце

1920-х гг. предложения об организации системы филиалов и баз Академии наук.

Что касается самого В.И.Вернадского, то он продолжал заниматься разработкой предмета деятельности Комиссии с учетом особенностей ситуации в России и за ее пределами. По его мнению, организация научной работы в стране определялась: «1) необходимостью срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил страны и прилегающих к ней стран; 2) особенностями мирового положения России, в частности, ее положения в Азии; 3) чрезвычайным разнообразием как естественно-исторического, так и этнического состава русского государства»⁹³. Новые методологические построения В.И. Вернадского сделали предмет исследования производительных сил еще более сложным и комплексным. Теперь он включал в себя не только естественно-научный и экономический аспекты, но и включал в себя исторические, этнонациональные, социокультурные, демографические и даже геополитические и стратегические аспекты. Такая постановка задачи по-прежнему сохраняет свою актуальность и звучит вполне современно.

По мере становления и утверждения в стране новой власти, правила игры, определяющие взаимодействие Академии наук и правительства, все более изменялись. Давление на Академию усиливались, а ее деятельность оказывалась детерминированной системой идеологических, политических и экономических факторов. От Академии требовали идеологической и политической лояльности, не ограничиваясь ранее достигнутым нейтралитетом. Эти события, хорошо описанные в литературе, завершились фактическим сломом сопротивления со стороны руководства Академии в конце 1920-х гг. после принятия нового Устава АН СССР, проведения экстраординарных выборов в Академию и ее реорганизации.

Отражением позиции правительства, утвердившейся в это время в отношении Академии наук, стало заявление управляющего делами СНК СССР Н.П.Горбунова. В феврале 1929 г. он подчеркнул, что для Академии наук есть два пути дальнейшего развития. «Первый путь — ведущая роль всей научной работы в стране, превращение в крупную ассоциацию главнейших научных учреждений, в которых должна производиться основная научная, теоретическая и прикладная работа, являющаяся базой для дальнейшего социалистического строительства. Реформированная Академия наук должна превратиться из Академии полуфеодальной — отживающего типа —

старой Академии в Академию советскую, которая от старой Академии преемственно должна взять все ее огромные научные богатства, но не коем случае не старые традиции, приобретенные не без благосклонного участия царского правительства.

Второй путь — сохранение старого отживающего типа Академии, постепенное самоумирание, изоляция от советской общественности.

Выбор этих путей в значительной мере зависит от самих академиков...». В случае выбора второго варианта развития событий, по Н.П. Горбунову «государство должно будет позаботиться об использовании другими советскими научными учреждениями того огромного научного богатства, которое накоплено Академией и которое совсем не является собственностью Академии, а должно считаться достоянием всей страны»⁹⁴.

Как показали последующие годы, это были не просто слова. Особого выбора у Академии не имелось, и события развивались по первому варианту, окончательно завершившись к концу 1933 г. переподчинением Академии наук СНК СССР.

Однако уже в относительно либеральные 1920-е гг. научная деятельность Академии была поставлена в жесткие рамки прагматической целесообразности. Экономические потребности определяли как направления, так и формы работы Академии наук. В таких условиях одной из наиболее эффективных форм организации научных исследований по изучению производительных сил и природных ресурсов в периферийных районах страны продолжала оставаться работа в рамках академических комиссий и комитетов. Продолжалась деятельность КЕПС. После окончания Гражданской войны развернулась работа Комиссии по изучению племенного состава. Еще в 1919 г. в ее рамках были сформированы четыре отдела — Европейский, Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский. Основным результатом исследований КИПС в 1920-е гг. стал сбор картографического материала и данных для проведения переписи населения, а также составление карт.

Важнейшей формой проведения работ в периферийных районах страны, направленных на изучение производительных сил, в 1920-е—1930-е гг. оставались экспедиционные исследования. По имеющимся данным, только в 1924 г. Академия наук организовала 46 экспедиций⁹⁵. С начала 1920-х гг. восточное и северо-восточное направление становилось одним из основных для проведения экспедиционных работ. В 1921 г. Академией наук проводились геологические изыскания на Новой Земле. С 1922 г. стали разворачиваться рабо-

ты Западно-Сибирской экспедиции Академии наук и Российского географического общества. В том же году была организована Монголо-Урянхайская экспедиция. В 1923—1925 гг. масштабные экспедиционные работы развернулись на Урале. С 1925 г. начинает работу Якутская экспедиция Академии наук. Для руководства работами на территории Якутии была организована Комиссия по исследованию Якутской АССР. Ее деятельностью руководили академики С.Ф.Ольденбург, А.Е.Ферсман, Ф.Ю.Левинсон-Лессинг, В.А.Комаров. Большая часть экспедиционных исследований, начатых в это время, имела долговременный характер, продолжаясь на протяжении многих лет⁹⁶. В ряде случаев такие исследования, в несколько видоизмененной форме, сохранялись вплоть конца 1950-х — начала 1960-х гг., как это было, например, в случае с Монгольской комплексной экспедицией.

Формировалась и организационно-управленческая инфраструктура для руководства экспедиционными исследованиями по изучению производительных сил страны. Еще в октябре 1921 г. была образована Комиссия по научным экспедициям, которую возглавил акад. С.Ф.Ольденбург. В 1926 г. возник Особый комитет по изучению союзных и автономных республик (ОКИСАР). Ее председателем был назначен акад. А.Ф.Ферсман. К числу основных задач этого Комитета было отнесено систематическое исследование естественных производительных сил и населений национальных республик СССР и согласование всех экспедиционных работ Академии наук. В состав ОКИСАР входила и т.н. Северная комиссия, работавшая под председательством Д.А.Золотарева. В 1928 г. Комитет был преобразован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ).

В 1930 г. КЕПС и КЭИ были объединены в единую структуру, получившую название Совет по изучению естественных производительных сил, вскоре переименованный в Совет по изучению производительных сил — СОПС. Задачей СОПС стало общее руководство научно-исследовательской деятельностью учреждений АН СССР в той части, которая имела целью изучение производительных сил страны. Как ранее КЕПС, СОПС стал одним из крупнейших академических учреждений. В его составе был образован ряд секций, работу каждой из которых курировал ученый совет. В частности, в составе СОПС работали Уральская и Западно-Сибирская, а также Восточно-Сибирская и Дальневосточная секции. Работой СОПС руководили академики И.М.Губкин и В.Л.Комаров.

Деятельность СОПС определялась потребностями социально-экономического развития страны. Экспедиции, курируемые Советом, действовали на тех территориях, где предполагалось активное промышленное строительство. Для согласования работ АН СССР с интересами местных властей был введен институт уполномоченных СОПС, которые направлялись Советом в соответствующие регионы страны. В рамках СОПС продолжились экспедиционные работы в таких периферийных районах как Бурят-Монголия, Якутия, Ойротия (Горный Алтай). Только в 1930—1938 гг. СОПС было направлено в различные регионы страны более 150 экспедиций⁹⁷. В 1934 г. акад. В.П. Волгин заключил: «Нет почти ни одного уголка Советской страны, где бы не было экспедиций академии, где бы их работа не принесла нам новых знаний о наших сырьевых и топливных ресурсах»⁹⁸. При этом, по имеющимся данным, в начале 1930-х гг. финансирование экспедиций на востоке России составляло не менее $\frac{2}{3}$ всех затрат АН СССР на экспедиционную деятельность⁹⁹.

В 1933 г. успешная реализация программы экспедиционных работ была отнесена к числу основных достижений Академии наук ЦИК СССР. ЦИК были особо отмечены «крупнейшие достижения Академии наук в научно-исследовательской работе по вопросам прикладного характера, непосредственно обогатившие практику народного хозяйства», а также «важнейшие экспедиционные работы АН СССР, ее работы по геологическим разведкам, изысканиям по рудным и нерудным ископаемым, по углю и нефти. В результате этих работ изменилась карта естественных богатств Союза и открылись новые возможности для промышленного строительства»¹⁰⁰.

Постепенно, по мере развития научных изысканий в периферийных регионах страны, возникала мысль о целесообразности разработки механизмов постоянного присутствия Академии на территориях перспективного хозяйственного освоения. Несмотря на поощрение экспедиционных работ прикладной ориентации со стороны правительства, сил Академии наук на постоянное увеличение количества экспедиций и расширение территориального охвата экспедиционных работ уже не хватало. В такой ситуации в середине 1930-х гг. академическое руководство переместило акценты на укрупнение экспедиций и сокращение их количества. При организации экспедиций был «принят на вооружение» селективный метод, в соответствии с которым они направлялись лишь в наиболее важные в контексте экономической стратегии регионы. С другой стороны, все

большее число экспедиций стало носить многоаспектный, комплексный характер.

Наряду с этим уже в конце 1920-х гг. был поднят вопрос о целесообразности организации в приоритетных с точки зрения перспектив экономического развития страны районах стационарных академических структур. Возникновение этой проблемы на рубеже 1920-х – 1930-х гг. было неслучайным. С началом первых пятилеток в СССР особое значение стало придаваться оптимизации размещения производственного потенциала по территории страны. Чрезмерная концентрация производства в центральных и западных регионах правомерно рассматривалась как фактор, сдерживающий экономическое развитие, формирующий социально-политические диспропорции и создающий потенциальную угрозу национальной безопасности. Наиболее перспективной в плане размещения производительных сил считалась восточная макрозона России, главным образом Урал и Западная Сибирь. В данный период основные надежды были связаны, прежде всего, с Урало-Кузнецким проектом, предусматривающим формирование на востоке страны мощной индустриальной базы черной и цветной металлургии, а также угольной, химической и машиностроительной промышленности. Принимая во внимание масштабность и долговременность этих задач, работа в регионах перспективного хозяйственного освоения экспедиционными методами оказывалась уже не способной удовлетворить производственные потребности.

Еще в 1926 г. один из руководителей Академии наук акад. А.Е. Ферсман писал: «Ближайшая цель Академии наук – создать на окраинах свои филиалы и хорошо оборудованные ячейки. Нельзя концентрировать научную работу только в центре, целиком обходить окраины»¹⁰¹. В 1929 г. эти же вопросы обсуждались на Общем собрании АН СССР, которое в целом поддержало необходимость перехода от экспедиционных к стационарным формам организации исследований там, где возможно¹⁰².

А.Е. Ферсман в течение долгих лет оставался одним из наиболее настойчивых проводников идеи формирования стационарных структур АН СССР на востоке страны. Во многом это объяснялось его хорошим знанием региона и профессиональным опытом – А.Е.Ферсман являлся руководителем Комиссии АН СССР по изучению Сибири. Вместе с тем, выдвигавшиеся проекты организации отделений, филиалов, баз и станций Академии наук в периферийных регионах страны носили альтернативный характер, и предложе-

ния А.Е.Ферсмана были далеко не самыми радикальными. Фактически, его проект формирования академических станций был увязан с расширением экспедиционной деятельности и носил вспомогательный характер: новые станции ориентировались на обеспечение экспедиционных работ центральных академических учреждений и лишь в небольшой степени могли осуществлять собственные исследования. Как справедливо отмечено Е.Т.Артемовым, «они должны были стать своего рода «придатком» расположенных в Ленинграде и Москве центральных институтов Академии наук»¹⁰³.

По вопросу о целесообразности формирования региональной сети в руководстве АН СССР существовали противоречивые мнения, сталкивались различные, порой противоположные позиции. Над этой проблемой работала специально созданная Комиссия АН СССР во главе с ее вице-президентом акад. В.Л.Комаровым. Проанализировав поступавшие в Комиссию предложения региональных администраций об организации подразделений Академии наук в различных регионах страны, она пришла к отрицательному заключению. В докладе В.Л.Комарова, озвученном 27 июня 1931 г., отмечалось: «...Если распылять наличные кадры Академии наук на десять различных центров, то комплексность работы Академии будет потеряна. Мало того, если даже открыть новые кафедры специально для этой цели, то найти достаточное количество специалистов все равно не удастся, тем более что для таких филиалов нужны не любые специалисты, а специалисты совершенно определенные...»¹⁰⁴. Таким образом, под сомнение ставилась не столько сама идея географического расширения академического присутствия на территории страны, сколько ее выполнимость в данное время.

Вместе с этим был предложен компромисс. «Заключив, что организовать филиалы Академии наук, т. е. маленькие академии наук, во всех этих центрах (речь шла прежде всего о Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Алма-Ате и Ашхабаде — Е.В.) не удастся, Комиссия предложила организовать в каждом из названных центров научно-исследовательскую базу, которая могла бы явиться ведущим органом при местном краевом правительстве, которая могла бы давать авторитетные указания относительно той или иной разработки, тех или иных исследований и т. д. Прежде всего, задача такой базы консультационная»¹⁰⁵.

Одновременно Комиссия решила удовлетворить и другую растущую потребность — «приблизить науку к объектам исследования, разбросать по Союзу станции...»¹⁰⁶. Далее делался вывод о принци-

пах работы такой сети научно-исследовательских учреждений АН СССР: «...Идея наша такова: организовать сеть научно-исследовательских станций на местах для непосредственного изучения того или другого природного явления или же процесса, происходящего в массе населения. Эти станции опереть на базы — центры нашей административной жизни, причем база будет обладать, постепенно развиваясь, научными лабораториями и другими учреждениями, которые позволят часть местного материала концентрировать. Они не должны ни конкурировать с местными учреждениями, ни умалять значения научно-исследовательских институтов страны, а помогать им всемерно, и там, где силы местных учреждений недостаточны, там Академия наук в лице своей базы будет приходить на помощь и развивать ту или иную камеральную работу»¹⁰⁷.

В соответствии с этой концепцией предусматривалась организация вспомогательных учреждений, ориентированных на содействие в научном обеспечении регионального развития, которые постепенно могли бы эволюционировать в подлинно научные структуры. В 1931 г. вопрос о создании филиалов и баз АН СССР был рассмотрен на заседании Президиума ЦИК СССР, на котором было отмечено, что создание подобных организаций должно носить планомерный характер и происходить там, «где по единому народнохозяйственному плану осуществляется особо интенсивное строительство»¹⁰⁸. К числу приоритетных регионов, несомненно, относились Урал с центром в Свердловске, и Западная Сибирь с центром в Новосибирске. Таким образом, в начале 1930-х гг. перспектива развития академических стационаров, характер деятельности и профиль будущих учреждений представлялись достаточно очевидными. Не вполне ясна была конкретная организационная форма существования академических стационаров. Сомнение вызывала и принципиальная осуществимость масштабных замыслов в условиях крайнего дефицита финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Как показала практика, именно эти факторы и сыграли решающую роль при практической реализации одобренных и согласованных проектов.

Принципиальное решение о формировании стационарных подразделений Академии наук было принято руководством Академии летом 1931 г. В числе первоочередных предусматривалось создание комплексных баз на Урале (Свердловск), Дальнем Востоке (Хабаровск), в Западной (Новосибирск), и Восточной Сибири (Иркутск)¹⁰⁹. Некоторое время перспективные академические структуры именовались Уральским, Западно-Сибирским и Дальневосточным отделениями АН СССР,

но затем для академических учреждений подобного типа утвердилось название «филиалы» и «базы»¹¹⁰. В дальнейшем были определены функции академических филиалов и баз, сеть которых предполагалось сформировать в годы второй пятилетки. Филиалы планировалось организовать в тех регионах, которые обладали развитой сетью научно-исследовательских учреждений. Они должны были представлять собой комплекс учреждений, работающих под руководством центральных институтов АН СССР в координации с отраслевыми научными учреждениями и обеспечивающих разработку «основных теоретических проблем района». В регионах со слабо развитой сетью научно-исследовательских организаций предполагалось создавать базы АН СССР, основной целью которых должно было стать содействие местным учреждениям «в планировании науки и исследование естественных ресурсов края»¹¹¹.

После утверждения общей стратегии начались дискуссии с региональными властями о принципах финансирования новых научных структур. Сразу же возникли противоречия по вопросу о том, кто будет нести основные затраты по реализации проектов и обеспечивать работу научных учреждений. Местные власти полагали, что академические стационары должны будут финансироваться из бюджета Академии, в то время как Академия наук предполагала возложить все расходы на регионы, оставив себе лишь научное руководство филиальскими структурами. Пространство для компромисса было достаточно узким, и переговоры с региональными администрациями проходили очень сложно.

В начале 1932 г. было принято решение об организации Дальневосточного, а вскоре после этого – Уральского филиала АН СССР (УФАН). Летом 1932 г. во время выездных сессий Академии наук в Свердловске и Новосибирске, посвященных проблемам Урало-Кузбасса, вновь была акцентирована необходимость «привязки» уже созданного Уральского и перспективного Западно-Сибирского филиалов к реализации ключевых экономических проектов на востоке страны. Фактически, оба филиала должны были формироваться в рамках единой научно-организационной концепции и решать сходные задачи. Однако, несмотря на благоприятную политическую конъюнктуру, судьба филиалов и на Урале, и в Западной Сибири была непростой и сложилась по-разному.

Филиал в Свердловске стал реальностью в январе 1932 г. Его возглавил акад. А.Е.Ферсман. Директорами новых институтов были утверждены О.Е.Звягинцев (Химического), А.Е.Ферсман (Геохими-

ческого) и П.М.Горшков (Геофизического). В состав Президиума филиала вошли видные уральские ученые и представители политического и хозяйственного руководства. «Положение об Уральском филиале АН СССР» было подготовлено акад. А.Е.Ферсманом. В уставных документах нашли отражение принципы ориентации филиала на потребности региона и тесной координации работ с местными властями. Заместитель председателя филиала должен был назначаться по предложению Уральского крайисполкома. Филиал был призван координировать все экспедиционные работы на Урале, а также увязывать деятельность своих подразделений и других исследовательских учреждений Урала на основе составления общего плана научно-исследовательской работы в регионе¹¹². Как выяснилось впоследствии, это требование на практике оказалось трудно-выполнимым. На 1 января 1934 г. в штате филиала состояли один действительный член АН СССР, три профессора, девять научных сотрудников и специалистов, 10 старших специалистов, 11 лаборантов и 20 чел. обслуживающего и вспомогательного персонала — всего 54 чел.¹¹³

Работе по организации и становлению Уральского филиала способствовало большое общественное внимание и политическое звучание, придаваемое Урало-Кузнецкому проекту. В июне 1932 г. в Свердловске и Новосибирске состоялась выездная сессия АН СССР, посвященная проблемам Урало-Кузбасского хозяйственного комплекса. В резолюции сессии признавалось необходимым «ускорить формирование филиала Академии наук на Урале в Свердловске, а также приступить в ближайшем будущем к организации филиала Академии в Новосибирске»¹¹⁴.

Вдохновленные поддержкой со стороны руководства Академии наук, местные власти решили придать процессу создания филиала намного больший размах. В постановлении Президиума Уральского облисполкома «Об организации Уральского отделения Академии наук СССР» от 27 июня 1932 г. отмечается необходимость организации в структуре Отделения, наряду с тремя вышеупомянутыми институтами, еще нескольких научно-исследовательских учреждений. В их число должны были войти Энергетический, Гидрологический, Биологический, Биохимический, Климатологический институты, институты Прикладной математики и Изучения человека как производительной силы, а также музей истории науки и техники и четыре исследовательские станции¹¹⁵. Планы, таким образом, были масштабными и ориентированными на длительную перспективу.

Сразу же после создания Уральского филиала выявился тот факт, что его руководство претендует на реализацию двух задач, каждая из которых была не только весьма амбициозной, но и трудноосуществимой на практике. Во-первых, устами А.Е. Ферсмана было заявлено, что «задачей филиала является объединение научно-исследовательских сил Уральской области»¹¹⁶. Учитывая разнонаправленность интересов влиятельных экономических ведомств и отсутствие у филиала каких-либо административных и, тем более, экономических рычагов, достижение такой цели представлялось крайне затруднительным, если вообще возможным. Во-вторых, председатель Президиума УФ АН СССР полагал, что филиал должен заниматься преимущественно теоретическими исследованиями. Решение этой задачи также было трудноосуществимым в силу ее несогласованности с поставленными перед новой структурой целями, а также ограниченности кадрового и материально-технического потенциала филиала.

Масштабные замыслы быстро вошли в противоречие с реальной жизнью. Становление филиала на Урале было связано с большими сложностями. В докладе акад. В.П.Волгина на отчетном собрании АН СССР 1933 г. подчеркивалось, что Уральский филиал не располагает соответствующей производственной базой и потому не может рассчитывать на достижение достаточно высокого теоретического уровня работ, свойственных Академии. В докладе признавалось целесообразным перейти в сложившихся на Урале условиях к практике организации исследований по принципу направления туда выездных бригад из центральных научно-исследовательских учреждений, вместо того, чтобы тратить время на создание в регионе «...небольших лабораторий, в известной мере параллельных уже существующим и не способных в отведенных им случайных помещениях подняться до той высоты, на которой должны стоять учреждения Академии»¹¹⁷. Фактически, это означало признание неудачи замысла по созданию региональных академических центров и возвращение к старой методологии работы АН СССР в периферийных регионах — практике экспедиционных исследований.

Судьба только что созданного филиала, столкнувшегося с комплексом финансовых и организационных проблем, казалась predetermined. Уже в первой половине 1934 г. была проведена реструктуризация УФАИ. Институты были ликвидированы и на их основе сформированы три лаборатории. Еще через полгода в составе филиала действовали лишь лаборатории Физико-химического ана-

лиза, Органической химии и пирогенных процессов, а также Группа по геохимии золота и Ильменский заповедник¹¹⁸. Но и после этого, ввиду сложностей с финансированием, недостатком научного персонала и материальной базы, работа действовавших в составе филиала подразделений подвергалась постоянной критике. Осенью 1936 г. было принято решение о ликвидации Уральского филиала АН СССР, которое после ходатайства региональных властей в конце года все же было пересмотрено¹¹⁹. Лишь к концу десятилетия в работе филиала появилась стабильность. После этого в его структуре вновь были созданы научно-исследовательские институты — Химический, Горно-геологический, а также Металловедения, металлургии и металлофизики. На короткое время в ведение филиала был передан и Уральский физико-технический институт, однако вскоре он вновь был выведен из его состава.

В Западной Сибири судьбы академической науки оказались еще более сложными. Вариант перспективного плана развития академических структур в Западно-Сибирском крае, как и на Урале, был подготовлен еще к осени 1931 г. По принципам организации, целям и задачам Западно-Сибирский филиал (ЗСФАН) не должен был принципиально отличаться от Уральского филиала. Оба учреждения создавались в рамках единой научно-организационной парадигмы. При оптимистическом развитии событий к концу второй пятилетки в структуру Западно-Сибирского филиала АН СССР должно было входить уже семь научно-исследовательских институтов. Однако филиал так и не был создан. Что касается Дальневосточного филиала АН СССР, то он, будучи формально организован в 1932 г., так и не превратившись в значимую научную величину, к концу 1930-х гг. был ликвидирован¹²⁰.

Причины такого развития события — предмет особого исследования. Автор уже имел возможность высказать на этот счет свои соображения в научной печати¹²¹. По нашему мнению, на развитии событий сказались не только ресурсные ограничения, но и политические факторы. Думается, однако, что формирование и становление стационарных академических структур в периферийных регионах страны тормозилось и их научными амбициями. В определенный период времени все филиалы высказывали претензии не только на проведение прикладных исследований, для реализации которых они, собственно, и были сформированы, но и сложных теоретических изысканий. Последнее, с одной стороны, противоречило социальному заказу государства, ориентирующему Академию наук

на осуществление изысканий в интересах экономического развития. Во-вторых, для относительно слабых с кадровой и инфраструктурной точек зрения филиалов это оказывалось попросту неподъемным делом.

Уйти от такой логики развития событий не удавалось и в 1940-е гг. В это десятилетие развитие академических исследований было существенно скорректировано чрезвычайными обстоятельствами, связанными со второй мировой войной. Внешние для Академии наук факторы еще более смещали акценты на развитие в ней прикладных исследований. Применительно к работам по изучению производительных сил в периферийных районах страны это выразилось в доминирующей ориентации филиалов преимущественно на ресурсную составляющую. Примером этого стали неудачи с замыслами организации в составе Уральского и Западно-Сибирского филиалов АН СССР институтов общественно-гуманитарного профиля. В результате, созданный в 1944 г. Западно-Сибирский филиал в полной мере сохранил характерную и для других периферийных структур прикладную ориентацию исследований. Важнейшими направлениями деятельности филиала были определены следующие проблемы:

- «Изучение ископаемых богатств Западной Сибири с целью подготовки и расширения сырьевой базы черной и цветной металлургии;
- Создание эффективных способов добычи полезных ископаемых и разработка новых технологических процессов извлечения металлов;
- Разработка научных основ некоторых отраслей химической промышленности (углехимического синтеза);
- Изыскание путей и способов наиболее целесообразного использования громадных энергетических ресурсов и развития транспортных связей;
- Изучение растительных богатств Западной Сибири и ее животного мира»¹²².

Академик А.А.Скочинский резюмировал: «Филиал должен не только оказать мощное научное содействие освоению природных богатств Западной Сибири и подъему культурного уровня ее населения, но и способствовать правильному разрешению чрезвычайно важных для этого края проблем транспорта и энергетики»¹²³. Соответственно научным направлениям, в структуре филиала было образовано четыре научно-исследовательских института — Горно-геоло-

гический, Химико-металлургический, Транспортно-энергетический и Медико-биологический. Эти направления исследований оставались доминирующими вплоть до вхождения филиала в состав созданного в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук (СО АН СССР, ныне СО РАН).

Формирование стационарных академических структур на востоке страны продолжалось и во второй половине 1940-х — 1950-е гг., когда возникли Якутский (1947 г.) и Восточно-Сибирский (1949 г.) филиалы АН СССР и была восстановлена работа Дальневосточного филиала, а также созданы Сахалинский (1955 г.), Бурятский (1958 г.) и Северо-Восточный (1960 г.) комплексные научно-исследовательские институты, позднее вошедшие в состав СО АН СССР. Однако на протяжении еще нескольких десятилетий параллельно с их деятельностью в восточных и северо-восточных регионах страны продолжалась работа академических экспедиций, курируемых СОПС АН СССР. Большая часть таких экспедиций в 1940-е — 1950-е годы носила уже естественно-научный характер.

Ситуация стала изменяться лишь в 1960-е гг. После завершения процессов организационного становления СО АН СССР восточные территории страны стали основным регионом, на котором замыкались научные интересы институтов нового академического центра. Масштабы экспедиционных исследований из центра страны на востоке и северо-востоке России стали постепенно уменьшаться. Необходимо подчеркнуть, что точкой отсчета при формировании нового комплексного научного центра в Сибири, не имевшего к тому времени аналогов в стране и мире, были отнюдь не интересы восточных регионов страны. Сибирское отделение создавалось в «целях усиления научных исследований в области физико-математических, естественных и экономических наук и быстрейшего развития производительных сил **Сибири и Дальнего Востока** (выделено нами — *Е.В.*)»¹²⁴, но при принятии этого решения явно доминировали принципы общегосударственной целесообразности и общегосударственные, а не региональные интересы. Впрочем, ускоренное развитие производительных сил в восточных регионах страны в этот период времени вполне соответствовало такой стратегии. Несмотря на то, что институты, профилированные на исследования в области наук о Земле и наук о жизни, составляли приблизительно четверть от общего количества научных учреждений Новосибирского научного центра — ядра СО АН СССР, это направление на протяжении ряда лет оставалось

доминирующим в периферийных филиалах Сибирского отделения в других городах региона. В территориальном аспекте отныне оно координировалось в рамках всего Зауралья.

Некоторое время на востоке и северо-востоке России продолжалась работа и ряда специализированных академических учреждений «центрального подчинения», занимающихся «северной» проблематикой, таких как, например, как система мерзлотных станций в высокоширотных регионах. Часть из них стала основой для формирования впоследствии специализированных научно-исследовательских институтов, таких как Институт мерзлотоведения, с 1960 г. действующий в составе Сибирского отделения. Позднее в структуре СО АН СССР были созданы и другие специализированные научно-исследовательские институты по проблемам Севера — например, организованный в 1970 г. Институт физико-технических проблем Севера Якутского филиала СО АН СССР¹²⁵.

Вместе с тем, создание Сибирского Отделения как многопрофильного научного центра сформировало основы для утверждения междисциплинарного подхода к исследованию проблемы развития производительных сил на востоке страны. В известном смысле, формирование СО АН СССР создало условия для возвращения к принципу комплексности при изучении развития производительных сил периферийных регионов, который был декларирован В.И.Вернадским еще в начале XX в., но от которого Академия наук в условиях возраставшей специализации научных исследований и профиля научно-исследовательских учреждений стала отходить уже в 1930-е годы. В восточной части России отныне пересекались интересы разнопрофильных научных институтов. Соответственно, в Сибирском отделении формировались структуры, координирующие научные изыскания по изучению производительных сил и природных ресурсов. Подобного рода междисциплинарная координация осуществлялась в рамках созданных при Президиуме СО АН СССР многочисленных научных советов и комиссий, часть из которых носила межведомственный характер¹²⁶.

Дальнейшее развитие этот принцип получил уже в рамках программы «Сибирь». В 1970-е — 1980-е годы в Сибирском отделении, как и в других научных учреждениях страны, стал утверждаться программно-целевой метод организации научных исследований. Для реализации программы «Сибирь» в СО АН СССР в 1979 г. был создан Научный совет по проблеме комплексного развития природных ресурсов и развития производительных сил региона,

председателем которого стал первый заместитель председателя СО АН СССР акад. А.А.Трофимук. В состав совета входило шесть секций — секция минеральных ресурсов, секция биологических ресурсов, секция регионально-экономических программ, секция программ особой сложности и масштаба, секция технических и технологических программ и секция «Энергетика Сибири»¹²⁷. Представляется, что опыт формирования и реализации программы «Сибирь», к настоящему времени уже основательно подзабытой, может иметь большое значение для отработки подходов к организации научно-исследовательских работ по «северной» проблематике, и заслуживает специального исследования. Равным образом стоит вернуться и к опыту осуществления некоторых специализированных исследовательских программ, инициированным в СО АН СССР и направленным на изучение восточных и северных территорий страны, в том числе и гуманитарного характера — таких как «Исторический опыт изучения Сибири» и программа изучения малочисленных народов Севера. Принципы организации исследований, положенные в основу разработки таких программ, а также накопленные в их рамках материалы, способны существенно обогатить перспективные исследования, направленные на анализ развития производительных сил в периферийных регионах страны.

Что же касается непосредственно «северной» проблематики, то в 1985 г. в структуре СО АН СССР было создано первое научное междисциплинарное учреждение, объектом исследования которого стал комплекс вопросов развития Сибирского севера — Институт проблем освоения Севера СО АН СССР в Тюмени. В настоящее время основным научным направлением ИПОС СО РАН являются проблемы взаимодействия человека, общества и природы и формирование стратегии устойчивого развития северных территорий. В Институте сделана попытка предметно объединить естественно-научную, социально-экономическую и гуманитарную проблематику. Структура Института формируется тремя отделами — кибернетики, ориентированным главным образом на проблемы экономического развития нефтехимического и строительного комплексов в условиях Севера; биологических наук, включающим в себя лабораторию геоинформационных технологий; и гуманитарных наук, профилированным в области археологии, антропологии, этнографии и истории¹²⁸. Очевидно, что характер научных интересов и структура научных подразделений Института оставляют многочисленные лакуны в проблемном поле «североведения», а сам ИПОС СО РАН не может

претендовать на роль финальной инстанции в организации научных исследований по «северной» проблематике.

Таким образом, деятельность Академии наук по изучению производительных сил периферийных территорий страны в XX в. осуществлялась в различных формах и различными методами. Наиболее традиционной из них являлась организация академических экспедиций — эта традиция восходит к первым экспедиционным работам в восточные и северо-восточные регионы Российской империи, датированным еще XVII в. Экспедиционная деятельность существенно расширилась на рубеже XIX—XX вв. Академические экспедиции этого времени, в отличие от более ранних, стали приобретать специализированный характер.

Параллельно формировалась инфраструктура и механизмы координации исследований в области развития производительных сил. Этапным моментом в этой работе стало создание Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), деятельность которой в несколько видоизмененном виде продолжалась в рамках Академии наук на протяжении долгих лет. Именно в рамках КЕПС сформировались предпосылки для утверждения в практике организации и управления исследованиями наиболее эффективных подходов. Методология работы Комиссии, сформулированная ее главным идеологом акад. В.И.Вернадским, включала в себя такие принципы как междисциплинарность и комплексность в организации научных исследований, разнопрофильность и разноаспектность научных работ, объединенных общим объектом исследования. Как отмечалось ранее, принципиально важным представляется то обстоятельство, что в понятие производительных сил В.И.Вернадский включал не только природные компоненты, но и социокультурные явления. Такая методология в течение определенного времени проявлялась и в принципах деятельности КЕПС, и в характере координируемых им исследований. Значимыми были и такие аспекты организации научных исследований развития производительных сил, курируемые КЕПС, как гибкость формируемых им научных учреждений, возможность оперативной организации и реорганизации научных структур, представленных, в основном, комитетами и комиссиями, в зависимости от актуальности и изменения проблемного поля, а также принцип их территориальной распределенности. Большое значение придавалось и обеспечению общественного звучания работ по изучению производительных сил в периферийных регионах страны, для чего закладывались соответствующие издательские возможности.

Далеко не все принципы этой методологии получили развитие в практической деятельности КЕПС и затем СОПС. Во второй половине 1930-х гг. акценты в изучении производительных сил стали все больше смещаться в сторону естественно-научной компоненты этой категории. Это объяснялось политикой мобилизации ресурсов для нужд развивающейся экономики и окончательно утвердившейся «колониальной» парадигмой развития окраинных территорий страны на востоке и северо-востоке России. Характер и научная специализация формируемых в 1930-е—1950-е гг. в АН СССР стационарных научных учреждений в восточных регионах страны, в том числе и в форме академических филиалов, стало отражением данного процесса.

Наука фактически рассматривалась как одна из отраслей народного хозяйства, выполнявшая обеспечивавшую функцию в отношении их экономического развития, прежде всего индустриального роста. Это определяло как формы организации научной деятельности в регионе, так и задачи научно-исследовательских учреждений и направленность исследовательской работы. Научное освоение восточных территорий носило, в основном, ситуационный характер, исходя из сложившегося профиля экономической деятельности. Инициативы, направленные на повышение уровня фундаментальности в деятельности академических учреждений в восточной части страны, долгое время не встречали понимания в Центре. Создание Сибирского отделения АН СССР лишь подтвердило сформировавшуюся тенденцию — несмотря на поставленную перед ним задачу обеспечить ускорение экономического развития восточных регионов, во многих аспектах своей практической деятельности новый научный комплекс существовал как бы во внерегиональном пространстве.

Ситуация вновь стала изменяться лишь в 1970-е—1980-е гг., когда в полной мере обнаружилось ограничение исключительно «ресурсного» подхода к изучению производительных сил периферийных территорий страны, а характер экономических процессов объективно требовал акцентирование принципа комплексности в качестве условия эффективного развития регионов интенсивного хозяйственного освоения. В Академии наук и за ее пределами стали активно осуществляться поиски механизмов объектной координации научно-исследовательских работ с целью объединения потенциала разнопрофильных учреждений и использоваться программно-целевые методы и подходы к организации научных изысканий, что на-

шло свое отражение в появлении соответствующих программ, прежде всего — программы «Сибирь». Следующим шагом логично стала попытка формирования комплексных объектно интегрированных учреждений, примером чего стал Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Кризисные явления в стране в 1990-е гг. существенно затормозили процесс поиска эффективных научно-организационных методологий исследований производительных сил в регионах страны. Наряду с этим, последние десятилетия XX в. поставили под вопрос не только эффективность, но и целесообразность «колониальной» парадигмы освоения и развития периферийных территорий страны, прежде всего в ее азиатской части. Несмотря на то, что уже к середине 1950-х гг. выявилась системная неспособность прежней модернизационной программы обеспечить стране перспективу в рамках постиндустриального вектора развития, серьезных изменений в экономической стратегии не произошло. Возможность заменить «колониальный вектор» развития восточной части России политикой сбалансированного и комплексного роста, базирующейся на принципах как общегосударственной, так и региональной целесообразности, была упущена. Ресурсы восточных территорий оказались широко включенными в экономические стратегии СССР, однако программа сдвига производительных сил на восток оказалась полностью подчинена концепции «регион для страны». Восточные регионы, главным образом — Сибирь, стали ресурсным ядром СССР, важнейшим аргументом, определявшим место страны на геополитической арене.

Нет достаточных оснований говорить о том, что в постсоветское время отношение Центра к восточным территориям страны радикально изменилось. Несмотря на начавшийся в России несколько лет назад экономический подъем, который практически полностью базируется на топливно-энергетических и сырьевых ресурсах из Сибири, социально-экономическое развитие восточных территорий, за некоторыми исключениями, продолжает отставать по темпам роста от развития территорий в северо-западной и центральной частях страны. Такая ситуация, достаточно логичная в контексте «имперского» сценария развития страны до 1991 г., входит в явное противоречие с декларируемыми ныне экономическими и политическими ценностями.

К тому же, в 1990-е гг. положение дел в восточных регионах России значительно обострилось вследствие осуществления струк-

турных реформ, начавшихся после распада СССР. Интегрированным показателем этого является ускоряющийся отток населения с востока на запад. С одной стороны, нарастание экономических проблем несет в себе угрозу политической и социальной нестабильности во многих регионах востока России, становится платформой для дискуссий о преимуществах регионализма. С другой, эти процессы — основа для рассуждений о «неперспективности» России как евразийской страны, становящихся популярными в кругах определенной части «интеллектуальной элиты».

Представляется, что ближайшие несколько десятилетий могут стать временем выбора. Либо будет продолжена прежняя стратегия полукOLONиального развития «восточных окраин» России, географически занимающих большую часть страны, и это приведет к дальнейшим социально-экономическим, а затем, возможно, и политическим и геополитическим осложнениям, либо удастся разработать новую стратегию, позволяющую найти компромисс между формулами «регион для страны» и «регион для региона». Как показывает опыт анализа ранее осуществленных проектов и программ, это потребует принципиальных корректировок социокультурных, методологических оснований реализуемой в России модернизационной модели. При этом главным должен стать переход от индустриальной к постиндустриальной парадигме модернизации.

Соответствующим образом должны быть скорректированы и принципы организации исследований производительных сил периферийных территорий России, которые не должны замыкаться лишь на «ресурсоориентированном» подходе. Исторический опыт свидетельствует, что в научно-организационной практике Академии наук существует немало позитивных решений в сфере изучения производительных сил, которые, с учетом необходимой адаптации и корректировки, могут оказаться полезными и в новых условиях.

Тимошенко В.П.

РОССИЙСКИЙ СЕВЕР В МИРОХОЗЯЙСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРИЧИНЫ СЫРЬЕВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Последняя четверть века дала наглядный урок утопичности надежд на стабильный и прочный экономический подъем, опирающийся на методы “экономического скачка”.

Также как и индустриализация 30-х гг., основанная практически целиком на импорте обрабатывающей промышленности в короткий срок, “генеральная перспектива” 60—70-х гг. не привела к ожидаемым результатам. Попытка обеспечить экономический подъем и решение социальных проблем путем получения средств от вывоза природных богатств обернулась иждивенческой психологией задействованных в производстве людей, вызванной эффектом “нефтедолларового существования”.

На первый взгляд обоснованная стратегия использования возможностей внешней торговли в освоении богатств огромного региона и использовании полученных средств для экономического подъема страны оказалась слабой с точки зрения учета конкретных условий осуществления. Эту слабость, видимо, нельзя свести к просчетам в планировании и реализации планов. Планы, хотя и не в полном объеме и не всегда последовательно, но выполнялись. Деформации во внешнеэкономических связях Сибири и Ближнего Севера были вызваны двумя группами причин: 1) противоречиями действовавшего хозяйственного механизма, несовпадением общегосударственных, ведомственных и территориальных интересов; 2) спецификой политико-правового обеспечения внешнеэкономической региональной деятельности в условиях административного централизма и вызванным его характером взаимоотношений с партнерами на мировом рынке. К тому же в значительной мере проявились идеологические и политические факторы развития внешней торговли. “Генеральная перспектива” опиралась на тенденции в развитии межгосударственных отношений, долговременность которых была весьма проблематичной.

Колоссальные масштабы сырьевых проектов хотя и не принесли ожидаемых результатов, оказали сильное влияние и на социально-экономическую ситуацию в регионе, и на его роль в международном разделении труда. Программы освоения ресурсов региона оказались в центре внимания деловых кругов Запада, вызвали противоречивые отклики и, в конечном счете, стали приобретать международное звучание. Сибирь втянулась в орбиту мировых экономических и политических отношений, во многом задевая их по отдельным позициям.

Внешнеэкономические связи обеспечивали вклад в развитие научно-технического прогресса в самых разных отраслях хозяйства, особенно с большой долей нового промышленного строительства. Использование в этих случаях зарубежного опыта, документации,

технологии, оборудования и материальных средств выводили производство на возможность выработки продукции, отвечающей требованиям мирового рынка.

Иначе говоря, предполагалось: 1) импортировать современное оборудование для эффективной разработки ресурсов Сибири и Севера и создание мощной экспортной базы в добывающих отраслях; 2) на условиях компенсации сырьем и готовой продукцией создать при помощи промышленно развитых стран современное производство в обрабатывающей промышленности с ориентацией на мировой рынок; 3) использовать увеличивающиеся в результате расширяющегося экспорта валютные поступления для решения социально-экономических задач “Генеральной перспективы”.

Расширение экспорта и, соответственно, увеличение валютной выручки на первых порах сопрягалось с крупными вложениями в программы разработки месторождений и строительства производств на компенсационной основе. Кроме того, неразвитая в регионе производственная и социальная инфраструктура требовала дополнительных затрат. Крупные затраты нужно было понести в создании транспортных условий экспорта и развитии вспомогательных производств.

В соответствии со стратегией освоения кредиты под компенсационные соглашения большей частью направлялись на закупки оборудования и технологии. В 60-е — первой половине 70-х гг. осуществлялись крупные закупки импортных машин, оборудования и материалов для топливно-энергетического комплекса, нефтехимии, лесной промышленности. Возникающие социально-экономические трудности в развитии страны также требовали валютных инъекций для уменьшения накала напряжения. Экспорт готовой продукции ожидался в отдаленном будущем, причем значительная часть продукции должна вывозиться в счет погашения кредитов. Поэтому уже в восьмой и девятой пятилетках намечалась тенденция к увеличению экспорта сырья для получения валюты, которая использовалась для поддержания разваливающихся структур командной экономики: масштабных закупок продовольствия, товаров народного потребления, покрытия отставания отечественного машино — и приборостроения за счет увеличения импорта. Вместо предполагаемого увеличения в структуре экспорта готовых изделий, идет процесс в направлении обратного раскручивания: удельный вес машин, оборудования и вообще готовой продукции в советском экспорте уменьшается, сырья и полуфабрикатов стремительно растет. Только за восьмую пятилетку

для оплаты импортных закупок страна увеличила вывоз топлива, промышленного сырья и полуфабрикатов на 44%.

Наращение темпов освоения региона с конца 50-х гг. в какой-то степени поддерживалось расширяющимся зарубежным участием в кредитовании и ресурсообеспечении проектов. Большинство из видов сибирских сырьевых товаров находили высочайший спрос на мировом рынке, и, несмотря на многочисленные сдерживающие факторы, заинтересованность в дешевом сырье и гарантированных поставках подтолкнула довольно крупные западные фирмы и банки к выделению кредитов под разработку месторождений. Участие в сибирских проектах на первых порах связывалось с преодолением политических барьеров. Экономическая заинтересованность в сотрудничестве взломала кредитную блокаду социалистических стран. С конца 50-х гг. вначале отдельные фирмы, а затем и государства стали предоставлять кредиты под государственные гарантии сроком на 5-6 лет. С 1964 г. многие западные страны отказываются от соблюдения Бернского соглашения (подписано в 1958 г. государственными и частными кредито-финансовыми учреждениями США и Западной Европы, согласно которому устанавливался срок предоставления кредитов социалистическим странам – не более 5 лет) и перешли к долгосрочному кредитованию (10-15 лет).

Строительство предприятий на компенсационной основе и использование иностранных кредитов способствовали ускоренному развитию экспортных производств в Сибири и на Севере. В изучаемый период на долю богатых ресурсами восточных регионов страны приходилась большая часть капиталовложений в объекты совместного строительства на компенсационной основе. И даже если учитывать, что далеко не все предложения советской стороны реализовались, масштабы сотрудничества с иностранными фирмами в Сибири довольно велики.

Практически каждый предлагаемый сырьевой проект вызывал острые дискуссии и среди предпринимателей, и между государствами капиталистического мира. Перед ними стояла дилемма: следовать политическим установкам, принятым в отношениях Восток-Запад или руководствоваться экономическими соображениями. И даже в периоды наиболее сложных отношений между государствами, отдельные фирмы и банки включались в сотрудничество, извлекая из него колоссальные выгоды.

Соглашения по энергоносителям. Наибольший интерес для зарубежных партнеров представляла совместная разработка энерге-

тических видов сырья. С реализацией проектов в нефтегазовой и угольной отраслях промышленности связаны и крупномасштабные капиталовложения и наиболее острые политические коллизии.

С превращением Сибири в крупнейшую экспортную базу нефти возникают предпосылки для расширения советского экспорта нефти, газа и продуктов их переработки. Однако проблема увеличения экспорта нефти и нефтепродуктов была связана с трудностями их транспортировки на дальние расстояния в Европейские страны, в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Поэтому заинтересованные страны в большинстве случаев выражали готовность участвовать в создании условий для расширения советского экспорта. К середине 60-х годов намечается переход от бартерной торговли нефтью и оборудованием, и материалами для нефтедобычи, и транспортировки нефти к широкомасштабному сотрудничеству на компенсационной основе.

С начала 60-х гг. обсуждался проект строительства магистрального нефтепровода из Западной Сибири до побережья Тихого океана, так и не вступивший в стадию реализации. Первоначальная идея заключалась в отправке сырой нефти по одному нефтепроводу в Иркутск и оттуда — по другому нефтепроводу вдоль Транссиба до Находки. Затем советская сторона предложила новый вариант единого нефтепровода из Тюмени до Находки протяженностью 7.800 км¹²⁹. Этот вариант служил трем целям: 1) он позволял расширить поставки нефти в страны Тихоокеанского бассейна; 2) значительно разгружал транссибирскую железную дорогу; 3) сокращал сроки освоения сибирских нефтегазовых ресурсов за счет крупных валютных поступлений и закупки необходимого оборудования и оснащения. Японская сторона нашла, что размер кредита и условия его погашения являются неприемлемыми. В процессе обсуждений масштабы проекта были сокращены вдвое и соглашение должно было состояться, но в январе 1974 г. советские планы изменились и японские фирмы были приглашены к участию в проекте БАМа в размерах оговоренного по строительству нефтепровода кредита — 3,3 млрд. долларов. От участия в нем японцы отказались.

Первым крупным компенсационным соглашением по поставкам нефтегазовых ресурсов стал контракт с Австрией. 1 июля 1968 г. состоялась договоренность, по которой Австрия поставляла оборудование для обустройства нефтяных и газовых месторождений Сибири и стальные трубы для транспортировки, СССР в качестве компенсации в течение 20 лет — ок. 100 млрд. куб. м газа¹³⁰. Позднее

подключились фирмы Италии, ФРГ, Франции. Оборудование поставляли фирмы “Эстеррайхише Минеральойлфервальтунг” (Австрия), “ЭНИ” (Италия), “Газ де Франс”, “Рургаз” и др. Пример Австрии подтолкнул другие европейские страны к сотрудничеству в разработке сибирских месторождений. В декабре 1969 г. аналогичное соглашение заключено с Италией на 20 лет с компенсацией в 100 млрд. куб. м газа. В феврале 1970 г. — с ФРГ — поставки 1,2 млн. т стальных труб и оборудования для газовой промышленности с 20-летней компенсацией в 52 млрд. куб. м природного газа¹³¹.

В 1972 г. с консорциумом американских фирм велись переговоры об осуществлении проекта “Северная Звезда”. Речь шла о строительстве трубопровода из Западной Сибири в Мурманск с пропускной способностью 20 млрд. куб. м в год, станции сжижения в Мурманске и последующей транспортировке в США¹³². Этот проект не был реализован. При углубленном изучении всех аспектов его осуществления оказалось, что более рентабельно поставлять газ без сжижения в Западную Европу.

Дискриминационные меры США, отмена проекта “Северная Звезда” имели следствием новые советские предложения западноевропейским странам по расширению поставок нефти и газа. Эти предложения включали создание 4.500-километрового трубопровода от Уренгоя до Чехословацкой границы. Западногерманские, итальянские, британские и французские фирмы должны были поставить трубы для этой линии, компрессорные станции и оборудование. Пропускная способность трубопровода предполагалась в 40 млрд. куб. м газа ежегодно. Общая стоимость проекта — 10 млрд. долларов. Компенсация предполагалась в течение 20 лет, начиная с 1984 г.¹³³. Повышенный интерес западно-европейских стран к проекту определялся тремя обстоятельствами: во-первых, истекали сроки предыдущих контрактов на поставки газа; во-вторых, крупные заказы на трубы и оборудование снимали напряженность в стальной индустрии Западной Европы и позволяли решить социальные проблемы; в-третьих, в условиях нестабильности на рынке энергоносителей, долгосрочная сделка выглядела весьма привлекательной. С большими трудностями проект был осуществлен — с 1984 г. сибирский газ поставляется в счет погашения кредитов. ФРГ затратила на проект 1,2 млрд. долларов, Франция — 664 млн., Италия — 890 млн., Англия — 260 млн., Финляндия — 90 млн. Участвовали в проекте также фирмы “Комацу” (Япония) и “Катерпиллер” (США), их вклад — 210 млн. долларов.

Крупные вложения западные фирмы осуществили в развитие производств продуктов нефтепереработки и нефтехимии. В начале 70-х гг. ФРГ и СССР начали осуществление проекта Томского нефтехимического комплекса. По договору западный участник должен был поставить инвестиционный капитал в размере 4 млрд. долларов для создания бензино-химического завода мощностью 10 млн. т очищенной нефти в год. Кредит предполагалось погасить химической продукцией в течение 10 лет. Западногерманский консорциум фирм готов был начать вложения, когда профсоюзы химической индустрии и торговли подали жалобу в правительство, заявив, что соглашение значительно повредит рынкам Запада и приведет к сокращению рабочих мест в химической индустрии Западной Германии. Лишь в 1978 г. соглашение состоялось, но первоначальный проект был сведен к уровню 1,5 млрд. долларов, с ним согласились профсоюзы химической индустрии ФРГ¹³⁴. К сделке присоединились фирмы Италии и Англии, которые поставили в счет кредита оборудование и технологию для заводов по производству полипропилена и метанола. Комбинат уже в 80-е гг. поставлял в порядке компенсации продукцию на экспорт. В 1986 г. экспорт объединения составил 64 млн. руб., из которых вывоз 22 млн. руб. в порядке компенсации за предоставленные кредиты.

В 1973–78 гг. были подписаны несколько соглашений с фирмами ФРГ, Италии, Франции, Австрии, Канады, Великобритании на поставку комплектного оборудования для крупнейших в стране нефтехимических комбинатов в Омске, Кемерово, Тобольске, строящихся на компенсационной основе. Фирмы “ЭНИ” (Италия), “Камко” (Англия), “Маннесман” (ФРГ), “Ассошейтед инженеринг сервисиз” (Канада) и другие выполнили обязательства на поставку оборудования и технологии в счет кредита на сумму ок. 1 млрд. долларов. Средний размер инвестиций для фирм составил примерно 80 млн. долларов. Это довольно крупная сделка даже по “сибирским” масштабам.

В 1972–1977 гг. в счет кредита в 500 млн. долларов в Канаде закуплено оборудование для нефте- и газодобычи, трубокомпрессоры для Самотлорского месторождения общей стоимостью 274 млн. долларов¹³⁵.

подавляющее большинство заключенных и обсуждавшихся проектов охватывали отрасли разработки сырьевых и топливных месторождений, производства полуфабрикатов, мало затрагивали обрабатывающую промышленность, а если такие сделки состоялись, то их масштабы можно считать более чем скромными.

Проекты транспортного обеспечения. Реализация компенсационных соглашений в Сибири напрямую зависела от создания транспортных условий для вывоза за рубеж экспортной продукции. В экстремальных природных условиях предстояло проложить тысячекилометровые трассы нефте — и газопроводов, железных дорог, построить речные и морские порты. Естественно, сроки этих работ, а значит и погашения кредитов, определялись объемами капитальных вложений и материальными ресурсами, которые могли быть направлены на решение этой сложной задачи.

Благоприятные факторы развития внешнеэкономических связей, обозначившиеся со второй половины 60-х гг. послужили причиной форсированного создания мощной экспортной базы сырьевых и энергетических ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке. Но наличие потенциальных экспортных возможностей при транспортной оторванности месторождений не могло решить проблемы валютных поступлений. Не случайно во всех программах освоения ресурсов немаловажную роль играли варианты транспортного обеспечения. И значительная часть зарубежных кредитов направлялась на решение этих проблем. Строительство нефте — и газопроводов, укрепление железнодорожного и морского транспорта выделилось в самостоятельную отрасль освоения региона.

Крупные масштабы многих сибирских проектов представляли и представляют большие возможности для выбора разнообразных форм международной кооперации. Деловой мир западных стран высоко оценивал перспективы взаимовыгодного сотрудничества в промышленном освоении Востока России. Известный западногерманский предприниматель Отто-Вольф Америконген, много лет бывший президентом Конгресса тогово-промышленных палат, отмечал: «Сибирь — это будущее нашего сотрудничества, причем речь идет не только о моем, но и о следующих поколениях»¹³⁶.

В работах зарубежных исследователей — сибиреведов в последние четверть века существенное место занимало изучение позиции Советского Союза по проблеме участия иностранного капитала в освоении Сибири, а также отношение ведущих развитых стран к данной проблематике. Наиболее полно, на наш взгляд, представления авторов о мотивах расширения сотрудничества Запад-Восток изложены в работах Г.О.Ангермейера, У.-Е.Пасдаха, Р.Фуртмайера, Г.Бернхайма¹³⁷. По их оценке, усилия советского руководства по расширению связей с зарубежьем вызвано недостатком внутренних инвестиций и стремлением использовать экспорт сырьевых ресур-

сов как источник получения валюты для ввоза в страну продовольствия и потребительских товаров. При этом исследователи обращают внимание на ущербность торговли сырьевыми материалами, прогнозируя накопление в перспективе крупных технико-технологических проблем. Г.О.Грамацки считал, что Советский Союз приступил к широкомасштабному экспорту сырья и энергоносителей из-за неконкурентоспособности отечественной перерабатывающей промышленности¹³⁸. Зарубежные авторы считали причиной роста советского экспорта значительное повышение в 70-х гг. мировых цен на нефть и газ, вывоз которых из страны мог быть расширен в краткие сроки. Отсюда — моноструктурный характер экспорта в западные индустриальные страны¹³⁹. Покрыть промышленное отставание СССР и призвана была торговля сибирскими ресурсами — «Сибирь, как колония расплачивается сырьем».

Заинтересованность в расширении и углублении сотрудничества, проявляемая западными партнерами уральских предприятий, как мы убедились, далеко не всегда материализовывалась в конкретных программах. Большинство советских предложений не были поддержаны кредитами и торговыми сделками даже в странах, остро нуждавшихся в сырьевых ресурсах и продуктах их переработки, производство которых по разным причинам внутри этих стран не покрывало потребностей. Да и реализованные совместные проекты в большинстве случаев не достигли договорных масштабов.

Парадоксы во взаимоотношениях партнеров наводят на мысль о существовании барьеров и ограничителей сотрудничества. Сдерживающие факторы, видимо, стоит просмотреть специально. В их действии сыграли роль как особенности в политических взаимоотношениях Запад-Восток, так и политико-правовые характеристики системы внешнеэкономических связей СССР. Но, безусловно, все ограничения масштабов внешнеэкономического взаимодействия имели политический характер.

Внешиполитические условия торговых связей. Гигантские по своим масштабам программы освоения Сибири и Дальнего Востока объективно оказывали влияние на систему политических взаимоотношений в мире, так как этот фактор мирового и регионального развития существенно видоизменял интересы ведущих держав, в какой-то степени задавая их. Действительно, многие из сибирских проектов, катализировавших интересы зарубежных предпринимателей, вызвали неожиданные изменения как в отношениях между СССР и отдельными зарубежными государствами, так и в западном

мире вообще. И в то же время осуществленные и не вышедшие из стадии проработки совместные проекты с западными партнерами наводят на мысль об обратном, весьма значительном, влиянии политических отношений на собственно процессы сотрудничества. Йоганна Роос, изучая комплекс проблем промышленного продвижения в Сибирь и на Дальний Восток, очень образно обозначила ситуацию освоения как драматическую конфликтность между экономикой и политикой¹⁴⁰. Яркие выраженные внешнеторговые аспекты освоения Сибири обострили столкновение интересов и борьбу политических ориентаций в деловых кругах Запада. Большой интерес в связи с этим представляет чередование политических концепций отношений Восток-Запад, каждая из смен которых в тех или иных странах подхлестывала партнеров в освоении Сибири.

Как известно, 50-е гг. знаменовались новым усилением отношений конфронтации между двумя общественно-политическими блоками. Это непосредственным образом отразилось на торгово-экономических отношениях: была установлена кредитная блокада, эмбарго на поставку большинства необходимых СССР товаров (списки КОКОМ включали более 2,8 тыс. товарных позиций). Лишь с начала 60-х гг. устанавливаются долгосрочные контакты с отдельными зарубежными банками и фирмами, заинтересованными в разработках сибирских ресурсов (компенсационные сделки по поставкам нефти в Западную Европу, лесные соглашения с Японией и т.д.), а позднее расширяется сотрудничество на международном уровне. На масштабы этих связей непосредственно оказывали влияние смены господствующих политических представлений в деловых кругах относительно характера и условий торговли с Востоком. Рассмотрим основные из господствующих позиций.

Позиция отказа от торговли с Востоком. Была господствующей в 50-е — первой половине 60-х гг. Ее значение усилилось на рубеже 70-х — 80-х гг. Среди сторонников концепции наиболее важную роль в политической жизни играли: Д. Картер, К. Уйанбергер, Р. Рейган. Идеологическое обеспечение этой позиции принадлежало перу крупных западных ученых: Карла Герммана, Майкла Костина, Чарлза Уолфа, Джеймса Стюарт-Смита. В аргументации сторонников свертывания контактов на первом плане стоит сопоставление интересов возможных партнеров и их итог: 1) торговля с Востоком приносит выгоды только социалистическим странам, страны Запада терпят ущерб в сферах экономики, политики, безопасности; 2) торговля укрепляет потенциального противника — всякий

импорт для СССР ничто иное, как возможность использовать высвободившиеся ресурсы для военного производства.

Сторонники отказа от торговых связей исходили из конфронтационной модели развития мира. Отношения Восток-Запад по этой модели в принципе не могли выйти из рамок противоборства, а поскольку СССР и его союзники все в большей степени попадали в зависимость от передовой западной технологии, машин и оборудования, сельскохозяйственной продукции, то эмбарго и ограничения торговых связей — лучший способ ослабить противника в экономическом, политическом и военном отношении. Из этих рассуждений логически вытекал вывод о необходимости использования политических мер по ограничению торговли. Среди них наибольшей популярностью пользовались свертывание кредитных отношений и затраты на поставку технологии и оборудования. Такие затраты серьезно ослабили эффект сотрудничества в разработках месторождений сибирской нефти и создании транспортных возможностей экспорта энергоносителей в начале 60-х гг. и на рубеже 70—80-х гг. (проект “Газ-трубы”).

В теоретическом фундаменте концепции “свертывания” сочеталась теория “конфликтов” с тезисом о “тоталитаризме”, которые рассматривают укрепление социалистической системы как проявление “агрессивности”, “стремления к экспансии”. Другим краеугольным камнем концепции стала критика планово управляемой экономики через призму тезиса о “технологическом разрыве”. Направление этой критики хорошо обозначил западногерманский экономист Юрген Ренке: “Центрально-координационные системы, когда они получают определенное развитие и стремятся достигнуть более высоких степеней сложности, вынуждены прибегать к импорту новой технологии, а в их экспорте преобладают товары с очень небольшой технической новизной”. Нельзя отказать в точности наблюдений сторонников концепции “свертывания”. Во всяком случае в условиях господствования эта концепция оказала заметное сдерживающее воздействие на развитие сотрудничества в разработке сибирских ресурсов, и именно через запреты на поставку технологии и необходимого оборудования.

Позиция содействия торговле Восток-Запад. Сложилась во второй половине 60-х гг. и была господствующей на протяжении 70-х гг., ее значение усиливается в современных условиях. Юлиус Нетцольд, специалист по проблемам экономического сотрудниче-

ства между Востоком и Западом, считает: “Расширение экономических отношений в 70-х гг. привело к возникновению определенного уровня переплетения между Востоком и Западом, которое явно способствовало сохранению в Европе заинтересованности в разрядке, несмотря на неудовлетворительное развитие событий в области политики, безопасности”¹⁴¹.

Концепцию “содействия” разделяли и разделяют представители деловых кругов Западной Европы и Японии, которые поддерживали контакты с СССР и экономически заинтересованы в долгосрочных крупномасштабных совместных проектах. В политике ее представляли Зигмунд Купнер, Ганс Хеман, Гельмуд Шмидт, Бернард Байц и др. Для обоснования концепции использовались следующие аргументы, также опирающиеся на сопоставлении интересов и выделении возможных выгод от сотрудничества. 1) политика запретов вряд ли осуществима ввиду у соперника мощного экономического потенциала, а также из-за разногласий между Западной Европой, Японией и США; 2) рост сотрудничества Запада со странами СЭВ позволил бы Западу влиять на эти страны; 3) угрозы применения эмбарго способствуют укреплению экономического союза стран Востока; 4) СССР, обладающий ресурсами, представляет собой в долговременной перспективе интересный и открывающий широкие перспективы рынок. Странники концепции “сдерживания”, исходя из “теории конвергенции”, убеждены в том, что мощь капиталистического рыночного хозяйства дает шансы устоять и развиваться основным принципам товарного производства. Именно в 70-е гг. были осуществлены крупные компенсационные сделки по развитию нефтехимии и лесохимии в Сибири, подготовлены основания для реализации проекта “Газ-трубы”. Но сторонники концепции “содействия” все же стремились установить лимиты в отношениях сотрудничества, чтобы, во-первых, не попасть в зависимость от поставок сибирского сырья, а значит — обезопасить себя от возможности политического давления с помощью мер “перекрытого крана”, и, во-вторых, чтобы не выйти за рамки сырьевых контрактов и не создавать на внутреннем рынке условий для сбыта советской продукции глубокой переработки. Такое требование отвечало интересам сохранения социальной стабильности и охранения интересов производителей в химической, нефтехимической и других отраслях хозяйства европейских стран.

Позиция “взаимовязанных уступок”. Представляет собой промежуточный между конфронтацией и сотрудничеством вариант эко-

номического взаимодействия. Суть его в стремлении сохранить и развивать торгово-экономические отношения с СССР при условии, что партнер пойдет на односторонние уступки внешне — и внутривалютного характера в русле “хорошего поведения” в ответ на шаги Запада по расширению торговли. Эта позиция предусматривала применение частичных и ограниченных во времени санкций, связанных с политическими требованиями. Среди сторонников этой концепции были в основном представители науки и политические деятели второго эшелона. Наибольший вклад в ее утверждение внесли Саймон Хантингтен, Ричард Пайпе, Генри Киссинджер, Юрген Ренке, Ганс Майер, Билл Донгес, Юлиус Нетцольд.

“Взаимозавязанные уступки” в торговле с Востоком по мнению сторонников концепции предпочтительны гибкостью отношений. Во-первых, экономические связи представляют больше шансов для давления на СССР, чем политика изоляции. Во-вторых, предложения для установления долгосрочного экономического сотрудничества легче связать с требованиями в политической области. В-третьих, зависимость промышленно-развитых стран от СССР в торговле меньше, чем наоборот, и следовательно, можно не опасаться некоторого продвижения по пути экономического сотрудничества. В-четвертых, имеется возможность расширить зависимость СССР от западной технологии, кредитов, продовольствия в целях получения от него односторонних политических уступок. В-пятых, рынок СССР представляет собой существенную часть сбыта заинтересованных стран Запада, которым следует не отказываться, а бороться за него.

Некоторые пункты этой аргументации с середины 80-х гг. отражаются в установках правительства ФРГ, выдвигаются на передний план политики администрации США.

Опережающее развитие экономического потенциала Российского Севера заложило объективные возможности для увеличения масштабов внешнеэкономической деятельности региона. За последние десятилетия прирост валютных поступлений страны главным образом обеспечивался за счет вовлечения во внешнеторговый оборот топливно-энергетических и сырьевых ресурсов Севера. Масштабные проекты освоения региона стали фактором мировой политики.

К настоящему времени Российский Север обладает крупным экспортным потенциалом в нефтегазовой, нефтехимической, лесной промышленности. Вместе с тем, существующий экспортный потенциал используется далеко не полностью. Основными ограничителя-

ми более широкого вовлечения региона в мировое разделение труда можно считать такие факторы, как:

- узкая внешнеторговая специализация хозяйства региона (свыше 90% стоимости экспорта приходится на нефть, газ, продукцию лесного комплекса);

- крайняя неразвитость производственной и социальной инфраструктуры;

- некомплексность развития международных экономических связей региона.

Четвертьвековой опыт стремительного вхождения сырьевых программ в мировые экономические процессы, резонанс освоения региона за рубежом, дает предметные уроки для современной практики.

Необходимо вернуться к стратегии повышения доли продукции глубокой степени переработки в традиционных экспортных отраслях промышленности. Концентрация усилий на существенном повышении качественного уровня производства экспортных отраслей позволит увеличить вывоз тех видов продукции, которые уже зарекомендовали себя на мировом рынке. Без создания таких “локомотивных” ситуаций практически невозможно сохранить, тем более закрепить, участие северных регионов в мировом разделении труда постиндустриальной эпохи.

В реализации всех возможностей развития международных экономических связей районов Севера заметную роль может сыграть использование новых прогрессивных форм сотрудничества, их эффективное сочетание с традиционными формами внешнеэкономических связей. Пришло время создать нормальные условия для непосредственного участия иностранного капитала в освоении ресурсов региона, тем более, что как мы убедились, интерес западных деловых кругов к такому варианту сотрудничества был устойчивым на протяжении последних десятилетий и не иссяк к настоящему времени.

Далеко не полностью реализованы возможности такой формы экономического сотрудничества как компенсационные соглашения. В ряде случаев они могут сыграть роль первого шага в развитии более тесной кооперации с иностранными фирмами. Критический анализ накопленного в этой области опыта позволит в дальнейшем более эффективно использовать зарубежные финансовые и материально-технические средства для совершенствования структуры северного экспорта, сократив вывоз необработанного сырья и замет-

но расширив поставки на мировой рынок продукции глубокой переработки, а также отказаться от необоснованных импортных закупок.

Ну и, конечно же, дальнейшее развитие внешнеэкономических связей в успешном варианте немыслимо без решительного перехода на экономические методы управления с элементами государственного регулирования. Государство должно вернуться в эту важнейшую сферу деятельности, учитывать специфические региональные особенности в строительстве систем управления внешнеэкономической деятельностью.

Корнилов Г.Е.

ИСТОРИЯ ЮГРЫ И ЯМАЛА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Знания об историческом прошлом складываются из совокупности различного рода информации, почерпнутой из различных источников. Выделяются четыре наиболее важных группы информационных источников — архивные документы, публицистические материалы, мемуары и научная литература. Каждая группа имеет свои особенности и преимущества, необходимые для воссоздания канвы и содержания исторического процесса.

Среди всех источников информации архивные документы имеют наибольший приоритет в силу своей первичности, как следы деятельности людей, появившиеся в процессе исторических событий.

Фактор первостепенности присутствует и у публицистики, которая всегда рождается на «злобу дня», отражая значимость события и степень восприятия его обществом. В публицистике в большей степени, чем в архивных документах, проявляется влияние автора, когда событие освещается через восприятие автора-создателя.

К первоисточникам «исторических знаний» относятся и мемуары. Они также пишутся очевидцами событий, но, как правило, уже по прошествии определенного времени. Личность автора в мемуарах присутствует в большей степени, внося субъективный фактор в историческое описание, и тем более в оценку событий. Поэтому мемуары прекрасно дополняют архивные источники, но не могут претендовать на полную объективность в освещении исторических событий.

Научная литература может также рассматриваться как источник новых знаний, так как авторы для написания исследований исполь-

зуют различные источники, в том числе и архивные, вводя их тем самым в широкий оборот и делая доступными для других исследователей. Особенность научных исследований проявляется в том, что исторические знания подаются в переработанном виде, а не очевидцами событий и оценка их в еще большей степени зависит от авторской концепции. Фактор субъективности, присущий мемуарам, проявляется в научных исследованиях еще в большей степени.

Отдавая приоритет архивным документам, мы ни в коем случае не уменьшаем значение других информационных источников, учитывая их особенности в реконструкции исторической действительности.

В конце 1950-х — 1960-е гг. развернулась дискуссия о проблемах теории источниковедения, классификации исторических источников, их структурных параметрах. В современной науке проблема видов источников приобрела актуальность, особенно исторических источников по отечественной истории XX века. В разработке видовой структуры корпуса исторических источников отечественной истории наибольшие достижения были достигнуты школой Историко-архивного института (ныне Российский государственный гуманитарный университет).

В комплексе документов Государственного архива Свердловской области (ГАСО) выявлено несколько сотен дел, в которых содержатся материалы по Ямалу и Югре. Хронологически они охватывают период с конца 1923 г. и до начала 1934 г., когда эти территории входили в состав Уральской области. По видовому принципу выявленные документы можно разделить на: 1. Законодательные документы; 2. Документы правящей коммунистической партии; 3. Делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций (организационная и распорядительная документация, протоколы и стенограммы заседаний, текущая переписка, планово-учетная документация); 4. Статистические документы (учет объектов, учет по отдельным показателям, учет по отдельным отраслям, бюджетные обследования, отчеты, демографическая статистика, переписи населения); 5. Речи и выступления руководителей области, округов; 6. Источники личного происхождения (письма, обращения, просьбы, жалобы).

Ныне наиболее актуальной проблемой источниковедения является определение достоверности данных советского периода. В советской историографии доверие к сведениям, получаемым советскими органами, было почти абсолютным. Усомниться в их достоверности

значило не доверять советским учреждениям и органам, а это вводило исследователя в противоречие с идеологией общества. Проблема достоверности в исследованиях по истории советского общества была практически невостребованной.

В 1990-е гг. ситуация изменилась. Подход к статистическим сведениям, отчетной и делопроизводственной документации стал более критическим. Однако проблема достоверности источников остается и сдерживается отсутствием разработанной системы приемов определения достоверности.

Исторический источник, как отмечал И.Д.Ковальченко, является специфическим носителем информации¹⁴². В процессе коммуникации, который происходит между субъектом и объектом (создателем исторического документа), всегда присутствует определенное искажение информации, что является закономерным и зависит от каналов передачи сведений и особенностей восприятия их субъектом. Немаловажное значение имели психологические факторы, связанные с мировоззрением создателя документа, его ожиданиями. Изучая отчетную документацию (годовые отчеты) можно предположить сознательное искажение отдельных показателей, по которым вышестоящими органами будет оцениваться работа руководителей этих предприятий.

Исторический источник как носитель информации обладает специфическими чертами: 1. Он содержит объективную и субъективную информацию, т.е. сведения об объекте и субъекте, включенных в информационный процесс; 2. Он обладает и искаженной, и достоверной информацией. Исходя из теории информационных процессов, можно заключить, что чем меньше уровней преобразования информации, тем меньше ее искажение; формализация структуры источника и наличие автора обеспечивает повышение степени достоверности; 3. Исторический источник содержит явную и скрытую информацию. Скрытые сведения оказываются наиболее достоверными, так как в меньшей степени подвержены сознательному искажению.

Учитывая информационные особенности исторического источника, от историка требуется оценка его достоверности. В современной историографии выделяются несколько способов, методов, определения достоверности источников. Наиболее распространенным является логический анализ источника. Он предполагает выявление места, времени, авторства и цели создания документа, его структуры, форм использования, определения базовых источников, на ко-

торых основывался документ, каналы передачи информации. Каждый из перечисленных факторов оказывал воздействие на достоверность информации исторического источника. Историки, принимая решение о доверии сведениям документам, обычно руководствуются выделением наиболее важных факторов, чаще всего — цель создания документа, автор, источники и каналы передачи информации. Полноценное исследование источника является трудоемким процессом, отнимает много времени и под силу прежде всего специалистам — источниковедам.

Более точно провести оценку влияния и взаимодействия факторов на процесс создания источника позволяет моделирование. Этот прием дает возможность не только эмпирически, но и с привлечением количественных методов уточнить схему логического анализа источника. Историки, поднимающие целый комплекс документов по изучаемой теме, не могут осуществить весь необходимый объем работы и обычно ограничиваются формальным анализом источников.

Другой метод определения достоверности сведений состоит в сравнении данных различных источников. Этот способ используется чаще как вспомогательный при проведении логического анализа источника, позволяет сделать более обоснованные выводы. Если при сравнении различных по происхождению источников не наблюдается отклонений сведений, то делается вывод о достоверности информации источника.

В последние годы оценка достоверности источников осуществляется математическими методами. Они используются для оценки ошибки выборки, т.е. репрезентативности выборочной совокупности документов. Факторный анализ вычисления коэффициентов искажения информации для определенных видов и групп источников качественно поднимают решение вопросов достоверности сведений источника, это наиболее перспективный путь развития источниковедения¹⁴³.

В ГАСО по истории северных районов наиболее информационно-насыщенными являются следующие фонды: р-88 Уральского областного исполнительного комитета, в его составе сосредоточены документы Уральского областного комитета содействия малым народам Севера (оп. 5); р-233 Уральского областного отдела народного образования; р-241 Уральской областной плановой комиссии; р-1812 Уральского областного статистического управления; р-228 Уральского областного союза охотничьих рыбацких и интегральных кооперативов; р-677 Уральского областного бюро краеведения. До-

кументы ГАСО позволяют реконструировать экономическое, социальное и культурное развитие Югры и Ямала в 1920–1930-е годы.

Документы ГАСО дают характеристику природно-географических условий, животного и растительного мира Уральского Севера¹⁴⁴.

Занимая громадную территорию, составлявшую более 60% всей территории Уральской области северные районы населены были крайне редко. В них к 1928 году проживало 171 тыс. человек, или 3 % населения области. Помимо русских, эти районы населяли коренные жители: ханты (остяки), манси (вогулы), ненцы (самоеды) и другие малые этносы, основным занятием которых были охота, рыболовство и оленеводство, что определяло их кочевой полуседлый образ жизни. Ряд документов ГАСО освещает быт, занятия, образ жизни этносов Северного Урала¹⁴⁵.

Сведения о количестве населенных пунктов, количестве оседлых, полуседлых и кочевых хозяйств, количестве населения на севере Урала содержатся в материалах Всесоюзной переписи 1926 г., продолженной на севере до 1928 г.¹⁴⁶

Бытовые и хозяйственные особенности северных этносов требовали создание особых органов для изучения и содействия развитию их, поскольку они сохраняли родовые отношения. В марте 1922 г. при отделе нацменьшинств Наркомата национальностей РСФСР был организован подотдел по охране и управлению первобытных племен Северной России. Однако вскоре выяснилась необходимость в более широком развертывании работы с народами Севера и привлечения к ней широких кругов общественности. Декретом ВЦИК от 20 июня 1924 г. был образован Комитет содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК. В декрете говорилось: «Учитывая огромное экономическое и политическое значение северных окраин, с одной стороны, и катастрофическое положение племен, их населяющих, с другой, а также полную неорганизованность и оторванность туземной массы от советского строительства и необходимость законодательной, административно-правовой и экономической защиты их интересов, образовать Комитет содействия народностям Северных окраин»¹⁴⁷. Функции Комитета состояли в изучении экономики, культуры северных этносов в разработке и проведении мероприятий по подъему народов Севера.

На местах эта работа осуществлялась Комитетами содействия народностям северных окраин при некоторых губернских, краевых и областных исполкомах Советов рабочих, крестьянских и красно-

армейских депутатов, в т.ч. и при Уральском облисполкоме, образованных декретом ВЦИК от 23 февраля 1925 г. ¹⁴⁸

В целях более глубокого изучения бытовых и национальных особенностей, также нужд и запросов народов Уральского Севера в середине 1925 г. был организован Комитет Севера при Тобольском окружном исполнительном комитете Уральской области, поскольку на территории округа проживало подавляющее большинство северных этносов Урала ¹⁴⁹. Свою работу местные Комитеты Севера проводили через соответствующие отделы исполкомов, областные и окружные учреждения.

Круг вопросов, которые охватывала деятельность Уральского комитета Севера, был чрезвычайно широк, об этом свидетельствуют планы Комитета Севера ¹⁵⁰.

Достаточно подробная характеристика деятельности Уральского комитета Севера содержится в его отчетных документах, среди которых научный интерес представляют докладная записка о поездке на Север секретаря Комитета ¹⁵¹ и отчет Уральского комитета Севера к 9-ому Пленуму Центрального комитета Севера в 1932 году ¹⁵². Особый интерес представляет доклад Уральского комитета Севера для выставки материалов о работе среди национальных меньшинств Урала в 1932 г. «Итоги Октября среди малых народностей Севера Урала» ¹⁵³.

Повседневная практическая деятельность Уральского комитета Севера отражена в протоколах его заседаний ¹⁵⁴. Вопросы, обсуждаемые на заседаниях Комитета, охватывали различные стороны хозяйственной и культурной жизни народов Северного Урала. Так, на заседании Комитета 16 января 1931 г. были рассмотрены вопросы о состоянии зимних дорог на Севере, об эпидемии среди народов севера, о ходе организации оленеводческого совхоза, о состоянии образования на Тобольском севере. На заседании 27 мая 1931 г. обсуждались вопросы о плане зоотехнических мероприятий по оленеводству, о ходе борьбы с заболеваемостью северных народов, о порядке кредитования туземной бедноты, об организации связи и обслуживания национальных сельсоветов и райисполкомов, о заброске товаров на север, о работе туземных судов, о состоянии и развитии работы РОКК в национальных районах ¹⁵⁵.

За десять лет своей деятельности Уральский комитет содействия малым народностям Севера проделал огромную работу по сбору и анализу материалов, по северным территориям. В 1934 г. в связи с

упразднением Уральской области Уральский комитет Севера был ликвидирован.

Одно из направлений деятельности Уральского комитета Севера было введение советской государственности на Уральском Севере. С осени 1925 г. Тобольский окружной комитет ВКП (б) и окрисполком решили при проведении перевыборной кампании Советов организовать на Севере в качестве опыта четыре районных национальных совета¹⁵⁶. Существовавшие до этого Советы на Обь-Иртыском Севере создавались среди местного русского населения, к которым приписывалось и национальное население. Последние, как правило, к работе Советов почти не привлекались. Организация национальных Советов должна была усилить активность северных народов, привлечь их к государственному управлению. Из 6415 человек, имевших право голоса, участие в выборах приняли 3750 человек, это для населения, ведущего кочевой образ жизни, было очень значительной активностью¹⁵⁷.

Большое значение в организации органов самоуправления на Севере декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении временного Положения об управлении туземных народностей и племен РСФСР»¹⁵⁸. В декрете использовался опыт деятельности первых национальных Советов¹⁵⁹. Местными органами управления на Севере по этому декрету стали: родовое собрание, родовые Советы, районные туземные съезды, районные исполнительные комитеты. Составленное с учетом особенностей экономического развития и социального развития северных этносов, «Положение» создавало основу дальнейшей советизации Севера. К 1927 г. на Уральском Севере было образовано 12 районных национальных советов и 45 родовых юртовых советов¹⁶⁰. Количество членов местных советов из числа народностей Севера возросло с 143 в 1925 г. до 345 в 1927 г. С целью оказания помощи тузсоветам в их работе в областных и окружных газетах освещался опыт работы национальных советов¹⁶¹, проводились регулярные проверки их работы. Материалы проверок показывают огромные трудности их работы¹⁶². Вопросы советской работы на Севере неоднократно являлись предметом обсуждения на заседаниях Уральского областного и Тобольского окружного исполкомов¹⁶³. Итоги государственного реформирования были подведены на Первом областном совещании по советскому строительству среди национальных меньшинств Урала, состоявшемся 17-20 декабря 1927 г.¹⁶⁴

В 1929 г. был поставлен вопрос о реорганизации туземных Советов. В советской историографии утверждалась, что это было ре-

зультатом роста национально-политического и классового самосознания трудящихся северных народностей) ¹⁶⁵. Реорганизация советом была осуществлена в течение 1929—30 гг. ¹⁶⁶

Укрепление государственности в виде советов и контроль над экономикой северного Урала подготовили, по мнению властей, необходимые условия для создания первичной автономии северных народностей — национальных округов. Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей севера» в составе Уральской области образовались Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий национальные округа ¹⁶⁷. Для проведения практической работы по организации округов постановлением Уралоблисполкома были образованы Оргбюро, которые приступили к работе с 1 июня 1931 г. ¹⁶⁸. Оргбюро проделали значительную работу по установлению границ округов и районов, штатов окружных учреждений, разработали проекты положений об окружных Съездах и Советов, окрисполкомах и национальных советах на Севере Урала ¹⁶⁹.

Результаты организационной работы по созданию национальных округов на Северном Урале были обобщены в докладной записке Уралоблисполкома в Президиум ВЦИК, в которой выдвигались предложения по территориальному и административному устройству округов ¹⁷⁰, подтвержденные в январе 1932 г. постановлением ВЦИК «Об упразднении Тобольского округа Уральской области и об изменениях в составе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов» ¹⁷¹.

Административное выделение малых народов Севера в отдельные национальные округа и районы потребовало значительных средств. СНК РСФСР постановлением от 7 июня 1931 года выделил для вновь образуемых округов на Урале 1592 тыс. рублей ¹⁷². К концу 1931 г. национальное районирование на Урале было в основном завершено. В Ханты-Мансийском округе с числом жителей 77890 человек было образовано 6 районов, в их состав входили 30 национальных и 24 сельских советов. В Ямало-Ненецком округе с числом жителей 19270 человек было создано 4 района с 8 национальными советами. Организационное завершение национального районирования на Северном Урале получило в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 апреля 1932 г. «Об утверждении Положения об окружных советах и Окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» ¹⁷³. Высшим органом власти на территории национального округа являлся окружной

съезд советов, а в период между съездами — окружной исполком, избираемый окружным съездом советом.

Основными задачами окружных властей были поставлены проведение социалистической индустриализации хозяйства, социалистическое переустройство сельского хозяйства и промыслов, вовлечение населения в непосредственное и активное участие в государственном управлении, проведение в жизнь национальной политики, повышение культурного уровня.

«Положение» подчеркивало полную самостоятельность окружных съездов и окружных исполкомов в решении внутринациональных вопросов. Национальные округа делились на районы, в составе которых образовывались сельские советы и кочевые советы. Они действовали на основании особого положения, которое было утверждено ВЦИК и СНК РСФСР 20 августа 1933 г.¹⁷⁴

Таким образом, на Севере выстраивалась, как по всей стране, сеть государственного управления, приводившаяся в соответствие с задачами социалистического строительства.

В соответствии с изменениями административно-территориального деления Уральского Севера, организацией новых национальных округов, районов, национальных и сельских советов постановлением Уралоблисполкома от 21 октября 1931 г. назначались перевыборы советов во вновь образованных округах 175. Учитывая политическое значение предстоящей кампании, постановление следующим образом определило её задачи: «... укрепление туземных и сельских советов и райисполкомов, поднятие их роли в деле социалистического и культурно-хозяйственного строительства и переустройства быта, мобилизация внимания трудящихся туземных масс на решительную борьбу с кулацко-капиталистическими элементами, шаманством, великодержавным шовинизмом, мобилизация активности масс на выполнение хозяйственно-политических мероприятий, дальнейшее вовлечение широких масс трудящихся Уральского Севера в социалистическое строительство и выдвижение в новый состав Советов наиболее активных, классово-выдержанных представителей северных народностей из батрацко-бедняцкой и середняцкой части населения».

Нормы представительства в сельские советы устанавливались — 1 депутат на 50 человек населения, в туземные советы — 1 депутат на 30 человек населения, на районные съезды советов — 1 депутат на 100 человек населения от сельских советов и 1 депутат на 50 человек населения от туземных советов.

Постановление обязывало Оргбюро по организации национальных округов развернуть массовую разъяснительную работу среди населения и создать необходимые условия для участия туземцев-избирателей на отчетно-перевыборных собраниях и обратить особое внимание на наиболее широкий охват в кампании кочевых туземцев и женщин-туземок. Сроки перевыборной кампании устанавливались с 15 октября 1931 г. по февраль 1932 г. Отчеты и сведения о ходе избирательной кампании показывают, как выполнялось это постановление на местах. Так, в Ханты-Мансийском округе в состав сельских избирательных комиссий входило 40% от представителей местных народов и 23% женщин, в состав районных комиссий — 33% от национального населения и 32% женщин; избирательных участков организовано 339, из которых 205 национальных. В отчетно-выборных собраниях участвовало свыше 70% населения и почти такое же количество населения приняло участие в выборах. Участие женщин в выборах выросло до 50%.

Материалы архива показывают, что в туземные и сельские советы было избрано 1222 человека, из которых представителей северных народностей 677, батраков и бедняков 781, женщин 314 человек. Аналогичное представительство было и на районных и окружных съездах советов. Делегаты съездов одобрили мероприятия по экономическому и культурному переустройству Севера ¹⁷⁶.

В феврале 1932 г. Уралоблисполком принял постановление «Вопросы развития национальных северных округов», в котором определялись первоочередные задачи, стоявшие перед вновь избранными окрисполкомами по хозяйственному и культурному переустройству севера Урала ¹⁷⁷.

Укрепление государственного управления на Уральском Севере проходило также по линии судоустройства, основные начала которого были определены «Временным положением о выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племён северных окраин РСФСР», одобренных СНК РСФСР 21 декабря 1926 г. ¹⁷⁸ и подтверждённых постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 декабря 1927 г. ¹⁷⁹.

Согласно постановлению, туземным советам, образованным декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г., присваивались и судебные функции. Судами первой инстанции являлись родовые советы, а судами второй инстанции — районные туземные исполкомы. Помимо законов РСФСР туземные суды могли руководствоваться и обычаями местных племён, если они не противоречили

общим основам советского законодательства. В связи с этим Уральским комитетом Севера проводилась работа по изучению обычного права туземного населения ¹⁸⁰, а Уралоблисполком разработал проект инструкции по применению указанного постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. в условиях Уральского Севера ¹⁸¹. С образованием национальных округов сеть судебных органов на Уральском Севере была построена на общих основаниях — народные суды и районные прокуроры в районах и окружные суды и окружные прокуроры в округах ¹⁸². Указанное положение было закреплено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об органах юстиции в национальных округах и районах северных окраин РСФСР» от 10 марта 1933 г. ¹⁸³, причем окружным судам придавались права областных судов.

Для реформирования власти и управления на севере требовались подготовленные кадры советских и хозяйственных работников и национальной интеллигенции. Этот вопрос в условиях Уральского Севера с его почти поголовной неграмотностью стоял особенно остро. Национальные кадры из среды местного населения отсутствовали. Вся советская и хозяйственная работа осуществлялась работниками из среды русского населения.

В 1927 г. в составе местных советов Уральского Севера насчитывалось 345 человек представителей северных народностей. Это имело, как отмечалось в советской историографии, огромное значение в деле дальнейшего ещё более широкого вовлечения нацкадров в советское строительство и создания условий для организации национальной автономии северных народностей.

Постановление Уральского обкома ВКП(б) от 30 августа 1929 г. «О хозяйстве Севера и работе среди туземного населения» отмечало всё ещё «слабое участие туземного населения в практической работе советского, общественного и кооперативного аппарата» ¹⁸⁴. В целях проведения «правильной и четкой национальной политики среди туземцев», внедрения советизации и приближения советского и общественного аппарата к этим народностям постановление обкома ВКП(б) обязывало советские органы добиться в ближайшие 2-3 года преобладающего участия в районных и сельских советских и общественных организациях представителей народностей Севера, наметить план подготовки советских, хозяйственных и партийных работников из народностей Севера через областные курсы и школы. С этой целью в г. Берёзове были открыты одногодичные курсы туземного актива, рыбацко-промысловая школа, ветеринарно-зоо-

логический техникум в Тобольске. В Тобольском педагогическом техникуме было открыто подготовительное отделение народов Севера. Тобольский окрисполком и Уральский комитет Севера обращали особое внимание на привлечение в эти учебные заведения представителей северных народностей ¹⁸⁵. Большое значение в это время приобретал Институт народов Севера, открытый в 1930 г. в Ленинграде, осуществлявший подготовку работников советского строительства, кооперативно — хозяйственной работы и кустарно-промыслового дела. В 1930/31 учебном году от Уральской области в институт было направлено 13 человек ¹⁸⁶.

С образованием Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов потребность в квалифицированных работниках и специалистах ещё более возросли. 19 марта 1931 г. при Уральском облизполкоме было проведено совещание о Тобольском Севере в связи с образованием национальных округов, было решено организовать в Тобольске межокружную совпартшколу для подготовки работников в районы Крайнего Севера; в Тобольском ветеринарном техникуме открыть оленеводческое и охотоведческое отделения. Для подготовки работников из числа северных народностей в ряде областных советских и хозяйственных учреждениях вводилось практическое обучение выдвиженцев из северного колхозного и бедняцкого населения сроком от 6 месяцев до 1 года ¹⁸⁷. Постановлением бюро Уралобкома ВКП(б) от 9 апреля 1931 г. Одногодичные курсы туземного актива в г. Березове были реорганизованы в двухгодичные с увеличением числа слушателей до 100 человек и соответствующим увеличением программы курсов ¹⁸⁸.

Были реорганизованы подготовительные курсы по подготовке туземцев в техникумы — медицинский, ветеринарный, рыбопромышленный, педагогический по 40 человек в каждом со сроком обучения от 2 до 3 лет ¹⁸⁹. Постановлением Уралоблизполкома от 14 февраля 1932 г. оленеводческое отделение Тобольского ветеринарного техникума было реорганизовано в Ямальский оленеводческий техникум в Салехарде (Обдорске), организованы ненецкий и ханты-мансийский национальные педагогические техникумы.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1932 г. в Свердловском комвузе образована специальная группа по подготовке советских работников для национальных округов Уральского Севера ¹⁹⁰. В национальных округах были образованы окружные курсы советских работников. В 1933 г. эти курсы подготовили 167 человек для работы в северных округах и районах Уралобласти ¹⁹¹.

Большую работу по подготовке кадров проводили также хозяйственные и кооперативные организации, работавшие в северных районах: Обьрыбтрест, Уралохотсоюз, Уралпушнина, Оленеводтрест, а также областные организации: Облздравотдел, Облфинотдел, Облоно и др. В 1932 г. этими организациями намечалось подготовить 1421 человека, не считая учащихся техникумов и курсов, по специальностям мотористов, связистов, медсестёр, воспитательниц, судебных работников, счетоводов, продавцов и т.д.¹⁹². Основная масса этих кадров готовилась в школах промысловой молодёжи и профессиональных курсов. В 1933 г. эти организации должны были подготовить 3257 человек. По мере подготовки кадров, ликвидации неграмотности необходимо было проводить коренизацию советского аппарата.

Важной частью власти в национальной политике являлась ликвидация «темноты и культурной отсталости народностей северных окраин». Первыми мероприятиями на Уральском Севере в этом направлении были проведены Отделом по просвещению национальных меньшинств Тюменского губернского отдела народного образования, которым были открыты первые школы по ликвидации неграмотности среди промыслового населения Севера. Развертыванию просветительской работы мешало почти полное отсутствие подготовленных учителей и культпросветработников из среды северных народностей. К 1924 г. на Уральском севере было открыто 6 школ первой ступени для туземной молодёжи¹⁹³.

В 1925/26 учебном году школьная сеть увеличивалась до 18 школ первой ступени, открывалось 5 интернатов на 150 человек, детский дом в г.Березове на 30 детей¹⁹⁴. Издана была иллюстративная азбука для школ ликбеза. Вводилась в действие первая кинопередвижка для обслуживания туземных селений. Первый «Дом туземца» был организован в Обдорском районе, за короткий срок его посетили свыше 4 тыс. туземцев¹⁹⁵.

Увеличивались расходы на школьное строительство на Севере. В 1927 г. школьная сеть на Уральском Севере состояла из 30 национальных и смешанных школ, в которых обучалось 436 детей туземцев¹⁹⁶. В 1928 г. ассигнования на школьное строительство на Севере возросли до 63% всех ассигнований на эти цели по Тобольскому округу.

Органы народного образования осуществляли поиск форм культурно-просветительной работы, которые бы наиболее соответствовали условиям жизни северных народов. В целях более широкого

охвата начальным образованием кочевых народов проводили опыты — посылки в тундру «кочующих» учителей. В начале 1928 г. Уралоблисполком по докладу Тобольского окрисполкома «О работе туземного населения Тобольского Севера» вынес постановление, в котором в области народного образования предусматривались мероприятия по укреплению туземных школ, «приспосабливая их организационную сторону и методическую часть к культуре, быту и хозяйству туземного населения». При всех школах организовывались интернаты для учащихся туземцев, вводилось преподавание национального языка, организовывались показательные хозяйства и профессиональные классы в целях привития учащимся трудовых навыков ¹⁹⁷.

В апреле 1929 г. Уральским областным отделом народного образования был разработан пятилетний план культурно-просветительной работы среди народностей Тобольского Севера ¹⁹⁸. План предусматривал мероприятия по всеобщему начальному обучению, социальному воспитанию, профессионально-техническому образованию, политико-просветительской работе. Начальным обучением должно быть охвачено за пятилетие 2745 детей северных народностей. Количество школ доведено до 1933 г. до 49, причем ранее существовавшие школы должны быть укрупнены. В школах ликбеза к 1933 г. число учащихся доводилось до 600 человек в год. Предусматривалась организация 13 туземных изб-читален, 9 туземных домов, 20 красных уголков, 17 библиотек, 9 кинопередвижек, 6 радиоузлов. Основными очагами культпросветработы становились культбазы, число которых доводилось до 4. Обслуживанию культурно-просветительным учреждениям подлежало 27370 человек национального населения Уральского Севера. Предусматривалось, что выполнение намеченных мероприятий должно было способствовать ликвидации культурных «ножниц» между русским и аборигенным населением.

В июле 1929 г. по предложению комитета Севера при Президиуме ВЦИК приступили к организации первых «Красных чумов» для проведения культпросветработы среди кочевого населения ¹⁹⁹.

В целях привлечения внимания общественности к вопросам культпросветработы на Севере Уралоблоно 14 февраля 1930 г. провёл Северный радиомитинг об очередных задачах по народному образованию в связи с пятилетним планом культурного строительства, роли просвещения в деле культурного строительства на Уральском Севере ²⁰⁰. Стенограмма радиомитинга содержит интересные сведе-

ния о развертывании культурной революции на Севере. С февраля 1930 г. начала регулярно передаваться «Уральская областная Северная радиогазета», в которой освещались материалы о жизни народов Севера ²⁰¹. Центральное издательство народов СССР включило в план 1931г. издание учебной литературы на ненецком языке ²⁰².

Широкие возможности в развертывании культурной революции на Севере создавало образование национальных округов и создание национальных органов народного образования. В связи с этим в контрольных цифрах культурно-просветительной работы на Севере в 1930/31 г. предусматривались более высокие задания по всем видам деятельности ²⁰³. Впервые была предусмотрена организация дошкольных учреждений для детей северных народностей — 3 дошкольных стационарных и 3 сезонных дошкольных домов (чумов) в районах факторий и рыбпромыслов. Количество начальных школ-интернатов и полуинтернатов доводилось до 15 с охватом 500 учащихся. Для ещё более широкого вовлечения в школы детей кочевников открывалось 6 передвижных школ при больших кочевьях. При небольших кочевьях вводились кочевые учителя. Расширялась сеть школ 1 ступени нормального типа, школ повышенного типа, школ промысловой молодёжи, подготовительных курсов в техникумы, промысловых учебных мастерских. Намечалось открыть 8 туземных домов, 11 красных чумов, 19 изб-читален, 50 красных уголков, 6 киноустановок, 8125 радиоточек. Школами ликбеза должно быть охвачено 1200 человек.

Однако Уральский комитет Севера на заседании 27 апреля 1931 г. отметил, что «состояние культурного обслуживания туземного населения и темпы культурного строительства отстают от хозяйственного развития Севера. План введения всеобщего ликбеза, ликвидации неграмотности и подготовки кадров, составленный Уралом, по своим темпам не удовлетворяет потребности реконструкции северного туземного хозяйства в настоящий момент» ²⁰⁴.

В связи с этим 5-летний план культурного строительства был пересмотрен. На оставшиеся три года пятилетки были предусмотрены новые более высокие показатели ²⁰⁵, особенно по начальному образованию и ликвидации безграмотности.

В целях скорейшей ликвидации культурной отсталости северных народностей и отставания культпросветработы от общих темпов хозяйственного развития края Уралом 23 октября 1931 г. вынес постановление о введении в национальных округах Уральского Се-

вера всеобщего обязательного начального обучения для оседлого и полукочевого населения с 1932 г. и кочевого — с 1933 г. ²⁰⁶. В целях развертывания работ по ликвидации неграмотности на Севере, постановление предлагало развернуть массовый культпоход за осуществление в ближайшее пятилетие сплошной грамотности среди северных народов.

В 1932 г. на Уральском Севере работало 12 школ-интернатов, 55 национальных школ, 15 национальных групп при общих школах, 42 школы ликбеза, общий охват населения школьным образованием и ликбезом достиг 39% ²⁰⁷. Действовало 136 культурно-просветительных пунктов с общей вместимостью в 12000 человек: две культбазы, 11 домов туземца, 12 красных чумов, 12 кино-стационаров, 39 кинопередвижек, 48 изб-читален, 7 библиотек, 2 лицея, 6 отделений книжных баз. Было развернуто 35 детсадов и детплощадок, охватывающих 565 детей северных народностей или 14,5% ²⁰⁸.

Большое значение имел культпоход на Уральский Север летом 1933 г., организованный в соответствии с постановлением Уралоблсполкома от 3 февраля 1933 г., в котором участвовали представители Ленинградского института народов Севера, Уральского комитета Севера, Уралоблздравотдела, Уральского областного отдела народного образования ²⁰⁹. В задачи культпохода входило изучение и организация культурно-массовой политикопросветительной работы, медицинского обслуживания, ликбеза, соцсоревнования и ударничества среди северных народностей.

Достаточно интенсивно культурно-просветительную деятельность развернула интегральная кооперация. Основное внимание она уделяла обслуживанию промыслового населения ²¹⁰.

В проведении культурно-просветительной работы на Севере имела деятельность краеведческих организаций: Уральское областное бюро краеведения, музея Тобольского Севера и Общества изучения края при нём, объединявшие научные силы и общественность ²¹¹.

Создание системы медицинского обслуживания и санитарно-просветительная работа являлись важной частью по культурному воспитанию северных народностей. Были открыты больницы и медицинские пункты в крупнейших промысловых поселениях. К 1926 г. на Уральском Севере действовало 5 больниц и 18 фельдшерских пунктов, в которых работало 7 врачей, 6 акушерок и 18 фельдшеров ²¹². В целях медицинского обслуживания кочевого и полукочевого населения с 1924 г. регулярно проводились выезды в районы кочевий

лечебно-обследовательских отрядов, которые наряду с оказанием медицинской помощи проводили работу по изучению болезней, быта, образа жизни народов Севера ²¹³. Рациональной формой медицинского обслуживания на Севере Урала был признан стационар в административном центре или при культбазе с разъездным персоналом при нём для обслуживания кочевий. Для разработки планов медико-санитарного обслуживания северных районов при Уральском комитете Севера в июле 1928 г. была образована Оздоровительная комиссия ²¹⁴.

В связи с разработкой пятилетнего плана здравоохранения на Уральском Севере Народный комиссариат здравоохранения РСФСР в июле 1928 г. разработал основные принципы, которые были положены в основу планов: организация специальной медпомощи (глазной, хирургической), развитие мероприятий по охране материнства и младенчества, организация санитарного просвещения, оздоровление труда и быта северного населения, подготовка младшего медицинского персонала из среды местного населения, больничное строительство ²¹⁵.

К 1931 г. на Уральском Севере было развёрнуто 40 медицинских учреждений, из которых 14 больниц с амбулаторным приёмом, 5 врачебных и 20 фельдшерских пунктов ²¹⁶. Были открыты новые виды медобслуживания — были открыты заразные бараки, пункты скорой помощи, консультации, молочные кухни, зубо-врачебные кабинеты, амбулатории. В 1932 г. количество медицинских учреждений увеличилось до 79, из которых 21 больница, 9 амбулаторий, 9 врачебных и 28 фельдшерских пунктов. Были открыты пастеровская и гельминтологическая станции. В тундре работали 9 подвижных медицинских отрядов. Медицинский персонал этих учреждений насчитывал 189 человек, из них 35 врачей, 43 фельдшера, 31 акушера, 70 медсестёр ²¹⁷.

Таким образом, обзор документов ГАСО только по двум проблемам — национально-государственное и советское культурное строительство показывает большие возможности по реконструкции истории Ямала и Югры в 1920—1930-е гг.

Одним из первых шагов в подготовке истории Ямала должно быть издание сборников документов. В последние 15 лет в стране издаётся огромное количество документальных публикаций. Наиболее интересными в научном плане являются серийные документальные издания. Серийные издания документов отличаются от тематических сборников рядом преимуществ. Это: 1) публикации комплекса документов,

объединенных единым концептуальным замыслом; 2) это, как правило, расширенные хронологические рамки, позволяющие читателю видеть развитие изучаемых событий; 3) Это возможность соединения архивных материалов различных уровней власти и ведомств в едином комплексе, что даёт возможность проследить динамику процесса; 4) наконец, это расширенный объём документов, позволяющий более подробно освещать событие. Полагаю, что по истории Ямала возможно издание двух сборников, посвященных XX веку, построенных по проблемно-хронологическому принципу и рубежом должно послужить промышленное нефтегазовое освоение региона.

Малкова И.Г.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

К настоящему времени в регионе сложилась достаточно развитая сфера культуры. В 19 музеях округа сосредоточено более 100 000 единиц хранения экспонатов и документов, фонд 102 библиотек приближается к 2 млн. экземпляров, за последние годы поставлено на государственный учет более 100 памятников археологии, истории и культуры, функционирует 82 учреждения клубного типа, в т.ч. 10 центров национальных культур, активно сохраняющих и популяризирующих традиционную культуру малочисленных народов Севера, динамично расширяется спектр образовательных услуг и растет контингент учащихся в 42 учебных заведениях. В 1999 – 2001 гг. отмечается устойчивый рост спроса на услуги в сфере культуры и искусства.

Вместе с тем накопился целый ряд проблем, от решения которых зависит не только состояние самой этой сферы, но и социально-культурное развитие населения региона.

Одна из главных проблем — дифференциация поселений по уровню развития материально-технической базы культурной сферы. Основная часть современных (зачастую уникальных) объектов культуры сосредоточена в крупных городах региона (Новый Уренгой, Ноябрьск, Надым) и столичном Салехарде. Для населения других поселений (особенно сельских) культура представлена главным образом экраном телевизора, полуразвалившимся клубом и, в лучшем случае, сельской библиотекой со скудным фондом.

Практически во всех библиотеках и музеях округа нет условий для выполнения нормативных требований к хранению:

– фондохранилища переполнены (а отдельные наиболее ценные предметы, например, Шурышкарского музея находятся на хранении в других музеях страны);

– нет систем кондиционирования воздуха и вентиляции, отсутствует оборудование для массовой консервации фондов, а также необходимые инструменты и материалы для реставрационных работ и т.д.;

– слабо обеспечена безопасность библиотечных и музейных фондов.

Существует проблема и с сохранением историко-культурных и археологических объектов. Многие из них, в т.ч. и уникальный памятник «Мангазея», являются солидным доходом для всевозможных «варягов», ежегодно производящих на них грабительские раскопки. Приостановить деятельность грабителей практически невозможно, единственный выход – системные работы на памятниках.

Таким образом, угроза физической утраты значимой части культурного и информационного наследия округа, – вполне реальный факт и как показала практика, решать все эти проблемы изолированно друг от друга – значит не иметь успеха, значит бороться со следствиями без устранения их причин.

Между тем развитие культуры означает и расширение досуговой сферы, создает условия для всестороннего развития личности, способствует снижению асоциальных явлений.

Основная причина бедственного положения культуры заключается в чрезвычайно низком уровне финансирования. Даже по целевой окружной программе «Культура Ямала» на 2002-2005 гг. запланировано выделение отрасли немногим более 160 млн. руб., что составляет в среднем в год на душу населения около 80 руб. (менее \$ 3). Естественно, что в крупных городах округа ситуация совершенно иная, поскольку практически все крупные объекты отрасли находятся в собственности газовиков или нефтяников. Уровень финансирования культуры в таких городах на порядок выше, чем, например в сельской местности. Так в трех крупных городах региона (Надым, Новый Уренгой и Ноябрьск) расходы на культуру в расчете на душу населения составили в 2000 году около 200 руб., а в Шурышкарском районе – менее 30 руб. Однако ведомственные объекты культуры малодоступны или недоступны для значительной части населения региона. Поэтому финансирование дальнейшего развития куль-

туры должно ориентироваться прежде всего на поселения, не имеющие ведомственных объектов. При этом приоритет должен отдаваться национальным поселкам и факториям. По нашим ориентировочным оценкам объем инвестиций в отрасль в расчете на душу населения к концу рассматриваемого периода должен составить не менее 10 тыс. руб. в год (в ценах 2001 г.) или \$ 300. Общий же объем бюджетного финансирования в это случае превысит \$ 3 млрд.

Переориентация культурной политики в сторону децентрализации не отменяет роли государства как ведущего координатора социокультурных процессов. Более того, санкции государства обновляются и усиливаются в качестве конституционного гаранта и проводника идей социальной справедливости в процессе распределения в сфере культуры и досуга. Предполагается создание государством надежных и эффективных механизмов защиты культуры.

Одним из актуальных вопросов является вопрос о взаимозависимости политики и культуры.

Можно утверждать, что мера свободы культуры — это степени ее независимости или, если угодно, зависимости от политики.

Сегодня в России в разных регионах и местностях, на разных этнических «пятнах» политический климат и политические ценности, а в сущности политические режимы разные. Политическое многоцветье вкупе с культурным многообразием России создают, похоже, беспрецедентную социокультурную ситуацию. В такой ситуации отношения политики и культуры поддаются оздоровлению лишь при условии их открытости. Туманность, закамуфлированность политизированности культуры, эксплуатации ее национализмом и выдаваемым за суверенитет территориальным сепаратизмом местных лидеров способны деформировать духовные процессы, дезориентировать деятелей культуры ангажированием их политиками или, напротив, подчинить последних воздействию носителей таких элементов локальных культур, которые способны провоцировать изоляционизм, вражду, исключительность.²¹⁸

Отношения политики и культуры могут быть сбалансированы законодательством, нравами, наконец, механизмом разрешения экономических проблем культуры. Современный мир знает множество способов преодоления диктата государства над культурой. Но речь не идет о самоустранении или вытеснении государства из сферы культуры. В некоторых странах, как известно, до двух третей финансирования искусства обеспечивается частными благотворительными взносами. Однако фактически эти деньги тоже являются госу-

дарственными, поскольку, освобождая вкладываемые в культуру капиталы от налогов, государство всего лишь как бы отказывается от них. А положительный смысл такого способа поддержки культуры заключается в том, что решения, кому, на какие цели, сколько выделить денег, принимаются не одним каким-либо органом и не узким кругом людей, да еще и включенных в структуры власти, а множеством организаций и людей, не связанных с властями.

Действительное освобождение культуры — это, в конечном счете, освобождение ее от единообразия форм организации, финансирования, налогообложения, отношений с государством, религиями, политическими движениями.

А если так, то «единое культурное пространство» России может быть действительно культурным и действительно единым настолько, насколько единая федеральная культурная политика Российской Федерации будет реализовываться через интегрирование многообразия региональных культурных политик, а не через предписания им. Сами же эти *региональные политики* могут иметь едва ли не один-единственный повторяющийся *признак*: сочетание особенностей всякого региона с изоморфными, то есть общими для страны и человечества представлениями о культурных ценностях и культурном развитии.²¹⁹

Сложившееся к настоящему времени понимание сущности культуры и функций государства по отношению к ней позволяет сформулировать следующие принципы культурной политики.²²⁰

Принцип проблемно-целевой ориентации культурной политики, предполагающий решение территориальных проблем с учетом возможностей социально-культурной деятельности, а также проблем конкретных социальных групп и категорий населения, составляющих социальную базу культурной политики. При этом отпадает необходимость в дорогостоящих, длительных и, в конечном счете, малоэффективных социологических исследованиях, с помощью которых традиционно пытались изучить ранее интересы и запросы населения. На первом месте среди факторов, требующих учета, стоят проблемы, а интересы и потребности выступают как нечто вторичное. Наряду с культурно-досуговыми программами, субсидируемыми из средств государственного бюджета, могут быть программы, финансируемые самим населением (платные мероприятия, платные услуги и пр.), т.е. коммерческие программы.

Проблемная ориентация культурной политики активизирует участие населения в социокультурной деятельности за счет определен-

ной синхронизации интересов социальных групп (стремление людей разрешить «свои проблемы») и органов управления (создать условия для решения этих проблем).

Проблемно-целевая ориентация позволяет усилить социальную значимость и престиж отрасли как в глазах населения, так и у представителей властных структур, что способно привлечь дополнительные средства для финансирования социально-культурных программ, находящихся на пересечении нескольких приоритетов и соответствующих им социальных институтов.

Принцип самоорганизации социально-культурной жизни. Этот принцип в сегодняшней ситуации представляется наиболее существенным, ибо его реализация позволит в максимальной степени использовать энергию саморазвития культуры, ограничить возможности административного и некомпетентного вмешательства в культурную жизнь.

Принцип обеспечения многообразия, полифоничности социально-культурной жизни предполагает многосубъектность социокультурной деятельности, альтернативность проектов, программ, концепций, идей. Культура — это потенциальная бесконечность, множественность позиций, мнений, укладов, образов жизни и т.п. В данном случае речь идет о необходимости создания условий для свободного самоосуществления, самореализации человека в культуре. Основой поведения человека в данной сфере должна стать внутренне детерминированная самодеятельность и творческая активность.

Многообразие социально-культурной жизни выражается в виде множества организационных форм самодеятельности граждан. Следовательно, оно обеспечивается юридически закрепленным правом свободно создавать «снизу» любые организационные структуры (клубы по интересам, объединения, фронты, партии, движения, фонды и т. п.) независимо от их идеологической направленности. Это право чрезвычайно важно не только для личностного самоопределения, но и для судеб культуры в целом.

Сдерживающие механизмы и санкции «официальной», государственной культуры, стандартизация и регламентация, подавление и блокирование социальных инициатив рождает экстремизм, протестные формы поведения, переориентирует социальную активность на антикультурные, антиобщественные, порой и противозаконные формы поведения (алкоголизм, наркомания, нетрадиционные образы жизни, преступность и т.п.), что в конечном счете ведет к кризису культуры как целостной системы. Исторический опыт показывает,

что авторитарные монологические модели культуры непременно обнаруживали тенденцию к стагнации, регрессу, превращению культуры в один из придатков тоталитарного государства.²²¹

Отрицание тотальной централизации управления и планирования, совместного государственного руководства, политического и идеологического диктата, подвижки в направлении гуманизации всех сфер общественной жизни обусловили востребованность новой культурной политики, учитывающей современные реалии жизни российского общества и строящейся на фундаменте иных, чем прежде, ценностей и парадигм. Одной из таких парадигм современной внутренней политики в России стал регионализм, базовым основанием которого является признание человека как самостоятельного и самодельного субъекта общественных отношений на территориальном уровне.

Региональная культурная политика явилась своеобразным способом апелляции к активности людей на местах, подключения их творческого потенциала к решению задач возрождения России. За годы реформ, особенно после 1991 года, происходил процесс законодательного оформления регионализма. Он не был простым и однозначным, поскольку развивался под воздействием различных политических сил и тенденций, весьма остро конкурирующих друг с другом в навязывании своего видения путей и форм трансформации российского общества с его, по существу, унитарной государственностью и единым бюрократическим центром, в качественно иное образование, выстраиваемое по меркам цивилизованного гражданского общества и правового государства. Стабилизирующим фактором стало подписание в марте 1992 года подавляющим большинством субъектов Российской Федерации Федеративного Договора, разграничившего предметы ведения и полномочия между центральными органами власти и субъектами Федерации (суверенными республиками в составе РФ, краями, областями и городами Москвой и Санкт-Петербургом, автономными областями и автономными округами). В этом документе зафиксирована формула, согласно которой партнеры по договору приняли на себя обязательство развивать новые федеративные отношения на основе всестороннего учета интересов всех народов, уважения к их истории и культуре при неременном осознании и признании государственного единства и территориальной целостности России в качестве своего общего интереса. Отражение "регионализации" внутренней политики и зако-

нотворчества мы найдем и в ряде других документов и актов самого высокого государственного ранга — от Конституции РФ (ст. 5, 65-79 и др.) до закона “О местном самоуправлении в Российской Федерации”, “Основ законодательства Российской Федерации о культуре”, “О национально-культурной автономии” и др. Все это — несомненное свидетельство особой жизненной значимости данного феномена при осуществлении курса на кардинальное формирование российского общества²²².

Регионализация культурной политики для России — отнюдь не дань модным веяниям, а один из важнейших способов сохранения ее государственной целостности. “Собрать” Россию способны не экономисты, ищущие свое “единое пространство” хозяйственной кооперации и интеграции, а гуманитарии, способные найти ключ к диалогу евразийских культур и открыть единые универсалии. В налаживании диалога различных социально-групповых, территориальных и профессиональных культур как раз и состоит одно из главных назначений государственной региональной культурной политики.

Осуществляя реформы и отдавая дань веяниям демократического переустройства российского общества, следует искать такие формы организации и управления культурной сферой, которые бы диалектически соединяли в себе идею сохранения единого культурного пространства России с его внутренним разнообразием и специфичностью культур отдельных регионов и территорий. Государственная региональная культурная политика в данном отношении может реализовываться лишь через интегрирование многообразия региональных политик субъектов Федерации, через стимулирование и поддержку локальных культур, через обеспечение полифонизма всего общероссийского культурного пространства. Такого рода задача требует внимательного отслеживания практики организации и управления сферой культуры на местах, фиксирование и отбор всего нового и эффективного. Региональная доктрина опирается на факт естественно-природных, экономических, этнокультурных и иных различий территорий. Специфика последних проявляется через ландшафтно-климатические особенности, степень хозяйственной освоенности, отраслевую структуру производства, уровень урбанизации и индустриализации, плотность и этнический состав населения, культуру и др.²²³

Управление духовной культурой есть вид социального управления, специфика которого состоит в том, что объект управления

одновременно является и субъектом деятельности. И главной проблемой, которая требует своего решения в сфере социального управления, является проблема соотношения объекта и субъекта, или стихийного и сознательного, планомерного и непредсказуемого, регуляции и саморегуляции, запрограммированной деятельности и самодеятельности.

Таким образом, управление представляет собой в такой же мере науку, как и искусство.

Понимание общих закономерностей социального управления и специфических особенностей управления сферой культуры позволяет сделать вывод о том, что процесс совершенствования регионального управления в данной сфере должен вестись в направлении:

а) децентрализация управленческой деятельности;

б) демократизация сложившейся структуры управления духовной сферой;

в) повышение кадрового потенциала работающих в различных звеньях системы управления культурой. Нет никакого сомнения, что только высококвалифицированный специалист способен принимать оптимальные решения в ситуации, когда существуют самые различные подходы, не совпадающие позиции, взаимоисключающие оценки;

г) создание предпосылок, исключаящих самоизоляцию региона и отдельных национальных культур.

Регионализм в культуре оказывается вообще вредным явлением, если понимается как инструмент ее административно-территориальной организации. Для культурной жизни сплошь и рядом вообще тесны территориальные обручи, которые никогда не могут обладать эластичностью причудливой, исторически сложившейся культурной пестроты. Регионализм — всего лишь вспомогательная, а не несущая конструкция в культуре. Он полезен и необходим лишь настолько, насколько способствует полноте и многообразию локальных культур и культурной жизни «мест» — районов, городов и других, часто весьма причудливых и не признающих административных границ селенческих культур.

Важным условием решения проблем культуры в регионе является выбор оптимальных показателей развития этой области общественной жизни.

В современных условиях планирование, прогнозирование культурного развития региона может быть построено на основе показа-

телей, используемых ЮНЕСКО для сравнения культурного развития государств.

В составе этих показателей следующие основные группы:

- средства и оборудование для культуры (число библиотек по категориям и объем их книжного фонда; число клубных учреждений по категориям и количество посадочных мест в них, комнат для культурно-творческой деятельности; число музеев по характеру их фондов и административному статусу; число кинотеатров и мест в них; число радиоприемников, радиоточек и телевизоров и передающая мощность радио — и телестудий; число газет и других периодических изданий; число других учреждений культуры и искусства, традиционных для данного региона, — театров, концертных организаций, спортивных сооружений, парков с соответствующими параметрами материально-технической базы);

- производство и распространение культурных товаров и услуг (число наименований и тираж всех издаваемых книг, газет и других периодических изданий; количество выданных библиотеками книг, журналов и других материалов; количество выпущенных фильмов, количество часов радио — и телевизионного вещания и т.п.);

- содержание продукции культуры (издание книг, журналов, других периодических изданий по тематическим группам и языку публикаций; радио — и телевизионные программы по различным видам и т.п.);

- участие населения в культуре (население, обслуживаемое библиотеками, число читателей библиотек; население, систематически занимающееся различной клубной и т. п. Деятельностью; посещаемость кинотеатров, театров, концертных мероприятий; число радио — и телевизионных приемников и т. п.);

- расходы на культурные цели (текущие расходы на библиотеки, клубы, музеи и т. п.; общие государственные расходы на культурные цели и их распределение соответственно источникам фондов и обслуживаемым секторам);

- число сотрудников, в том числе специалистов, работающих в библиотеках, клубах, музеях и т. п.

Многие из существующих и используемых сегодня критериев фиксируют лишь поверхностные, незначительные показатели и не имеют достаточного обоснования.

Именно взвешенная региональная политика призвана обеспечить реальные гарантии против перерастания культурного регионализма

в культурное противостояние. И хотя стремление к культурной автаркии территорий не получило сегодня в России сколько-нибудь широкого распространения, главная задача региональной стратегии — не допустить такой возможности в принципе.²²⁴

Долголюк А.А.

ОПЫТ РЕШЕНИЯ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ НА СЕВЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1980-е ГОДЫ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭТИХ ВОПРОСОВ

За четверть века кадровый потенциал Тюменской области вырос многократно. Здесь сформировались сотни новых трудовых коллективов, в том числе и очень крупных. Сразу отметим, что под формированием трудовых коллективов понимается взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс выявления каналов комплектования кадров, подбора необходимых кандидатов, которые с наибольшей эффективностью могут использоваться на производстве; оптимизации численности и состава работников в соответствии со структурой рабочих мест на предприятии, в организации, учреждении; подготовки и переподготовки кадров, создания необходимых производственных и социально-бытовых условий для нормальной жизни людей.

Проблема формирования трудовых коллективов сама по себе является сложной. Но она приобретала особую остроту, речь шла о создании новых производственных коллективов в осваиваемых районах. В Сибири на разных исторических этапах развития советского государства она решалась по-разному. В 30–50-е годы основной упор делался на использование огромной армии невольников печально известного ГУЛАГа. С середины 50-х годов резкое сокращение лагерной системы потребовало изменить способы привлечения в осваиваемые районы крупных контингентов «рабсилы». Хотя в распоряжении государства было еще много «зэков», оно стало все шире использовать труд молодых невольников из стройбатов. Но масштабы послевоенной инвестиционной деятельности были такими, что одним принудительным трудом на «великих стройках социализма» обойтись было невозможно. Поэтому стали активно использовать такие формы привлечения рабочей силы в Сибирь, как оргнабор, несколько позднее — общественный призыв. Последова-

тельно возрастало значение вольного найма. Одной из разновидностей этого способа привлечения кадров стал проезд работников по приглашениям.

До 50-х годов (исключая военный период) перемещение в Сибирь трудовых ресурсов осуществлялось в основном одним-двумя ведомствами НКВД-МВД. Теперь же свой вклад в этот процесс, во многом напомилавший переселение народов, по мере сил вносили все министерства и ведомства, но прежде всего те, что были связаны с добычей топлива и производством электроэнергии.

Изменялись и причины, заставляющие огромные массы людей покидать обжитые места и ехать в осваиваемые районы Сибири. В этом отношении интересно проследить эволюцию побудительных мотивов не только у приезжающих в районы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), но и у новоселов Среднего Приангарья, где сформировался Братско-Усть-Илимский территориально-производственный комплекс (БИТПК).

Одно из основных различий между ЗСНГК и БИТПК заключается в том, что создание первого началось на десятилетие позднее, чем второго. Однако у них много и общего. Эти комплексы в северном поясе России с неблагоприятными природно-климатическими условиями, вдали от индустриально развитых центров, на территориях с очень низкой плотностью населения (в начале освоения — менее 1 чел./км²). В условиях острейшего дефицита трудовых ресурсов в эти районы в короткие сроки потребовалось привлечь сотни тысяч людей из других районов страны.

Одни ехали в Сибирь с целью проверить себя в тяжелых условиях, внести посильный вклад в решение крупной общегосударственной проблемы. Другие связывали свой проезд с возможностями быстрого профессионально-квалификационного роста. Многих привлекал высокий уровень материального вознаграждения за труд. Некоторые, преимущественно из молодых людей, не имеющих постоянного жилья, надеялись на скорое решение этой проблемы на новом месте.

Анализ изменений в структуре побудительных мотивов приезда новоселов на сибирские новостройки показывает, что если прибывающие в города формирующихся Ангаро-Енисейских ТПК руководствовались в основном мотивами морального порядка, то в 70-е — 80-е годы на первое место выдвинулись причины материального плана. Согласно данным социологических обследований, проведенных в середине 80-х годов, удельный вес приехавших в районы

нефтегазового комплекса Западной Сибири из-за высокого уровня материального вознаграждения за труд был примерно в три раза выше, чем доля поступивших по этой же причине в коллективы строителей Братской и Усть-Илимской ГЭС.

На протяжении всей истории формирования нефтегазового комплекса, его трудовой потенциал наращивался преимущественно за счет мигрантов. В пополнении трудовых коллективов особенно большую роль сыграли трудоизбыточные районы Европейской части страны, а также те, в которых велась добыча и первичная переработка нефти и газа: Татария, Башкирия, Поволжье, Азербайджан. Посланцы всех союзных республик бывшего Советского Союза активно участвовали в освоении природных богатств Тюменского Севера. Представители 120 национальностей проживали в области.

Они мирно жили и трудились рядом друг с другом. В 1990-е годы национальная проблема на территории бывшего СССР приняла особо острый характер. Это дало большое влияние и на состояние трудового потенциала региона. Усилился процесс обратной миграции лиц нерусской национальности в свои республики. Тюменская область лишилась части своих трудовых ресурсов.

Комплектование трудовых коллективов происходило в самых различных формах. В начальные периоды их формирования важную роль сыграли организованные формы пополнения кадров: общественный призыв, перевод работников из других предприятий, проезд по направлению после окончания учебных заведений. Их использование позволяло в плановом порядке направлять на стройки и промышленные предприятия рабочих и специалистов определенного профиля и квалификации с учетом потребности в них. Эти формы имели явные преимущества перед вольным наймом.

Большие сложности с решением социально-бытовых проблем в городах Тюменского Севера оказывали неблагоприятное воздействие прежде всего на эффективность оргнабора, общественного призыва, оргнабора демобилизованных воинов, поскольку в таких условиях очень трудно рассчитывать на высокое качество поступающей по ним рабочей силы. Крайне редко удавалось обеспечить здоровую конкуренцию среди кандидатов, чтобы отобрать рабочих требуемых профессий. Среди желающих поехать на новые места было много не имеющих необходимой профессионально-квалификационной подготовки и трудовых навыков, а также нарушителей трудовой дисциплины. Немало было и таких, у которых по каким-то причинам неудачно складывалась личная жизнь.

Из организованных форм пополнения кадров особо важное значение в трудовых коллективах ЗСНГК отводилось общественному призыву и организованному набору демобилизованных воинов. Они позволяли получать кадры средней квалификации с высоким общеобразовательным уровнем. Руководители предприятий истроек отдавали, предпочтение этим каналам пополнения еще и по той причине, что прибывающие через них не везли с собою семьи. На первых порах это облегчало решение жилищной проблемы. Однако со временем она обострялась, поскольку молодые люди обзаводились семьями, а жилищное строительство в новых городах не поспевало за ростом населения, что определяло высокий уровень текучести кадров в том числе и среди приехавших по комсомольским путевкам.

Первым свое былое значение стал терять оргнабор демобилизованных воинов. Реальное поступление работников по этому каналу отставало от запланированных данных. С каждым пятилетием снижалась закрепляемость бывших воинов в трудовых коллективах. В таких условиях предприятия и стройки постепенно утрачивали интерес к использованию данного канала в пополнении кадров. Также с каждым новым пятилетием сокращался удельный вес поступающих на работу через общественный призыв, что было связано не только с насыщением предприятий и организаций Тюменского Севера, но и с социально-экономическими изменениями, происходящими в стране.

Если в 1985 г. в промышленность Тюменской области по оргнабору и общественному призыву поступило 9,2% от общего количества принятых на работу, то в 1988 г. — 7,6%, а в 1990 г. — 5,4%. Та же тенденция прослеживается и в строительных организациях.

Эффективность перечисленных организованных форм пополнения могла быть много выше, если бы гарантии приезжающим в осваиваемые районы не ограничивались выплатой единовременных денежных сумм («подъемных») и обеспечением довольно высокого уровня заработной платы, а подкреплялись предоставлением благоустроенного жилья, в том числе отдельных квартир для семейных, возможностями трудоустройства других членов семьи, обеспечением нуждающихся детскими дошкольными учреждениями, созданием других социально-бытовых условий.

Таким образом, на протяжении нескольких десятков лет ведомства через общественный призыв и оргнабор по существу эксплуатировали патриотизм и энтузиазм советской молодежи. Объективные трудности 50-х годов, связанные с незначительными возмож-

ностями развития в этот период непроемчивой сферы в осваиваемых районах Сибири, по сложившейся негативной традиции распространили и на последующие годы. Палатки, вагончики, «балки», «бочки», бараки и другие, плохо приспособленные для нормальной жизни людей помещения, стали постоянными спутниками новостроек Тюменской области. В 1989 г. в таких условиях вели свое существование 46 тыс. семей в Ханты-Мансийском и 23 тыс. семей в Ямало-Ненецком округах. Лишь в Надыме в 1434 «балках» проживало около 5 тыс. чел. Примерно таким же было положение в Новом Уренгое. О закреплении молодежи в трудовых коллективах заботились мало в уверенности, что места выбывающих займут новички. Так на практике и получалось. При этом на привлечение новых работников требовались огромные средства, направление которых в развитие социально-бытовой инфраструктуры помогло бы решению многих проблем, связанных с удовлетворением жилищно-бытовых и культурных потребностей населения и сокращением уровня его миграции.

Не менее важную роль, чем оргнабор и общественный призыв в наращивании кадрового потенциала Тюменской области, играл перевод работников из одних организаций и предприятий в другие. Его важность обуславливалась тем, что по этому каналу в трудовые коллективы поступала наиболее качественная рабочая сила с высокой квалификацией и опытом работы на родственных предприятиях. Преимущественно из этого контингента и формировалось так называемое кадровое ядро. Так социологическое обследование, проведенное среди рабочих Главсибтрубопроводстроя, показало что 62% опрошенных имели до этого опыт работы на северных стройках, а 85% работали в нефтегазовом строительстве (для сравнения отметим, что среди трудоустроивающихся по вольному найму их доля составляла лишь 27%).

Широкое использование перевода позволяло обеспечивать преемственность между давно сложившимися и создаваемыми трудовыми коллективами, особенно в тех случаях, когда планомерно в пределах отрасли перераспределялись большие группы работников. Опыт, накопленный в этом отношении на тюменском Севере, свидетельствует о больших преимуществах такого способа пополнения новых коллективов. Поэтому он широко использовался. В 1986—1990 гг. по этому каналу на промышленные предприятия и в строительные организации области поступило примерно 15% от общего количества принятых на работу.

Одной из закономерностей в использовании перевода в осваиваемых районах Сибири, в том числе и в Тюменской области, являлась постепенная трансформация его по мере роста населения в новых городах из формы преимущественно межрегионального в форму преимущественно внутрирегионального перераспределения трудовых ресурсов. Она являлась особенностью северных и приравненных к ним районов Сибири. При переводе северные надбавки к районному коэффициенту сохранялись, тогда как в случае увольнения по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины рабочий утрачивал право на них.

Как показывает практика, по мере развития территориально-производственных комплексов, происходило смещение акцентов с внутриотраслевого на межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов. То же наблюдалось и в городах тюменского Севера. Перевод широко применялся при формировании трудовых коллективов новых промышленных предприятий, когда наблюдался массовый переход строителей и монтажников в эксплуатационников. И хотя строительным организациям зачастую было невыгодно терять своих рабочих, они тем не менее шли на это. Во-первых, потому, что с пуском в эксплуатацию объекта, снижалась потребность в строительных рабочих; во-вторых, возникал острый дефицит в рабочих эксплуатационниках, быстрый рост численности которых соответствовал интересам народного хозяйства; в-третьих, удовлетворялось желание части строителей перейти работать на предприятия, в строительстве которого они принимали участие.

Основной же формой пополнения кадров был вольный наем, по которому в коллективы вливалось более половины всех пополнений. Причем его доля постоянно повышалась по мере насыщения новых городов трудовыми ресурсами. По вольному найму поступали кадры, очень сильно различающиеся по своим качественным параметрам и ценностным ориентациям.

Данная форма комплектования имела две разновидности — собственно вольный наем и трудоустройство по вызову принимающей организации. Последняя на основе высылаемых в ее адрес личных листков по учету кадров могла оценивать качественные характеристики кандидатов и выбирать наиболее подходящие из них. Некоторые строительные коллективы в отдельные годы через вызов подбирали до половины своих кадров. В целом прием работников посредством их приглашения себя оправдал. Однако во второй поло-

вине 80-х годов по мере насыщения региона трудовыми ресурсами, удельный вес вызова стал снижаться.

Кроме уже перечисленных способов привлечения рабочей силы на Тюменский Север здесь с конца 70-х годов стали использовать так называемый вахтовый метод. Тысячи рабочих, по преимуществу из других районов страны, стали доставляться на объекты ЗСНГК.

Сразу же этот метод стал широко рекламироваться ведомствами. Для них его «преимущества» были очевидны. Сиюминутная экономия на объектах социально-бытовой инфраструктуры была немалой. А огромные затраты на постоянные транспортные расходы дешевой рабочей силы они предпочитали не замечать. Экономическая эффективность разработки уникальных месторождений нефти и газа в Западной Сибири была столь значительной, что позволяла покрыть любые затраты на труд. Расширению масштабов использования вахтового метода способствовала также поддержка его представителями экономической науки.

Оперируя массами вахтовиков, руководители отраслей, как и в целом правительство страны, не учитывали нужд конкретного человека. Зачастую тем же отвечал и он. Прежде всего для этой категории работников стали характерны психология временщика, рваческие настроения, недисциплинированность, безответственное отношение к окружающей среде и огромным материальным ценностям.

К началу 1991 г. в Тюменской области работало 81,2 тыс. вахтовиков, которые составляли 5% от общей численности рабочих и служащих. Большинство из них трудилось в отраслях материального производства: в промышленности (32%), строительстве (19%), бурении (17%) и на транспорте (15%). В Ямало-Ненецком округе численность работающих вахтовым методом на начало 1991г. составляла 28,2 тыс. чел. К этому времени уже наметилась тенденция их сокращения в связи со снижением уровня добычи нефти и газа.

В конце 80-х годов в структуре занятости вахтовиков произошли изменения. За 1987—1990 гг. численность работающих в строительстве сократилась на 42%, в бурении — на 27% и, в то же время она возросла в промышленности на 17% — на транспорте — на 20%, но что особенно поразительно, — в торговле и материально-техническом снабжении увеличилась на 41%. Только УРС Главтюменьнефтегаза завозило из-за пределов области около 4 тыс. вахтовиков, большинство из которых — женщины. Этот факт невозможно оправдать никакой экономической целесообразностью или

недостатком квалифицированных специалистов. В основе этого явления лежит скорее всего бесхозяйственность.

Также не поддается логическому объяснению почти полное игнорирование местных трудовых ресурсов для использования их вахтовым методом. На начало 1991 г. лишь 2,3% вахтовиков проживали в Тюменской области. Причем за годы XII пятилетки численность сократилась более чем наполовину. Подавляющее же большинство завозилось из-за пределов области.

Таким образом, использование самых разнообразных каналов комплектования кадров позволило создать в Тюменской области значительный потенциал. Большая его часть на протяжении всей истории формирования ЗСНГК обеспечивалась за счет мигрантов из других регионов страны. Причем до 1985 г. в общем притоке мигрантов лица трудоспособного возраста составляли более 80%. В результате этого возрастной состав населения стал изменяться. Если перепись населения 1970 г., зафиксировала долю трудоспособного населения в Тюменской области в 55,1%, что было на один процентный пункт ниже чем в целом по РСФСР, то в 1979 г. она составляла уже 63,3% и была почти на четыре процентных пункта выше среднереспубликанского показателя. И хотя в последующее десятилетие доля трудоспособного населения в области сократилась, она тем не менее продолжала значительно превышать средние показатели по России и Западно-Сибирскому району. К тому же здесь самый низкий по республике удельный вес лиц старше трудоспособного возраста и очень высока доля населения еще не достигшего трудоспособного возраста. Особенно велика доля трудоспособного населения в северных районах области. В Ханты-Мансийском автономном округе в 1969 г. она превышала средне-областной показатель на 2,3 процентных пункта, а в Ямало-Ненецком округе — на 4,2 процентных пункта, а средне республиканский — на 6,9 и на 8,3 процентных пункта соответственно. Поистине уникальная ситуация сложилась с населением старших возрастов. Удельный вес жителей старше трудоспособного возраста составлял в ХМАО 3,5% , а в ЯНАО всего лишь 2,0% при среднем показателе по области 8,3%, а по РСФСР 18,5%.

Столь кардинальные сдвиги в возрастной структуре стали возможны в результате того, что темпы прироста населения и трудовых ресурсов области были исключительно высокими. В 70-е годы трудовые ресурсы Тюменской области ежегодно прирастали на 5,05%, тогда как по Западной Сибири на 1,85% и по России на 1,45%. В

1980—1990 гг. темпы прироста несколько сократились и составили по области 4,45%. Прирост трудовых ресурсов в Ямало-Ненецком округе с 5,1% в 1985 г. сократился до 0,8% в 1990г. В Западной Сибири за этот же период ежегодный прирост трудовых ресурсов снизился до 0,75% и обеспечивался в основном Тюменской областью, а в целом по РСФСР он оказался и того ниже — 0,1%.

Прирост трудовых ресурсов Тюменской области происходил в условиях их постоянного и значительного оттока. Обратная миграция была predetermined той государственной политикой, проводниками которой являлись различные ведомства. Система различных льгот, которые нужно было «зарабатывать» на Севере, а затем пользоваться ими на «материке», не ориентировала людей на постоянное жительство в новых местах. К тому же здесь не очень-то и заботились о создании условий для нормальной жизни человека. Сказывались и большие сложности с адаптацией людей к суровым условиям тюменского Севера, в которых происходил быстрый износ рабочей силы. Все это в комплексе определяло высокий уровень оттока населения. Очень многие уезжали не прожив здесь и 10 лет. Выйдя на льготных условиях на пенсию, покидали северные районы многие из «старожилов». Регион превратился в перевалочную базу. Новоселы не столько увеличивали население, сколько приходили на смену пресытившимся «тюменской романтикой».

Как видим, ведомственная политика по созданию мощного трудового потенциала увенчалась «успехом». В Тюменской области создана самая «благоприятная» возрастная демографическая структура — при самом высоком в России удельном весе трудоспособного населения, имеется прочный резерв за счет лиц молодых возрастов. Не достигнуто главного — стабильности населения и устойчивости трудового потенциала. Последний очень сильно зависит от ситуации в нефтяной и газовой промышленности.

Именно ускоренное развитие этих отраслей определяли самые высокие в РСФСР темпы прироста численности работающих в 1966—1990 гг. Причем с каждым пятилетием вплоть до второй половины 80-х годов это превышение было все более значительным.

В условиях, когда на Урале и в Западной Сибири темпы прироста (а в 1966—1990 г. — снижения) численности работающих в народном хозяйстве не отличались сколь-нибудь значительно по различным областям, в Тюменской области они существенно превосходили средние показатели по Уральскому и Западно-Сибирскому эко-

номическим районам и в целом по РСФСР. Особенно быстро численность в Тюменской области росла в IX — XI пятилетках, увеличиваясь более чем на 5% ежегодно. И лишь в XI пятилетке, особенно в последние годы, рост численности работающих резко сократился, составив 3,4% в год. Однако следует учесть, что это происходило на фоне снижения общей численности занятых в народном хозяйстве республики. В среднем за год по РСФСР она уменьшалась на 1,2%. Сокращение численности работающих в народном хозяйстве в 1986—1990 г. произошло во всех областях Урала и Западной Сибири.

На начало 1991 г. Тюменская область обладала мощным трудовым потенциалом. Ее трудовые ресурсы составляли 1940,1 тыс. чел., из которых 1738,6 тыс. чел. (89,6%) были заняты в общественном производстве. Из них подавляющая часть (89%) трудилась в государственном секторе экономики. В Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. среднесписочная численность работающих составляла 301,3 тыс. чел. или 61% от всей численности населения.

С развитием во второй половине 80-х годов кооперативного движения и других форм мелкого коллективного и частного предпринимательства стал заметным отток занятых из государственного сектора. Только в 1990 г. численность работающих в кооперативах выросла более чем в 2 раза, занятых индивидуальной трудовой деятельностью на 4% и составила соответственно 120,6 и 2,6 тыс. чел. За это же время численность занятых в государственном секторе сократилась на 55,3 тыс. чел. (на 3,4%). Эта тенденция сохранилась и в последующем. Причем отток работающих из государственного сектора еще более усилился.

Поэтому на рынке рабочей силы возникла напряженность. Теперь она совсем не похожа на ту, что наблюдалась в течение первых 25 лет формирования ЗСНГК. Если раньше здесь постоянно наблюдался недостаток рабочих рук, то теперь их избыток, что означало не что иное, как возникновение безработицы, появление рынка труда.

Высокие темпы индустриального освоения Тюменской области за последнюю четверть века определили своеобразие отраслевой структуры работающих. Также, как и в других интенсивно развивающихся районах (Среднее Приангарье, зона БАМа), здесь с каждым годом возрастала доля занятых в строительстве, сокращался удельный вес работающих в сельском хозяйстве.

Эта тенденция сохранилась и в 80-е годы. Рост инвестиционной деятельности в ЗСНГК привел к повышению доли занятых в строительстве с 21 до 24%. Но особенно значительной она была в нефтегазодобывающих районах. В Ханты-Мансийском автономном округе даже при условии снижения за десятилетие доли работников на 5 процентных пунктов, тем не менее в 1990 г. она составляла 27%, что в 2,5 раза превышало среднереспубликанский уровень. Еще выше удельный вес строителей был в Ямало-Ненецком автономном округе, составлявший в 1990 г. 36% от общей численности занятых в народном хозяйстве.

Другой особенностью отраслевой структуры Тюменской области является относительно низкий удельный вес работающих в промышленности. В первую очередь это относится к ЯМАО. Доля занятых в этой ведущей отрасли народного хозяйства здесь была в три раза меньше среднереспубликанского показателя, и более чем в полтора раза меньше среднеобластного показателя (11,4% против 18,1%), что свидетельствует о колониальном характере освоения территории, при котором правительство страны не столько заботило комплексное развитие территории, сколько безудержная эксплуатация ее природных богатств.

Экономический кризис, охвативший бывший СССР и в том числе Россию, предопределил снижение объемов инвестиций в строительство ЗСНГК. Это привело к большому сокращению численности работающих в данной отрасли. В первом полугодии 1992 г. среднемесячная численность работников строительства сократилась на четверть (почти на 100 тыс. чел.).

Численность рабочих промышленности за этот период уменьшилась на 10 тыс.чел., а на транспорте и в сельском хозяйстве сокращение работающих было незначительным. Итогом этих изменений стало сокращение удельного веса строительства в структуре занятости при увеличении доли других отраслей материального производства.

Другой особенностью был более низкий, чем в целом по республике удельный вес занятых в непроизводственной сфере.

В 1990 г. в отраслях непроизводственной сферы в Тюменской области было занято всего лишь 22,5% работников, а в северных городах эти показатели были еще ниже. В целом же по России в непроизводственной сфере было занято 25,7% работающих. Заметим, что в большинстве развитых стран в этой сфере занято около 60% рабочей силы, а в США и того больше — более 70%. Т.е.

структура занятости у нас прямо противоположна той, что наблюдалась в капиталистическом мире.

Крупное современное производство, создаваемое в осваиваемых районах Тюменской области, требовало для своего обслуживания квалифицированных рабочих широкого профиля, основой профессиональной подготовки которых являются глубокие специальные и научно-технические знания. Большинство же рабочих, приезжавших на сибирские новостройки, составляла молодежь, не имеющая нужной квалификации и опыта. Это было одной из причин завышенного спроса предприятий и организаций на рабочую силу. Возникла необходимость в кратчайшие сроки организовать обучение молодежи по широкому кругу рабочих профессий.

Наиболее целесообразной формой подготовки квалифицированных рабочих являлись профессионально-технические училища. Однако их создание происходило очень медленно. Рост масштабов подготовки рабочих в системе профтехобразования не соответствовал потребностям промышленных предприятий и строительных организаций в квалифицированных кадрах, несмотря на то, что до 1983 г. количество училищ, и численность учащихся в них неуклонно возрастали. В последующие годы наметилось снижение численности учащихся. На начало 1991 г. в 68 профессионально-технических училищах насчитывалось 30 тыс. чел. Из них 14% обучались на отделениях где велась подготовка по наиболее сложным профессиям на базе среднего образования. 68,2% обучались на базе неполного среднего образования. По окончании его они должны были получить кроме рабочей профессии и общее среднее образование.

В условиях недостаточно развитой сети учебных заведений профтехобразования, основной формой обеспечения предприятий и организаций квалифицированными работниками было их обучение непосредственно на производстве. Система обучения на предприятиях складывалась одновременно с формированием новых трудовых коллективов. Сложность ее создания для строительных организаций заключалась в необходимости подготовки больших контингентов новых кадров по самым разным специальностям.

Масштабы обучения с каждым пятилетием возрастали. В 1986—1990 гг. в целом по области на производстве было обучено 503,4 тыс. рабочих кадров. Добавим что кроме этого свыше 3 млн. чел. повысили свою квалификацию.

Основная масса рабочих прошла обучение в учебно-курсовых комбинатах, организованных повсеместно. С начала формирования ЗСНГК

потребность в рабочих была столь высокой, что создаваемая учебно-материальная база сильно отставала от роста масштабов подготовки кадров. Занятия, как правило, проводились в приспособленных помещениях при недостатке учебно-наглядных пособий, учебников и оборудования. К преподавательской работе в учебных комбинатах привлекались в основном специалисты с высшим и средним специальным образованием. Однако лишь немногие из них имели опыт педагогической работы. Все это естественно отражалось на качестве подготовки кадров. Квалификационный уровень рабочих, обученных в таких условиях, оказывался не очень высоким и в скором времени многие из них нуждались в переподготовке.

Во второй половине 80-х годов с нарастанием экономических трудностей, руководители предприятий и организаций стали все меньше внимания уделять подготовке кадров. Так в 1990 г. по сравнению с предыдущим годом численность рабочих обученных новым профессиям снизилась на 21%, а повысивших квалификацию итогов больше — на 46%.

Такое же положение наблюдалось и с кадрами специалистов. Численность инженерно-технических работников, повысивших свою квалификацию, в этом же году сократилась на 38%. Длительное обучение в институтах, на факультетах и курсах повышения квалификации прошли лишь 23 тыс. чел. При такой норме в среднем каждый из руководителей и специалистов производства мог повысить свою квалификацию один раз в 19 лет, тогда как по существующему положению о непрерывном профессиональном и экономическом обучении кадров народного хозяйства длительное периодическое обучение должно было для данной категории работников проводиться не реже одного раза в пять лет.

Подготовка кадров, для предприятия области, в особенности рабочих, происходила в ускоренном темпе, не обеспечивая глубоких теоретических знаний и фундаментальных практических навыков. Экономив на профессиональном обучении, предприятия экономили на своем настоящем и будущем. Для сравнения заметим, что расходы на подготовку кадров в США были в 12 раз, а в Англии в 8 раз больше чем в нашей стране. В этих странах, как и во многих других, намного раньше поняли, что сэкономив на обучении, в последствии гораздо больше проиграешь на производстве.

Свертывание масштабов подготовки и переподготовки кадров стало происходить в преддверии рыночной экономики и продолжается до настоящего времени.

Наиболее квалифицированную часть трудовых ресурсов составляют специалисты с высшим и средним специальным образованием. Общая численность специалистов по учету в ноябре 1989 г. составляла 489,3 тыс. чел., из них 177,6 тыс. чел. с высшим образованием и 311,7 тыс. чел. — со средним специальным. Более половины специалистов были сосредоточены в трех отраслях народного хозяйства — в строительстве, промышленности и просвещении (соответственно 26,18 и 10%). Насыщенность дипломированными специалистами различных сфер жизнедеятельности человека очень сильно дифференцировалась. Если в промышленности Тюменской области на каждые 1000 чел. работающих приходится 271 дипломированный специалист, то в другой сфере материального производства — в сельском хозяйстве — лишь 124. Еще разительнее контраст по обеспеченности этих отраслей специалистами высшей квалификации.

Еще в 70-е годы в стране наметилась тенденция увеличения доли специалистов в составе рабочих кадров. В последующие годы она стала проявляться еще более отчетливо. Поначалу объяснение этому процессу искали в техническом прогрессе, который несомненно оказывал влияние, внося изменения в характер и содержание труда рабочих. Однако, использование труда инженеров и техников на рабочих местах оправдано лишь в тех случаях, когда вызывается производственной необходимостью. Если же они работают не в соответствии со специальностями, полученными в учебных заведениях, это наносит большой ущерб народному хозяйству страны — ведь стоимость подготовки специалистов очень высока.

Главная же причина перехода специалистов на рабочие места заключается в несовершенстве системы оплаты труда

На протяжении 1970-х — 1980-х годов дифференциация в оплате сложного и простого труда становилась все меньшей. Престиж умственного, прежде всего инженерно-технического труда, постоянно падал. Одной из решающих причин сложившегося положения было то обстоятельство, что заработная плата инженерно-технических работников нижнего и среднего звена часто оказывалась ниже зарплат рабочих средней квалификации при значительно меньшей ответственности последних за общие результаты труда. Характерный в целом для страны переход части ИТР и служащих на рабочие места, в трудовых коллективах Тюменского Севера получил еще более широкое распространение. Не менее массовым явлением был приезд из других районов страны и трудоустройство на рабочую должность

работников ранее трудившихся на инженерно-технических и руководящих должностях. Таким образом на предприятиях и стройках в качестве рабочих трудится большое количество специалистов разных профилей, в том числе и остродефицитных. Так, в объединении «Уренгойгаздобыча» примерно каждый четырнадцатый рабочий имеет высшее образование, а каждый четвертый — незаконченное высшее или среднее специальное. В то же время для замещения руководящих кадров и инженерно-технических работников, не имеющих высшего и среднего специального образования, не хватало специалистов. Специалисты должны выполнять прежде всего работы, требующие специальных знаний, полученные ими в вузах и техникумах. А чтобы предотвратить интенсивно нарастающий в 70-е и 80-е годы процесс перехода специалистов на рабочие места необходимо на государственном уровне осуществить комплекс мероприятий по подъему престижа умственного, в том числе инженерного труда и прежде всего через совершенствование его оплаты.

Насколько актуальна эта проблема для Тюменской области можно судить по тому, что в 1990 г. около 100 тыс.чел. или каждый пятый дипломированный специалист трудился на рабочем месте.

Усиливающаяся напряженность на рынке труда обострила проблему трудоустройства молодежи. В условиях, когда предприятия стали стремиться к снижению численности работников, им было не выгодно принимать тех, кто не имеет профессии и производственного опыта, специалистов низкой квалификации. Поэтому предложение труда многих молодых людей оказалось не востребованным.

В ЗСНГК всегда имелись сложности с трудоустройством вторых членов семьи. Это было связано прежде всего с недостатком рабочих мест, где было бы возможным эффективное использование женского труда. Прежде всего, это касается нефтегазодобывающих районов. Так в Ханты-Мансийском АО женщины составляют около 70% численности незанятого трудоспособного населения. Уже в 1991 г. среди обратившихся в службы занятости для помощи в устройстве на работу женщины составляли половину, а в таких городах как Нефтеюганск, Мегион, Нягань — 80%

Как указывалось ранее в структуре занятости населения ведущие позиции занимали строительство, отрасли тяжелой промышленности и транспорта. Возможности использования женского труда в этих отраслях крайне ограничены. Прежде всего этим и объясняется, что удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих в народном хозяйстве области составлял в 1990 г. лишь 45% против

51% в целом по республике. Известно, что женский труд особенно широко используется в таких отраслях как торговля, общественное питание, здравоохранение и социальное обеспечение, народное образование и культура. В Российской Федерации в каждой из перечисленных отраслей трудилось от 75 до 85% от общего количества работников. В Тюменской области эти показатели еще выше.

Решение проблемы женской занятости видится в развитии прежде всего сферы услуг, перерабатывающих отраслей, в создании больших и малых предприятий швейной и текстильной промышленности.

Большая популярность Тюменских новостроек позволяла в короткие сроки решить проблему привлечения трудовых ресурсов в эти районы. Однако многолетняя практика формирования ЗСНГК свидетельствует о крайне нерациональном их использовании. В условиях дефицита местных трудовых ресурсов, сюда привлекалось значительно больше рабочей силы, чем требовалось.

Среди важнейших причин завышенного спроса на рабочую силу — сохранение больших объемов малоквалифицированного ручного и вспомогательного труда, относительно низкая квалификация новых пополнений рабочих, недостаточно эффективное использование рабочей силы из-за слабого стимулирования напряженного труда, неэффективное использование специалистов, в том числе в большом количестве на рабочих местах. Главные же причины постоянной острой потребности новых производственных коллективов в кадрах — их высокая подвижность, большие потери рабочего времени, связанные с недостатками в организации производства, а также из-за прогулов и неявок с разрешения администрации. Так в 1990 г. на промышленных предприятиях потеряно в расчете на одного рабочего по два дня, а в строительных организациях — по три. На некоторых предприятиях потери рабочего времени еще выше. На Ноябрьской обувной фабрике они составляли 27 дней на одного рабочего, а в тресте «Казымтрубопроводстрой» — 14 дней.

Особенно много рабочего времени терялось в связи с заболеваемостью. Для предприятий и учреждений ЗСНГК эти потери составляют в год более 10 дней на одного работающего. Это и не удивительно, поскольку приезжающим из других районов очень сложно адаптироваться к сложным природно-климатическим условиям. Очень велики прямые и косвенные потери рабочего времени в связи с большим оборотом кадров. По расчетам сибирских экономистов в целом уровень использования рабочей силы в хозяйстве ЗСНГК не

превышал 70%. Это значит, что ежегодно труд 30% занятых является лишь своего рода компенсацией за недостатки в его организации.

Для новых трудовых коллективов ЗСНГК всегда была характерна высокая текучесть кадров. В строительных организациях в первые годы, она, как правило, колебалась от 25 до 60%. Затем постепенно снижалась и все же превышала общесоюзные показатели. В 1990 г. в строительстве она составляла 18%, в промышленности — 16%

Причин для высокой текучести рабочей силы было множество. Тут следует заметить, что такая ситуация во многом была predetermined. Большинство новоселов еще по приезду ограничивали перспективу своей работы на Севере от 3 до 10 лет. Одни эти ориентиры выдерживали, планы других под воздействием различных обстоятельств изменялись. Многие на долгие годы связали свою судьбу с суровым сибирским краем. Однако гораздо чаще люди уезжали отсюда намного раньше, чем планировали, не выдержав тягот жизни в условиях бытового дискомфорта и неблагоприятного климата, либо по каким-то иным причинам.

Поскольку предложение труда превышало спрос на него, то ведомства не прикладывали серьезных усилий к закреплению работников в трудовых коллективах. Новички часто использовались не по специальности, а на рабочих местах, где были плохие условия труда, низкая заработная плата. Они плохо обеспечивались жильем. Все это ставило вновь прибывших в невыгодные условия по сравнению с другими работниками и обуславливало среди них повышенную текучесть. Те, кто не проработал на предприятиях и стройках и года, составляли среди увольняющихся от 40 до 70%.

Повышение уровня стабильности производственных коллективов являлось одной из основных задач кадровой политики, поскольку от нее очень сильно зависела эффективность работы предприятия или организации.

Задача закрепления кадров в трудовых коллективах Тюменского Севера оказалась неизмеримо более сложной, чем их привлечение сюда, поскольку на текучесть влияли самые разные причины. Значимость факторов, влияющих на закрепляемость на разных этапах освоения новых районов, со временем менялась. На начальных этапах наиболее существенное влияние на устойчивость кадров оказывали производственные факторы, в дальнейшем преобладали при-

чины, связанные с удовлетворением материальных, бытовых и культурных потребностей трудящихся.

Стабильность трудовых коллективов во многом зависела от условий и характера труда, поскольку они влияли на здоровье, физическое и моральное состояние работников. Большие трудности в этом отношении испытывали строительные организации ЗСНГК, особенно в осенне-зимний период, поскольку значительная часть рабочих была вынуждена работать на открытом воздухе при низких температурах. В летнее время во многих местах строительные работы сдерживались продолжительной активностью комаров и мошек.

В области были низкими темпы снижения ручного труда. Удельный вес его по учету 1989 г. составил 37,9%, а в 1985 г. он составлял 39,2%. В таких отраслях народного хозяйства как связь, бытовое обслуживание и жилищно-коммунальное хозяйство ручным трудом занято более половины работников. Не намного лучше ситуация в ведущих отраслях материального производства в строительстве и промышленности.

В строительстве вручную с применением машин и механизмов и без них работало 40% общей численности рабочих. Особенно удручающее положение наблюдается среди женщин, занятых на строительных работах 72% из них работали вручную. Хотя в ведущих отраслях промышленности Тюменской области ситуация несколько лучше, ее все-таки нельзя признать благополучной. Причины здесь ясны. Так технический уровень основных фондов нефтедобывающей промышленности значительно отстает от мировых стандартов: две трети буровых установок, работавших в 1991 г. были спроектированы в пятидесятых годах. Поэтому удельный вес выполняющих работу при помощи машин и механизмов, а также осуществляющих наблюдение за работой автоматических установок, составлял около 64%. Остальные трудились вручную.

Важная роль в привлечении кадров на Севере отводилась заработной платой. Ее уровень более чем в 2 раза превышал средние показатели по стране. И в целом ее размер был достаточным для того, чтобы стать одним из стимулов для закрепления работников в трудовых коллективах. Среди покидающих этот регион лишь немногие были недовольны заработной платой.

В конце 80-х годов ситуация резко изменилась. Уровень заработной платы почти сравнялся с ее размером в других более обжитых районах. Не решило проблемы и централизованное повышение

зарплаты во второй половине 1991 г. Заработная плата перестала быть стимулом для стабилизации коллективов.

Интенсивный отток работников вызывался прежде всего неудовлетворительными условиями жизни. Не касаясь детального анализа данной проблемы заметим, что в развитие непромышленной сферы в городах и поселках ЗСНГК за все годы его создания вложено лишь около половины от объема средств, требовавшихся для достижения нормативного уровня обеспечения населения объектами социального назначения.

Такой подход к жилищно-гражданскому строительству привел к тому, что как по уровню обеспечения жильем, так и другими объектами социально-бытовой инфраструктуры население городов Тюменской области заметно уступало среднереспубликанским показателям.

Отставание в развитии непромышленной сферы было главным препятствием в деле стабилизации кадров на предприятиях и стройках. По данным экономистов, 70% покидающих Тюменский Север не устраивало что-либо в сфере социального обслуживания.

Таким образом, к концу 80-х годов Тюменская область располагала мощным кадровым потенциалом. Общий экономический кризис, охвативший бывший СССР, сказался и на развитии ЗСНГК. Сокращение ассигнований в нефтяную и газовую промышленность отразилось и на потребности в труде. С конца 80-х годов численность работающих в Тюменской области стала уменьшаться. Процесс этот нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, в условиях перехода к рыночной экономике было понятно стремление предприятий и организаций освободиться от части излишней рабочей силы. С другой стороны, нельзя оправдать распад созданных с большим трудом коллективов (прежде всего — строительных), потребность в которых вновь возникла с началом постепенной стабилизации экономической ситуации в России.

С начала 90-х годов в стране кардинальным образом стала меняться социально-экономическая и политическая обстановка. Экономический кризис охватил и все отрасли материального производства и в частности привел к резкому сокращению нефти и газа в северных районах Тюменской области. Это в свою очередь оказало влияние на кадровый потенциал этого региона, методы формирования трудовых коллективов.

Исторический опыт решения кадровых проблем в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе на протяжении последних 14 лет

имеет большое научное и практическое значение. Он требует критического анализа с целью популяризации и использования положительного опыта и отказа от не оправдавших себя методов. В связи с этим представляется целесообразным изучение следующих задач:

1. Проследить изменение форм комплектования трудовых коллективов, оценить качественный состав кадров, поступающих на предприятия и организации по различным каналам. Проанализировать эффективность вахтового метода в новых условиях. Выявить, как изменялось соотношение долей вахтового персонала, поступающего из Тюменской области и из-за ее пределов.

2. Исследовать географические источники пополнения кадров.

3. В связи с сокращением в экономике региона доли государственного сектора и увеличения доли частного коллективного, рассмотреть динамику численности работников на предприятиях каждой из этих форм собственности, а также в разрезе отдельных отраслей экономики. Проследить изменения в составе кадров по квалификационному и образовательному уровням, национальности, полу и возрасту, стажу работы по профессии и на данном предприятии.

4. Выявить влияние появившегося рынка труда на эффективность использования трудового потенциала Тюменской области и ее отдельных административных районов и округов. Посмотреть как конкурентная борьба за рабочее место влияла на изменение уровня текучести кадров и их квалификационный потенциал.

5. С начала 90-х годов в городах и районах Тюменской области стали создаваться центры и бюро занятости. В связи с этим важно охарактеризовать методы работы государственной службы занятости, оценить эффективность ее деятельности по анализу рынка труда, подготовке и переподготовке кадров, их трудоустройству.

6. Особого внимания заслуживает изучение проблемы трудоустройства и социальной защиты от безработицы лиц из числа коренных народов Севера. (Уже в 1991 г. среди безработных в Ямало-Ненецком округе числилось 1260 чел., представляющих коренное население).

7. В автономных округах всегда существовала проблема трудоустройства отдельных категорий населения, несмотря на значительные потребности в кадрах. Испытывали затруднения в поиске подходящей работы прежде всего вторые члены семей, прежде всего женщины. Поэтому предстоит посмотреть, как эта проблема решается в новых социально-экономических условиях.

8. В 80-е годы в Тюменской области сложилась благоприятная демографическая структура населения. При наличии очень высокой доли трудоспособного населения здесь из года в год увеличивалось количество молодежи, вступающей в трудоспособный возраст. С ростом в последующие годы напряженности на рынке труда, предложение труда многих молодых людей оказалось не востребованным, поскольку они не имели ни нужной профессии, ни производственного опыта. Поэтому встает задача проследить, как решалась проблема вхождения молодежи в процесс трудовой деятельности.

9. Существовавший в 80-е годы острый дефицит кадров при переходе к рыночной экономике сменился безработицей. Предстоит выявить, какие социальные группы преобладают среди тех, кто ищет работу, а также тот факт, насколько полно при новом трудоустройстве используются ранее приобретенные профессиональные знания, как часто людям приходится переучиваться новым профессиям или же повышать свою квалификацию по уже имевшимся и ним. Интересно проследить как изменилась материально-техническая база училищ, учебных комбинатов и пунктов, а также качество обучения.

10. Необходимо проанализировать, как в новой обстановке исправлялся «образовательный дисбаланс», сложившийся к началу 90-х годов, когда высокий образовательный потенциал работников оказывался излишним. Спрос на высокообразованных, определяемый техническим уровнем производства, был значительно ниже предложения.

11. Следует посмотреть, как в новых условиях изменилась престижность инженерных профессий и соотношение в оплате высококвалифицированного труда специалистов управленцев и организаторов производства и рабочих кадров.

Список используемой литературы.

1. Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск. 1987.

2. Пушкарев В.М., Чуханин В.Х., Черных Д.В. О проблемах управления трудом в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе. // Экономика и организации промышленного производства. 1988. №2, С. 76-85.

3. Силин А.Н., Симонов С.Г. Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации. // Известия СО АН СССР. Серия экономика и прикладная социология. Вып. 1. 1998. С. 48-54.

4. Стариков Е. Униженные и оскорбленные. // Знания. 1991. № 9. С. 207-219.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Судьба трудовых коллективов и населения обширного и своеобразного региона, перспективы развития производительных сил непосредственно связаны с решением социально-бытовых проблем. Резкая диспропорция в масштабах развития экономики, прежде всего ее базовых отраслей, и социальной сферы, образующая одно из ключевых противоречий освоения Сибири, в полной мере относится к Ямало-Ненецкому автономному округу, производившему свыше 60% природного газа в пределах бывшего СССР. По существу к началу рыночных преобразований он представлял собой территорию с богатейшими ресурсами и полуразрушенной природной средой, унылыми городами с нефтегазовым монопроизводством, жители которых испытывали большие материально-бытовые трудности в повседневной жизни.

Рыночные реформы российского правительства нанесли беспощадный удар и без того невысокому жизненному уровню населения. Гиперинфляция привела к катастрофическому падению реальных доходов. Раскаленный печатный станок выбрасывал в обращение постоянно растущую массу обесцененных рублей, которых однако, не хватало для регулярной выплаты заработной платы. Ее размеры все слабее связывались с результатами трудовой деятельности. Снижалась мотивация к производственному труду вообще и в северных районах в особенности, разрушался кадровый потенциал многих предприятий, они теряли значительную часть высококвалифицированных работников.

В настоящей статье предпринята попытка ретроспективного анализа социально-бытовой сферы Ямало-Ненецкого автономного округа на рубеже 1980–1990-х годов, т.е. в условиях смены общественно-экономического строя в нашей стране, в рамках так называемого «переходного периода» к рыночным отношениям.

Мощное наращивание производственного потенциала региона вызвало быстрый рост населения, численность которого за 1980-е годы увеличилась с 80 тыс. до 496 тыс. человек, или более чем в 6 раз. В основном этот демографический прирост происходил за счет лиц в трудоспособном возрасте, пополнявших производственные

коллективы. Однако сильные ведомственные интересы, применение традиционных, присущих советской экономической системе подходов и методов освоения природных ресурсов на Севере, приводили к нерациональному использованию кадров, формированию предприятиями множества вспомогательных хозяйств, чрезмерному росту численности персонала, занятого вне основного производства. Одновременно более резко, чем в других регионах, в Ямало-Ненецком округе проявилось отставание в развитии социально-бытовой инфраструктуры. Даже среди северных территорий страны по уровню обеспечения материальных потребностей людей он занимал одно из последних мест.

Освоение газовых и нефтяных месторождений округа демонстрирует удивительный парадокс в мировом экономическом развитии. Широкомасштабная добыча ценнейшего углеводородного сырья не принесла благополучия тем, чей труд превратил страну в ведущего экспортера газа и нефти. Обильный дождь «газонефтедолларов» не коснулся районов, породивших его.

В данной связи поучительным представляется опыт освоения Зарубежного Севера, прежде всего северных территорий Канады и Аляски. Схожесть природно-климатических условий, определенное совпадение временных рамок позволяют провести параллели, сравнить как стратегические установки, так и практическую деятельность в малообжитых районах.

Если при освоении Зарубежного Севера первоначально за основу бралась моноресурсная модель, основанная на преднамеренном сужении специализации производственных центров и не стимулирующая общее хозяйственное развитие территории, то при формировании нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири в директивных документах ставилась задача широкомасштабного хозяйственного освоения территории, ее комплексного развития. Для Зарубежного Севера освоение не являлось синонимом заселения. Люди, прибывавшие на Север Канады, например, ориентировались на незначительный срок проживания. Напротив, в северных районах Тюменской области уже на начальном этапе планировалось создать многочисленное постоянное население.

В 1930–50-е годы на Севере Канады создавались так называемые «города-компании», где компания — владелец практически всего поселка — ограничивалась формированием минимально необходимых удобств для проживания работающего персонала. В 1960-е гг. развернулся принципиально новый этап, связанный с созданием

образцовых городов, при планировке и застройке которых использовались последние достижения градостроительства того времени, обеспечивающие комфортабельные условия для жителей. Хотя хозяйственная деятельность по-прежнему носила очаговый характер, сопровождалась созданием дисперсной сети мелких поселений, но смена парадигмы освоения в 60-е годы, совпавшая по времени с развертыванием научно-технической революции, позволила оптимизировать производство и в связи с этим обеспечить рациональные размеры и структуру новых городов. Для них характерны небольшая численность населения и одновременно значительный объем выпускаемой продукции в расчете на одного жителя.

Социально-бытовая инфраструктура в районах Зарубежного Севера формировалась раньше промышленных объектов, что позволило добиться не только высоких экономических результатов, но и создать поселения, где качество услуг и потребления, да и сам архитектурный облик не хуже, а зачастую даже лучше, чем в «старых» городах.

В отличие от градостроительной практики в северных районах Канады и США, где архитекторы и строители имели возможность выработать и применять новые неординарные градостроительные решения, учитывающие природно-климатические особенности, на Севере Западной Сибири такой подход реализовать не удалось. Сказалось отсутствие обоснованной, всесторонне проработанной градостроительной концепции, а также недостаток времени в условиях нефтегазового бума на подготовку проектной документации, учитывающей природно-климатическую специфику Севера. Поэтому при разработке генеральных планов сибирских городов опыт «черпался» не из лучших мировых достижений архитектуры, используемых при строительстве на Севере Канады и на Аляске, а из проектов застройки районов Поволжья, Татарии и Башкирии, которые по своим характеристикам существенно отличались от северных районов Западной Сибири. К тому же эти проекты «усекались» и «удешевлялись» в процессе реализации, что в конечном итоге могло обеспечить только низкие жизненные стандарты.

Таким образом, освоение Севера Канады и Аляски основывалось на принципе экономической целесообразности, там широко использовались достижения ИТР, вложения в социальную сферу имели приоритетный характер, что обеспечивало привычный жизненный уровень для мигрантов, прибывавших из обжитых районов. Напротив, северные территории Тюменской области испытали мощ-

ное давление политических факторов, требования центральных органов о ежегодном безусловном наращивании добычи нефти и газа не позволяли реализовать меры стратегического характера, а социальная сфера по сути выступала как «побочная примесь» к нефтяным и газовым фонтанам.

Опыт освоения зарубежного Севера также показал целесообразность использования планово-прогнозных методов, которые не противоречат, а, напротив, органично вписываются в рыночную экономику. Применение этих методов, тесное взаимодействие нефтегазовых компаний и местных муниципальных органов позволило избежать многих социально-демографических проблем или решить их в сжатые сроки, что стало существенным фактором экономического роста.

Причины кризиса социально-бытовой сферы Ямало-Ненецкого округа определялись как многолетней колониальной экспансией, так и непоследовательной социально-экономической политикой «перестроечного» и «переходного» периодов.

Диктат центральных органов управления, нацеленный на поддержание нефтегазового бума, ведомственность и монополизм производителей, выразившиеся в неограниченной и бесконтрольной власти союзных министерств, сформировали однобокую народно-хозяйственную структуру, которая не воспринимала коренные жизненные интересы населения автономного округа. Созданная здесь крупная индустрия, дававшая почти весь объем промышленного производства, ориентировалась прежде всего на добычу невозполнимых природных ресурсов, которые не подвергались глубокой переработке, а направлялись в другие регионы, где и реализовывался социально-экономический эффект, полученный в добывающих отраслях. В результате неэквивалентного обмена Ямало-Ненецкий округ в течение многих лет нес огромные социальные потери, тогда как различного рода поступления из централизованных фондов не обеспечивали потребностей населения, а лишь консервировали его значительное отставание по комплексу жизненных условий от среднероссийских показателей.

В годы перестройки, несмотря на громогласное осуждение «остаточного» принципа финансирования социальной сферы, практика освоения северных территорий продолжала двигаться в старом русле технократического сценария. Достаточно сказать, что в Ямало-Ненецком автономном округе во второй половине 1980-х — начале 90-х годов из каждого рубля капитальных вложений менее 13 коп.

затрачивалось на социальные цели. Падение жизненного уровня происходило здесь даже быстрее, чем в среднем по Российской Федерации.

На рубеже 1980—90-х годов в условиях «самофинансирования» в число первоочередных выдвинулась проблема разбалансированности финансов, связанная с низкими тогда ценами на природные ресурсы. В значительной степени ее обострило введение рентных платежей на нефть и газ после формирования бюджетов на 1991 г., что привело к резкому сокращению доходной базы автономных округов Тюменской области. Давая две трети добычи углеводородного сырья в пределах бывшего СССР и обеспечивая основную часть всех валютных поступлений, они не имели необходимых финансовых средств для минимального удовлетворения самых неотложных социальных нужд населения.

Парадоксом «переходного периода» к рыночным отношениям стала натурализация хозяйственных связей, что породило дополнительные трудности для Ямало-Ненецкого округа (хотя и открыло определенные новые возможности). Рассматривая поставки газа и нефти как обязательные, другие регионы задерживали заключение хозяйственных договоров, сокращали объемы поставок продовольствия и промышленных товаров. В этих условиях особенно болезненно сказывался узкоотраслевой характер экономики, ее моноструктурность, определившие жесткую зависимость материального обеспечения населения от внешних связей. По выпуску потребительских товаров Ямало-Ненецкий округ занимал одно из последних мест в России, производя за счет собственных ресурсов лишь незначительную часть необходимого фонда потребления. Сюда завозились почти все непродовольственные товары и продукты питания, значительная часть строительных материалов и конструкций. Основной поставщик газа не имел централизованного газоснабжения, из года в год откладывалось строительство коммунального газопровода, а жители пользовались малоудобными электрическими плитками.

Большое значение для Ямало-Ненецкого автономного округа, который по добыче полезных ископаемых, производительности труда занимал в России ведущие позиции, а по социально-бытовым условиям жизни отставал от среднероссийского уровня, имело выравнивание территориальных различий в материально-бытовом обеспечении населения. На рубеже 1980-х—1990-х годов представлялось принципиально важным на практике реализовывать принцип эквива-

лентности, объективно учитывать соответствие вклада региона в социально-экономическое развитие страны его доле в общем фонде потребления. Соответственно и финансовая база окружного Совета должна быть адекватна экономическому потенциалу округа.

При этом было бы ошибочным отождествлять среднестатистическое и фактическое выравнивание территориальных различий в социальной сфере. Жителям северных районов требуется гораздо больше продуктов животного происхождения, им необходимы более просторные жилые помещения, более широкий ассортимент одежды, обуви и т.д. Следовательно, фактическое выравнивание материально-бытовых условий жизни означает не одинаковое потребление материальных благ, а прежде всего обеспечение равной степени удовлетворения потребностей населения, которые существенно отличаются в разных регионах страны.

Серьезной проблемой являлась и значительная дифференциация уровня социально-экономического развития отдельных районов внутри самого Ямало-Ненецкого округа, что связывалось прежде всего с ведомственным диктатом, перекосами в инвестиционной политике и размещении производительных сил. Особенно подобные «социальные перепады» ощущались в населенных пунктах нефтегазового комплекса и в поселках работников традиционных отраслей. Очевидный, убедительно доказанный советской историей вред уравниловки все же не отрицает необходимости сглаживания этих социальных различий. К тому же опыт Зарубежного Севера и ряда ближневосточных стран свидетельствует, что добыча и реализация нефтегазовых ресурсов обеспечивает благосостояние населения обширных регионов, а не только жителей территорий, примыкающих к нефтяным и газовым скважинам.

Анализируя социальную инфраструктуру, необходимо иметь в виду, что социально-бытовые проблемы, с одной стороны, тесно связаны между собой, а с другой, — обладают относительной автономией. Изменение реальных доходов влияет на величину и структуру потребления. Качество продовольствия и рацион питания отражаются на здоровье людей. Вместе с тем жилищное строительство не может компенсировать нехватку детских учреждений, а бытовое обслуживание — недостаток продуктов питания. Поэтому необходим комплексный подход к решению социально-бытовых проблем. Только при таком подходе социально-бытовое развитие приобретает характер подлинного прогресса, способствует росту производительных сил.

Нет преувеличения в том, что для Ямало-Ненецкого округа именно комплексное решение социально-бытовых проблем имеет жизненное значение. В условиях перехода к рыночным отношениям в результате инфляции, резкого падения покупательной способности рубля, возможности получения высоких заработков в более благоприятных климатических условиях северные районы теряли свое единственное социальное преимущество — в размерах денежной оплаты труда. Это представляло прямую угрозу кадровому потенциалу нефтегазовых предприятий, вело к распаду трудовых коллективов, миграционному оттоку квалифицированных рабочих и специалистов за пределы региона.

Перспективность комплексного решения социально-бытовых проблем все же не отрицает целесообразности выбора приоритетов в данный момент, что определяется, с одной стороны, потребностью смягчения действия факторов, особенно болезненно отражающихся на условиях жизни населения, а с другой — ограниченностью материально-финансовых ресурсов. Такой центральной социальной задачей на рубеже 1980-х—90-х годов являлась стабилизация потребительского рынка, что предусматривало не только сокращение разрыва между выпущенной в оборот денежной массой и ее товарным покрытием, но и обеспечение самых насущных нужд людей в продуктах питания и непродовольственных товарах.

Разрушение потребительского рынка Ямало-Ненецкого округа обуславливалось общим кризисом советской социально-экономической системы. Как и во всей стране, «заблагвременные» правительственные заявления о предстоящем повышении розничных цен вызывали мощные ажиотажные волны, сметавшие товары с прилавков магазинов. Вместе с тем существенный отпечаток наложили и социально-экономические особенности региона, прежде всего крайне низкий выпуск потребительских товаров.

В Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. их было произведено в расчете на одного жителя всего на 175 руб. при среднегодовой заработной плате 6780 руб. Разрыв между денежными доходами и расходами населения составил огромную сумму, превысив 340 млн. руб.

В соответствии с постановлением Совета Министров России от 4 февраля 1991 г. «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию районов Севера», исполком окружного Совета народных депутатов принял решение установить с 1 марта этого года единый районный коэффициент к заработной плате рабочих и слу-

жащих бюджетных организаций и учреждений, располагавшихся в населенных пунктах севернее Полярного круга — 1,8, южнее — 1,7. Одновременно такая же надбавка была введена к пенсиям и пособиям граждан. Эти меры, призванные компенсировать дополнительные затраты, которые связаны с проживанием в северных районах, отвечали принципу социальной справедливости. Однако в условиях разрушения потребительского рынка они не могли реализовать свою социальную роль и способствовали выпуску в оборот дополнительной массы обесцененных денежных знаков.

В целом 1991 год ознаменовался резким увеличением оплаты труда работников практически всех отраслей, особенно нефтегазового комплекса и растущего кооперативного сектора. Высокие темпы роста денежных доходов, не подкрепленные товарами и платными услугами, подстегивали инфляционные процессы. Положение не изменило апрельское (1991 г.) повышение розничных цен. Из-за сокращения выпуска и завоза товаров народного потребления соотношение между денежной и товарной (в стоимостном выражении) массой даже возросло.

Вместе с тем в связи с введением различного рода компенсаций и надбавок заработная плата все больше аккумулировала (кстати, из-за инфляции во многом иллюзорные) функции социальной защиты работающих в условиях роста цен. Соответственно падала именно заработанная, т.е. непосредственно связанная с производственной деятельностью доля денежных средств в совокупной оплате труда. Следовательно, заработная плата теряла свое значение как стимул производительного труда и все слабее связывалась с его эффективностью и конкретными результатами. Подобная ситуация вызывала серьезную тревогу, ибо у работающих заметно снижалась мотивация к труду.

Введение со 2 января 1992 г. так называемых свободных цен оказалось для Ямало-Ненецкого округа особенно болезненным, что определялось прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, он являлся регионом с крайне слабо развитой собственной сельскохозяйственной базой. От общего далеко неудовлетворяющего потребности объема потребления здесь производилось лишь 10-13% мясопродуктов, 4% молока и молочных изделий, 7% яиц, 5% картофеля, 10% кондитерских изделий, 11% безалкогольных напитков. Свободные цены на продовольствие достигли в округе «стратосферных высот», срезая номинально высокие денежные доходы населения. Во-вторых, занимавшая одно из центральных мест в програм-

ме экономических реформ российского правительства приватизация встретила в округе с дополнительными существенными трудностями, связанными с «эмбриональным» состоянием социальной сферы. Обеспеченность учреждениями торговли и общественного питания, предприятиями службы быта была здесь гораздо ниже, чем в среднем по Тюменской области, что не позволяло проводить антимонопольную политику, ожидать развития конкуренции.

Очень болезненной проблемой для потребительского рынка стали срывы централизованных фондовых поставок продовольствия, обусловленные распадом административно-плановой системы материального снабжения. Ответной реакцией, как и в ряде других регионов, явилось развитие так называемых бартерных операций. Коллективы предприятий нефтяной и газовой промышленности выдвинули требования к правительству о взаимосвязи поставок нефти и газа с поступлением в округ продовольствия, промышленных товаров, строительных материалов, а также наделяя этих предприятий правом реализовать по своему усмотрению часть нефти, газа, конденсата, выделения доли валютных поступлений от их экспорта.

Нельзя не признать, что в условиях развала денежной системы и стремительного падения покупательной способности рубля бартерные сделки представляли неизбежное явление и в определенной степени «разряжали» ситуацию на потребительском рынке. Однако одновременно они усиливали социальную напряженность, порождали противоречия во взаимоотношениях между отдельными общественными группами, ибо использовались лишь в интересах работников добывающих отраслей. «Обойденными» оставались представители многих других профессий, чей труд общественно полезен и необходим для жизнеобеспечения всего населения округа. Например, справедливые требования и нарекания в данной связи высказывали врачи и учителя. Поэтому применительно к тем условиям представлялась рациональной идея создания окружного фонда природных сырьевых ресурсов и материалов, который использовался бы в интересах всех жителей округа.

Немало резервов крылось в организации торговли. Доказал свою полезность такой способ заготовки продовольствия как децентрализованный закуп. Например, в 1989 г. торговыми организациями Салехарда из децентрализованных источников было приобретено потребительских товаров на сумму 5,5 млн. руб., что составило 10% товарооборота. Оказались выгодными и прямые договоры с производителями сельскохозяйственной продукции.

На материальном обеспечении населения заметно сказалось ухудшение деятельности потребительской кооперации. Ямало-Ненецкий округрыболовпотребсоюз в начале 1990-х годов обслуживал свыше 77 тыс. человек, в том числе 26,7 тыс. жителей коренной национальности, или 97,7% от их общей численности в округе. Продажа товаров производилась через 235 магазинов, в которых было занято 3,5 тыс. торговых работников. Начиная со второй половины 1980-х годов прослеживается тенденция падения удельного веса потребительской кооперации в розничном товарообороте округа. В 1986 г. эта доля составляла 16%, в 1987 г. — 14,1, в 1988 г. — 13,3 и в 1989 г. — 12,9%. Оставалась примитивной материальная база. Так, выпечка хлеба в ряде пекарен производилась в допотопных печах, отапливаемых дровами. Выпуск хлебобулочных изделий часто срывался. В целом износ основных фондов превышал 30%.

Из проблем торгового обслуживания на фоне тотального дефицита особую тревогу вызывали огромные потери продовольствия, завозимого в северные районы. При закладке и хранении приходили в негодность свыше трети картофеля, овощей, фруктов, тысячи тонн других продуктов. В немалой степени это было связано со слабой технической оснащённостью баз и складов. Поэтому очевидной становилась экономическая целесообразность вложения крупных средств, в том числе полученных по бартерным операциям, в приобретение современных технологических линий переработки сельскохозяйственной продукции и оборудования для ее хранения.

Сокращение и срывы централизованных поставок продуктов питания подчеркивали жизненную важность развития местной продовольственной базы. Аграрный сектор Ямало-Ненецкого округа к началу 1990-х годов включал 14 совхозов и 6 рыбозаводов, где трудились 12 тыс. человек, 70 подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций. За 1989—1990 гг. было образовано около 60 фермерских хозяйств и кооперативов. Расширялись также индивидуальное животноводство и огородничество.

Во второй половине 1980-х годов местное производство сельскохозяйственной продукции возросло в 1,5-2 раза и в расчете на одного жителя составило: мяса — 21 кг, молока — 18 л, яиц — 21 шт. В 1991—1992 г. произошел заметный спад, что было связано с ухудшением материально-технического снабжения, удорожанием сельскохозяйственной техники, несовершенной организацией и стимулированием труда.

И все же Ямало-Ненецкий автономный округ имел возможности для преодоления этого спада, развития местной продовольственной базы. Хотя нефтегазовое освоение региона привело к сокращению территории оленеводческих пастбищ на 8 млн. га, которые практически не поддаются рекультивации, оставалось высоким поголовье оленей, составляя 470 тыс., в том числе 230 тыс. голов в общественном и 240 тыс. — в личном секторе. По численности этих животных округ занимал второе место в России после Чукотки. Как показывали расчеты специалистов, от такого поголовья при внедрении технологий глубокой переработки возможно было дополнительно производить продукции более чем на 5 млн. долларов. Даже низко рентабельные хозяйства, получив высокопроизводительное оборудование, могли «вписаться» в рыночную экономику. В то же время требовала решения проблема перегруженности оленьих пастбищ.

В многоводном крае перспективно развитие рыбного хозяйства. Обь и ее многочисленные притоки, 3465 озер площадью 983 га, находящиеся на территории Ямало-Ненецкого округа, образуют единый биологический фонд для воспроизводства и нагула рыбной биомассы, состоящей из 29 видов рыб, 22 из которых являются промысловыми. Исходя из продуктивности зоопланктона и бентоса в пойменно-речных водоемах Обского бассейна, величина оптимального промыслового изъятия рыб оценивается по округу в 15,4 тыс. тонн.

Однако с начала 1970-х годов прослеживается сокращение вылова рыбы в речных водоемах. Основной причиной снижения уловов явилось постоянное усиление антропогенного пресса на рыбные запасы пойменно-речной системы Обского бассейна, связанное с усилением загрязнения водоемов и распространением браконьерства.

В начале 1990-х годов содержание нефтепродуктов в Оби превышало предельно-допустимые концентрации в 5-10 раз. В створе реки у Салехарда годовой объем стока растворенных в воде нефтепродуктов составлял 122 тыс. т.

Особую опасность представляло загрязнение Обской и Тазовской губ, которые служат единственным питомником и играют важную роль в воспроизводстве самых ценных видов рыб всего Обь-Иртышского бассейна.

Загрязнение водоемов не только вызывает гибель рыбы и кормовых организмов, но и выводит из строя нерестилища и зимо-

вальные ямы, ведет к нарушению нормального развития рыб и личинок, что вызывает их уродство и гибель. Суммарные потери среднегодового вылова рыбы в водоемах Тюменского региона в результате неблагоприятного антропогенного воздействия оценивались в 10 тыс. т.

Для сохранения и пополнения рыбных запасов, развития рыболовства представлялось приоритетным решение трех основных проблем. Во-первых, широкое развертывание как природоохранных, так и компенсационных работ, к которым должны привлекаться концерн «Газпром» и другие предприятия нефтегазового комплекса, чья производственная деятельность стала основной причиной утраты рядом рек и водоемов своего рыбохозяйственного значения. Во-вторых, большую роль могло бы сыграть строительство рыбопитомников. Только для увеличения добычи сиговых и осетровых рыб в водоемах Оби на территории Ямало-Ненецкого округа требовалось довести производительность питомников до 90 млн. личинок, что позволило бы ежегодно вылавливать до 16,5 тыс. т сиговых и осетровых рыб. В-третьих, неотложной задачей являлось решение социальных проблем рыбной отрасли, где преобладал ручной труд, технологическое оборудование морально устарело и имело предельный износ, низкой оставалась заработная плата, остро не хватало жилья и объектов социальной инфраструктуры. В обеспечении кадрами отрасль оказалась практически обескровленной в связи с массовым оттоком квалифицированных специалистов на нефтегазовые предприятия. Тем не менее расширение и укрепление рыбного хозяйства являлось трудным, но вполне реальным делом.

Гораздо активнее могли бы использоваться и другие природные богатства Ямало-Ненецкого округа. Заготовка и переработка грибов, ягод, зелени, дичи дали бы возможность увеличить местные продовольственные ресурсы.

Во второй половине 1980-х годов заметную роль играли подсобные сельские хозяйства промышленных предприятий и населения. В первых из них за 1986-1989 гг. поголовье крупного скота увеличилось в 2,5 раза, свиней — на 39%, площадь защищенного грунта — на 88%. Производство молока возросло в 2,1 раза, оленины и говядины — в 2,4, свинины — на 62%, овощей — на 63%. В абсолютных цифрах в 1989 г. было произведено 2161 т молока, 446 т мяса в убойном весе, 1075 т овощей. В последующие годы и эти хозяйства испытали сильные кризисные явления, однако все же

в меньшей мере, чем сельскохозяйственные предприятия государственного сектора.

Существенную добавку дает рациональное использование тепла, вырабатываемого газокompрессорными станциями, для производства овощей. Имевшиеся 90 тыс. м² теплиц далеко не обеспечивали потребности населения, тепловые ресурсы позволяли многократно увеличить эту площадь.

Одним из источников поступления продовольствия и в северных районах служит личное подсобное хозяйство. Оно не требует больших капитальных вложений и демонстрирует высокую производительность труда в любых условиях. За 1986—1989 гг. в ЛПХ населения Ямало-Ненецкого округа поголовье крупного рогатого скота возросло на 60%, свиней — в 2 раза, овец — на 38%. В 1990 г. со своих участков жители получили 334 тонны картофеля, или около трети всего производства этого продукта. Продовольствие, которое дает ЛПХ, позволяет улучшать рацион питания семей, экономить денежные средства на приобретение продовольственных товаров, а также более рационально организовывать их завоз в северные районы.

На протяжении всей нефтегазовой эпопеи наряду с дефицитом продовольствия большие трудности для населения создавало значительное отставание социально-бытовой инфраструктуры. Темпы ее роста были явно недостаточны и не соответствовали увеличению числа городских жителей. На рубеже 1980—90-х годов произошел резкий спад в жилищном и культурно-бытовом строительстве.

Только в 1990 г. население недополучило 114 тыс. м² жилья, более 2 тыс. мест в детских садах, много других социально-бытовых объектов. По сравнению с предыдущим годом ввод в эксплуатацию квартир уменьшился на 29%, общеобразовательных школ — на 12%, дошкольных учреждений — более чем в 2 раза.

Причинами этой неблагоприятной тенденции стали уменьшение инвестиций из государственных источников, снижение производительности труда, развал материально-технического снабжения. Особые трудности создавало слабое развитие местной строительной индустрии, которая была способна обеспечить лишь 12-15% объемов капитальных вложений.

В целом в Ямало-Ненецком автономном округе жилой фонд в начале 1990-х годов составил 7144,5 тыс. м², или 14,5 м² общей площади на одного человека. Обеспеченность общеобразователь-

ными школами равняется 89%, детскими дошкольными учреждениями — 78, больницами — 84, поликлиниками — 72%.

Но наиболее острой оставалась жилищная проблема. В очереди на получение жилья стояли свыше 57 тыс. семей, около 15 тыс. вообще не имели его. В ходе нефтегазовой эпопеи широкое распространение получили такие «жилища» как балки и вагончики, количество которых практически не уменьшалось. Если в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе их насчитывалось 12978, то в начале 1990 г. — 12179, число проживающих составило соответственно 43448 и 44319 человек. Промышленные предприятия редко выделяли вновь построенные квартиры для семей, размещавшихся в балках и вагончиках.

Ситуацию осложняли и так называемые «фенольные» дома, которых насчитывалось свыше 360. Многие проживающие в них испытывали сильное морально-психологическое угнетение, связанное с беспокойством за здоровье членов своих семей.

Кризис социальной сферы в начале 1990-х годов усугубила так называемая «муниципализация», т.е. передача жилья и социально-бытовых объектов, находящихся в распоряжении промышленных предприятий, на баланс местных Советов. Практика показала, что в первую очередь передавались те социально-культурные учреждения, которые не приносили дохода и требовали значительных затрат на свое содержание. В то же время ограниченные бюджеты местных органов были не в состоянии профинансировать эти учреждения. Поэтому некоторые из них в течение длительного времени находились с неопределенной балансовой принадлежностью и без источников поступления денежных средств.

Резкое ухудшение условий жизни населения в конце 1980-х — начале 90-х годов, его обнищание в результате гиперинфляции со всей остротой ставили вопрос о материальной поддержке социальных групп, находившихся в особенно трудном положении. Обострились проблемы, связанные с обучением и воспитанием подрастающего поколения. Ухудшились охрана здоровья детей, трудоустройство подростков, материальная обеспеченность выпускников школ-интернатов.

Все это требовало осуществления неотложных мер по созданию системы экстренной социальной помощи, способной быстро оказать поддержку людям, оставшимся без средств существования, в «тупиковой» жизненной ситуации. В северных районах важно развитие эффективной социальной работы, опирающейся на отечественный и мировой опыт.

С конца 1980-х годов нарастала социальная напряженность в трудовых коллективах, что обуславливалось снижением жизненного уровня и особенно ухудшением продовольственного снабжения. После апрельского (1991 г.) повышения розничных цен и их либерализации в январе 1992 г. на первый план выдвинулись требования социального характера, которые были характерны для трудовых коллективов нефтегазодобывающих предприятий. Эти коллективы, сформированные выходцами из самых различных областей и краев бывшего СССР, представляли сложный и своеобразный социальный конгломерат, таивший в себе сильную взрывную энергию. Многие работники, прибывшие в округ с целью получения средств для обеспечения личного благополучия, испытывали разочарование, чувство крушения жизненных планов.

В целом опыт формирования и функционирования нефтегазового комплекса, социально-бытового развития Ямало-Ненецкого автономного округа убедительно свидетельствует о необходимости разработки и реализации эффективной социальной политики, которая связывала бы экономический потенциал региона и социальные интересы населения, способствовала созданию достойных человека материально-бытовых условий жизни.

Для научного обоснования и осуществления такой политики немалую практическую пользу могут принести историко-социологические исследования. Во-первых, обобщение опыта прошлого позволяет определить причины и истоки социально-экономических проблем, установить воздействие на них как объективных, так и субъективных факторов, оценить предлагавшиеся ранее методы решения тех или иных вопросов. Без глубокого изучения динамики социальных процессов вряд ли достижимо объективное и полное представление о их современном состоянии, достоверное прогнозирование возможных сценариев развития событий.

Во-вторых, переход к рыночным отношениям, вызывающий коренные изменения в самих основах человеческого бытия, порождает настоятельную потребность в информации о социальном самочувствии людей. Для этого необходимо проведение постоянного социологического мониторинга, который позволит раскрыть отношение населения и его различных общественных групп к социально-экономической политике российского правительства, управленческим решениям, которые вырабатываются и реализуются руководящими органами Ямало-Ненецкого автономного округа. Важно выяснить общественное мнение о причинах кризиса в экономике и

социальной сфере, методах его преодоления, о способах использования экономического потенциала региона для облегчения и нормализации материально-бытовых условий жителей. Особо следует подчеркнуть, что с помощью социологического мониторинга открывается возможность определить уровень социальной напряженности в округе, наиболее «взрывоопасные» трудовые коллективы и социальные слои. Проникновение в социальную психологию и изучение общественного мнения повысит точность и результативность управленческих решений.

Ободяников Е.З.

МИРОВОЙ ПРОЦЕСС В XX—XXI вв. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Глобализация мировой экономики и мирового процесса в XX — XXI вв. означает, прежде всего, на взгляд авторов монографии появление на планете глобальных субъектов, формирующих по своим замыслам и либерально-экономическим ценностям геоэкономическое пространство и планетарное мироустройство, определяющих будущее цивилизации.

Глобальные субъекты мировой экономики — это доминирующий кластер стран, формирующий финансовую, научно-технологическую, производственно-экономическую, информационную, а целом — глобально-сетевую структуру планетарного сообщества и провинции глобального мира — его несетевой, маргинальной периферии.

Глобализация означает сжатие технолого-производственного, экономического и социального времени мира в основных структурах, сетях и иерархиях информационной цивилизации.

Глобализация — это эпоха глобальных конфликтов между глобальными субъектами по поводу власти над пространственно — ресурсной базой и геопланетарной средой их обитания, по поводу несовместимых систем ценностей и борьбы за лидерство в мировом процессе.

Регионализация мировой экономики означает, что глобальные субъекты современной цивилизации — это новые могущественные идентичности (мировые державы, транснациональные корпорации, мировые города, мировые регионы, политические, экономические,

конфессиональные, этно — национальные, культурные и другие общности и союзы, включающие глобальные организации национального и транснационального криминала), **закрепляющие в пространственно-территориальных локусах мировых регионов свое финансово-экономическое, политическое, научно-техническое, образовательное, этнокультурное и конфессиональное могущество и влияние, о непрерывно осуществляющие перманентный передел геопространств планеты — геосферы, гидросферы, атмосферы, ближнего космоса.**

Понимание сущности мирового процесса состоит в следующем.

Мировой процесс — это динамика мировой системы, то есть последовательность её состояний, возникающих при идеологических, политических, экономических, военных, экологических, научно-технических, культурных, религиозных и других взаимодействиях (мировых войнах, социальных, культурных, национально религиозных революциях, экономических и политических кризисах и др.) глобальных субъектов на планете.

Глобальный субъект определяется нами как предиктор, обладающий собственной ценностной системой, своими целевыми установками, политической, экономической и интеллектуальной мощью, волей, организацией и ресурсами, необходимыми, что бы воздействовать на мировой процесс и предписывать его развитие по тому или иному сценарию.

Таким образом, на наш взгляд, выше сформулированные положения можно привести к единственной аксиоме.

В мировом процессе XVI — XXI столетий возникают глобальные субъекты, которые борются за концентрацию планетарных ресурсов под собственным контролем, подчиняют себе и развивают научный интеллект цивилизации, концентрируют глобальную политическую волю и применяют ее для управления мировым процессом в собственных интересах.

Еще более кратко — человечество не является единым субъектом мирового процесса, а на планете никто единолично не отвечает за судьбы цивилизации. Из этой аксиомы вытекает следующее.

Полный смысл термин «глобализация» как состояние и процесс, в обозначенных выше аспектах, получает в общем контексте развития геополитической, геоэкономической, геокультурной, геодемографической, цивилизационно-этнической и георесурсной парадигм глобального мышления в Новое время. Возьмем только XX век.

В начале XX века знаменитый английский геополитик сэръ Хэлфорд Макиндер сформулировал глобальную историко-географическую парадигму геополитики. Географическая ось истории, по Макиндеру, пролегает в Heartland — сердцевине Мирового острова. Концентрическую организацию геополитического пространства планеты завершает береговая полоса государств — Rimland и внешний полумесяц Мирового острова¹.

История как геополитика, геокультура и геоэкономика протекает в глобальном, но замкнутом пространстве. Замкнутость обуславливает воздействие социальных взрывов, мировых войн и революций на всю цивилизацию. В информационную эпоху это, в масштабе исторического времени, происходит практически мгновенно.

В начале 50-х гг. прошедшего XX век историк Фернан Бродель и экономист Иммануил Валлерстайн создают миросистемную концепцию геоэкономики и геополитики. Идея концентрической организации глобального пространства получает развитие в концепции также концентрически организованных миросистем, с центром и периферией.

Миросистемная концепция глобального развития геоэкономиста И.Валлерстайна и историка Ф.Броделя, созданная в 70-е годы XX века, содержит концепцию формирования мировых экономических систем (миров-экономик), возникающих в течение последних столетий вокруг бассейнов сначала Средиземного моря, затем вокруг акваторий Северных морей, Атлантики и Тихого океана.¹

Миросистемы включаются в систему пяти форм расширяющегося времени, соответственно, целостных пространственно-временных образований истории. Это: история событий, история циклов, история переходных процессов (кризисов), история больших длительностей (long duree) существования миросистем и история времени для мудрецов, в которой время рассматривается как вечность.

В последней трети XX века Нобелевский лауреат Илья Пригожин разработал теорию неравновесных систем, переходящих из состояния хаоса в состояние порядка и наоборот. Из этой теории следует гипотеза о порождении стрелы времени асимметрией между прошлым и будущим. Свою теорию Пригожин экстраполировал на социальные структуры глобального масштаба.

В конце XX профессор Мануэль Кастельс² продолжает глобальные исследования, которые начали в 60-х гг. XX века Г.Кан, Д.Белл, Дж.К.Гэлбрейт, О.Тоффлер и другие разрабатывает свою концепцию постиндустриального общества, захваченного информацион-

ной эпохой общественного производства в котором сетевая структура социального пространства, сжимается в каждой темпоральной точке. И, как понятно, информационная эпоха — это пространственно временная структура общества, в которой господствуют геоэкономические, геополитические, геочивилизационные процессы, представляющие собой социальный базис глобального кризиса.

Из концепции Валлерстайна-Броделя следует глобальная тенденция мирового развития: со времени великих географических открытий, в течение последних 500 лет глобальный центр мира дрейфует по поверхности планеты, перемещаясь, в конце XX — начале XXI века в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Учет альтернативных теоретических концепций современного мирового процесса обогатит концептуальный аппарат глобальной аналитики мирового процесса. Мы имеем ввиду миросистемный подход И.Валлерстайна, геополитическую концепцию Зб. Бжезинского, включающую глобально-цивилизационную миссию США в создании мировой сетевой цивилизации, концепцию столкновения мировых цивилизаций, сформированных мировыми религиями христианства и ислама С.Хангтингтона. В этот ряд необходимо включить концепцию П.Бьюкенена о смерти Запада (The Death of West) в силу прогнозируемого им этно-культурно-демографического замещения населения Европы и Северной Америки эмигрантами из Азии, Африки и Латинской Америки, альтернативную концепцию Ф.Фукуямы о «конце истории» (имеется ввиду завершение истории Запада), который прогнозируется им в силу абсолютного доминирования западных ценностей.

Экстраполяция этой **глобальной тенденции** на ближайшие 50-70 лет означает следующее: в связи с исчерпанием энергетических и природных ресурсов Европейско-Азиатского региона — сердцевинной территории оси мирового развития — Heartland, как говорил в начале XX века знаменитый английский геополитик сэр Хэлфорд Маккиндер, в силу нарастающей интенсификации их использования странами Запада геоэкономический центр мира переместится в Азиатско — Тихоокеанский регион.

Далее, в связи и глобальным потеплением климата и вместе с ним, глобально-цивилизационный центр мира в XXI веке постепенно сместится в Арктический регион — место развития кластера циркумполярных стран Европы, Северной Америки и Северной Азии.

Эта глобальная мегатенденция мирового процесса вполне реальна.

Это подтверждается резким усилением на рубеже XX–XXI вв. активности стран Арктического региона: США (Аляска), Гренландии, Исландии, Канады, Швеции, Норвегии, Финляндии, России, а также международных, государственных и общественных организаций, поскольку именно здесь столкнутся их геоэкономические, геополитические и геочивилизационные интересы в XXI веке. Заметим, что первая очередь новой ПРО США уже проходит испытание на Аляске.

Это подтверждают и проекты создания глобального североширотного транспланетарного комплекса, включающего трансконтинентальные супермагистралы, в том числе транс-североамериканскую и транс-евроазиатскую магистралы¹. Если смотреть еще дальше, то глобальные катаклизмы либо вытеснят остатки цивилизации в ближний космос, либо загонят ее в океанские глубины.

Картина глобализации мирового процесса в более отдаленной перспективе будет неполной без учета уже наступающей космизации геополитики. Мы имеем ввиду превращение геополитики, как борьбы континентальных стран с океаническими за мировое господство, в космополитику, как **борьбу за превращение космоса в важнейшую сферу не столько национальной и международной противоракетной обороны, сколько в главный признак принадлежности страны к ядру держав, определяющих будущее мира.**

Рассмотрим теперь основные тенденции экономического аспекта глобализации в последние десятилетия. Статистически экономическая глобализация² дает себя знать середине XX в. по динамике объема международной торговли, по отношению объема экспорта к объему ВВП и другим показателям.

Статистические данные указывают на то, что экспоненциальный рост международной торговли начинается с середины XX в. Этот рост называют революцией в международной торговле, поскольку глобализация – это, прежде всего взрывной рост и интенсификация товарных и финансовых потоков, идущих через границы национальных государств.

Таким образом, различие между глобальной экономикой и глобальной совокупностью национальных экономик фундаментально. До тех пор, пока экономические системы остаются преимущественно национальными, правительства в значительной степени сохраняют контроль над экономическим развитием своих стран. Они могут влиять на производство, занятость, цены и уровень доходов в своих госу-

дарствах. Национальная экономическая система по определению предоставляет национальному правительству большие возможности.

Когда растущие глобальные потоки товаров, услуг, денег, инвестиций и перемещающихся из страны в страну людей (в качестве работников или туристов) начинают преобладать над возможностями правительств контролировать экономические процессы на своей территории, совокупность национальных экономик становится глобальной экономикой, а процесс ее становления и развития называют глобализацией.

Динамика отношения объемов экспорта из развитых стран к ВВП с середины XX в. и в абсолютных и в относительных величинах свидетельствует об ориентации национальных экономик развитых стран на мировые рынки, рост которых является четким критерием глобализации транснациональной. Стремительный рост числа и размеров транснациональных корпораций (ТНК), возникновение мировых рынков сырья, капитала, рабочей силы также приходится на 1950-е годы.

Приведенные данные говорят о том, что в начале — середине XX в. параллельно «революции» международной торговли и возрастанию роли ТНК происходила «революция» международной бюрократии, выразившаяся в беспрецедентном росте числа как межправительственных, так и неправительственных международных организаций. Происходит отчуждение части национально-государственного суверенитета в пользу созданных межправительственными соглашениями организаций, действующих на супернациональном уровне (ООН, ЮНЕСКО, Мировой банк и т.д.), и неправительственных транснациональных организаций, действующих на субнациональном уровне, но на территории многих государств, как, например, Greenpeace, Amnesty International, Human Rights Watch, ныне печально знаменитая Аль-Каида и т.д.

Становление транснациональной экономической политики — глобализации, выходящей за границы национальных государств, происходит вслед за крушением версальской (1919) системы международных отношений, второй мировой войной (1939—1945) и «холодной войной» конца 1940-х — начала 1960-х гг.

Несмотря на то, что в начале XXI в. концепция глобализации находится в зените популярности, проблема адекватности глобализационной парадигмы новейшим реалиям времени, прежде всего, тотальной его конфликтности, только начинает осознаваться исследователями глобализации.

Начало исследований экономической глобализации положил в конце 80-х гг. XX в. Эдвард Лютвак,¹ консультант Совета по национальной безопасности и Госдепартамента США. Э.Лютвак ввел в научно-аналитический оборот понятие «геоэкономика», которую определил как дисциплину, изучающую конкуренцию между государствами как субъектами глобальной экономики. Эту линию продолжили его западные последователи К.Жан и П.Савона. Э.Лютвак предложил определить «новую экономику» как «турбокапитализм».

А.Дугин трактует турбокапитализм так: «В турбокапиталистической экономике — в отличие от экономики классического индустриального капитализма — чисто финансовый спекулятивный сектор, фондовая игра, высокорискованные и краткосрочные операции с ценными бумагами (что ранее составляло лишь фрагмент классической экономики, ее довольно сектор) непропорционально возрастает, автономизируется, отрывается от классических моделей хозяйственного баланса, где область чистых финансов всегда сохраняет коррелятивность с производством, динамикой соотношения спроса и предложения».²

В России исследование геоэкономики продолжают А.Некlessа, Г.Кочетов.¹ обстоятельный анализ соотношений понятий «геоэкономика» и «геополитика», а также коллизии вживания категории «геоэкономика» в научный оборот сообщества российских глобалистов осуществил В.Цимбурский.²

В одной из первых и основательных работ по глобализации мировой экономики «Глобализация»³ (Лондон, 1992) Р.Робертсон в своей книге справедливо утверждал, что глобализация началась с момента возникновения капитализма в XVI в. и прошла несколько стадий.

Западные исследователи под современной глобализацией подразумевают так называемую постмодернизационную глобализацию как новейшую форму экономической трансформации общества, особый самостоятельный тип социальной трансформации. Есть также попытка смягчить категоричность выделенных направлений, особенно противоречие между современной и постсовременной глобализацией. Ее предпринимает, например, Ж.Н.Питерс в своей концепции глобализации, называемой им гибридизацией. Исторически первая трактовка глобализации как фазы модернизации осуществлена Э.Гидденсом, А.Тойнби, П.Бергером и др. Социологи ведут дискуссии в социологии по вопросу о том, что является социальной единицей,

называемой “общество”. Это и нация-государство и цивилизация как группа родственных по культуре наций-государств.

Р.Робертсон и М.Фетерстоун¹ выясняют перспективы превращения международного сообщества в глобальное общество и вытеснения понятия “нация-государство” как тип общества на периферию социологического анализа. **Модернизация и глобализация – сугубо западные экзистенциалы развития цивилизации.** Восточные цивилизации, СССР и Россия в рамках модернизации пытались догнать(заметим уже в скобках, и перегнать) Запад, то есть модернизироваться. Модернизация как прогресс в 90х гг. замещается глобализацией кластерного ядра западных стран и стремлением их подчинить экономику стран глобализационной периферии.

Современная социология постулирует **общий смысл глобализационных трансформаций как “новый мир возникающих новых миров”**, как хаос, анархия и аномию в качестве важных проблем социологического анализа; отказ от идеи прогресса. Современная форма глобализации лучше всего описывается Робертсоном. Он вводит термин “глокализация”., состоящий из соединения двух слов “глобализация” и “локализация”, для подчеркивания их взаимного осуществления в настоящее время. Глобальное не исключает локального, и наоборот, существует много способов практической глокализации, т.е. комбинации локального и глобального.

Доминантой процесса глобализации возрастающая самодостаточность экономики развитых стран Запада. Директор Центра исследований постиндустриального общества (Москва) В.Л.Иноземцев² даёт следующую характеристику процесса консолидации развитых стран при возрастающем отставании бедных стран, которые остаются бедными не столько вследствие их эксплуатации, сколько в результате собственной неспособности к самостоятельному развитию Этот тезис аргументируется следующим образом:

1. Западные страны освобождаются от зависимости в области поставок сырья (с 1980 по 1997 гг. потребление нефти и газа в расчёте на доллар валового национального продукта снизилось в США на 29 %; в странах ОЭСР прогнозируется снижение в ближайшие годы в 10 раз – с 300 кг на \$100 производимого ВВП в 1996 г. до 31 кг в 2015 г.).

2. Семь ведущих постиндустриальных держав мира абсолютно доминируют в сфере высоких технологий (они обладают 80,4 %

мировой компьютерной техники, 90,5 % высокотехнологичного производства, 87 % всех зарегистрированных в мире патентов, на НИОКР затрачивается, в среднем, около \$400 млрд. в год).

3. Западные страны добились превосходства в сельском хозяйстве (экспорт сельхозпродукции США в сопоставимых ценах вырос почти в 10 раз).

4. Чётко выражается в характеристике международной торговли (суммарный ВНП всех государств мира вырос с 1950 по 1992 гг. с 3,8 до \$18 трлн.) Объём торговых оборотов повысился за этот период с 0,3 до \$3,5 трлн. При этом структура этих торговых потоков изменилась следующим образом: в 1953 г. потоки внутри индустриально развитых стран составляли 38 % экспорта, в 1963 г. — 49 %. В 1973 г. — 54 %, в 1987 г. — 54 %, а в 1990 г. — уже 76%. Развивающиеся страны и новые индустриальные государства вносят непропорционально малый вклад в мировую торговлю (в 1998 г. Китай поставлял на мировой рынок меньшую по стоимости товарную массу, чем Бельгия).

5. Тенденция к самозамыканию постиндустриального мира выражается в динамике международных инвестиционных потоков (известно, что США являются как крупнейшим инвестором в активы зарубежных компаний, так и крупнейшим реципиентом иностранных капиталовложений. В 1970—1990 гг. компании Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швеции, Нидерландов обеспечивали 85% всех инвестиций США и выступали объектами для более чем 60% американских капиталовложений за рубежом. В 1970 г. в Европу направлялось менее трети всех американских инвестиций, сегодня — более 50 %, в новые индустриальные страны Азии — не более 8%, а в Мексику — около 3%. Развитые страны вкладывают средства в передовые секторы хозяйства друг друга: в начале 90-х гг. 63% американских инвестиций в Европу направлялось в сервисный сектор, а 31% — в индустриальное производство; европейцы же вкладывали средства в американскую промышленность (49%), а также — в банковскую и финансовую сферы (25%), доля японских инвестиций в промышленное производство не превосходит 18% для США и 16% для Европейского союза).

6. Консолидация развитых стран в условиях современной глобализации характеризуется структурой мирового рынка труда (сегодня в ЕС лишь 2% рабочей силы находит своё применение вне национальной границы, а потоки иммигрантов постоянно возрастают. Это вызывает негативное отношение к иммигрантам, которое разделяют

около 30% французов, до 40% немцев и свыше 40% бельгийцев. В 50-е гг. 68% легальных иммигрантов США приезжали из Европы или Канады, в 80-е гг. более 83% были азиатского или латиноамериканского происхождения).

7. Глобализация резко ухудшает положение развивающихся стран (разница в номинальных доходах между гражданами индустриального мира и остальным человечеством выросла с \$5,7 тыс. в 1960 г. до 415,4 тыс. в 1993 г. Это означает, что 1/5 часть человечества (золотой миллиард) обладает в 60 раз большим богатством, нежели самая низшая 1/5 часть. Показатель ВВП на душу населения в течение последних 70 лет увеличился в развитых странах почти в 3,5 раза быстрее, чем в «Третьем мире». Производя 1,4% мирового ВВП, беднейшая часть планеты обеспечивала в начале 1993 г. всего лишь 0,98% мировых сбережений и 0,95% мирового торгового оборота. Поэтому, постиндустриальным странам выгоднее безвозмездно передавать часть своего ВВП «Третьему миру», чем рассчитывать на экономическую отдачу от вложений в экономику развивающихся стран. Так страны тропической Африки получают по программам помощи больше средств, чем объём направляемых туда иностранных инвестиций.

В.Л.Иноземцев приходит к выводам:

1. Геоглобализация приводит к невиданной концентрации общественного богатства в постиндустриальных странах, поскольку подавляющая часть мирового валового продукта создаётся в пределах относительно небольшой совокупности стран.

2. Страны постиндустриального мира вступили в XXI век, не имея себе достойных конкурентов, и в этом смысле происходит становление и доминирование нового типа исторической цивилизации — экономически однополярного мира.

3. В противоположность планетарному полюсу глобализированной экономики постиндустриального мира выступает полюс глобальной нищеты и отсталости.

4. В современных условиях любая хозяйственная система, широкомасштабно не заимствующая технологии и знания у развитых наций и не имеющая экспорта своей продукции на рынки постиндустриальных стран, неспособна к развитию.

В.Л.Иноземцев на основе своих выводов предостерегает сторонников глобализации в нашей стране тем, что присоединение России к полюсу нищеты может оказаться последним шагом в истории некогда великой и могучей страны.

На наш взгляд, невиданная доселе концентрация общественного богатства в постиндустриальных странах — глобальных субъектах требует более общего вывода о нарастающем в течение второй половины XX века противоречии. Это противоречие между кластером субъектов глобальной экономики — группой постиндустриальных стран и геоэкономической периферией. Противоречие, которое проявляется в множестве глобальных и локальных экономических, этнических и геополитических конфликтов, порождаемых глобализацией.

Лауреат Нобелевской премии Майкл Интрилигейтор, профессор экономики и политологии Калифорнийского университета, г. Лос Анджелес (США)¹ считает, что глобализация стала важным реальным аспектом современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих дальнейший ход развития нашей планеты. Она затрагивает все области общественной жизни, включая экономику, политику, социальную сферу, культуру, экологию, безопасность и др.

Имеет место разная реакция на процесс глобализации, в которой одни усматривают серьезную угрозу мировой экономической системе, а другие видят средство дальнейшего прогресса мировой экономики. Несомненно, глобализация содержит как позитивные, так и негативные аспекты. Ее позитивное влияние связано с эффектом конкуренции, к которой она неизбежно ведет, а негативное — с потенциальными конфликтами, которыми она чревата.

Глобализация вызвала обострение международной конкуренции. Конкуренция и расширение рынка ведут к углублению специализации и международного разделения труда, стимулирующих, в свою очередь, рост производства не только на национальном, но и на мировом уровне. Глобализация несет с собой не только преимущества, она чревата негативными последствиями или потенциальными проблемами, в которых некоторые ее критики усматривают большую опасность.

1. Одна из основных проблем связана с вопросом, кто оказывается в выигрыше от глобализации. Фактически основную часть преимуществ получают богатые страны или индивиды. Несправедливое распределение благ от глобализации порождает угрозу конфликтов на региональном, национальном и интернациональном уровнях. В результате глобализации происходит не конвергенция или выравнивание доходов, а скорее их поляризация. В процессе ее быстроразвивающиеся страны входят в круг богатых государств, а бедные

страны все больше отстают от них. Растущий разрыв в доходах вызывает недовольство с их стороны, чреватое международными конфликтами, поскольку государства стремятся присоединиться к клубу богатых стран и готовы бороться с ними за свою долю в мировом производстве.

2. Вторая проблема связана с потенциальной региональной или глобальной нестабильностью из-за взаимозависимости национальных экономик на мировом уровне. Локальные экономические колебания или кризисы в одной стране могут иметь региональные или даже глобальные последствия. Такая возможность носит не только теоретический характер, а является вполне реальной, что подтверждает финансовый кризис в Азии, начавшийся летом 1997 г. в Таиланде, а затем перекинувшийся на другие страны Юго-Восточной Азии, дойдя и до Южной Кореи. Подобные явления свидетельствуют о большой уязвимости взаимосвязанных экономик.

Мировой спад или депрессия способны повлечь за собой призывы разорвать взаимные связи и зависимости, созданные в ходе глобализации, как это произошло во времена Великой депрессии 30-х годов в США. Результатом может стать экономический конфликт с угрозой превращения в экономическую войну или даже военное столкновение.

3. Третий круг порождаемых глобализацией проблем вызван опасением, что контроль над экономикой отдельных стран может перейти от суверенных правительств в другие руки, в том числе к наиболее сильным государствам, многонациональным или глобальным корпорациям и международным организациям. В силу этого некоторые усматривают в глобализации попытку подрыва национального суверенитета. По данной причине глобализация может вызвать у национальных лидеров чувство беспомощности перед ее силами, а у электората – антипатию к ней. Такие настроения могут легко перейти в крайний национализм и ксенофобию с призывами к протекционизму, повлечь за собой рост экстремистских политических движений, что потенциально чревато серьезными конфликтами.

4. Иногда в разряд издержек глобализации относят безработицу в экономически развитых странах с высоким уровнем заработной платы. Но это утверждение опровергается низкой нормой безработицы во многих из них и ее высоким уровнем в государствах с низкой заработной платой. Национальная политика и технологический прогресс являются более важными детерминантами занятости, чем факторы глобализации.

С глобализацией увязывают и миф о том, что она угрожает социальному благосостоянию некоторых стран, однако значительно большее влияние на эту сферу оказывают другие факторы — налоговая политика и демографические тенденции.

В обоих случаях глобализация обычно используется для оправдания провалов в национальной политике тех или иных государств.

5. Экономические процессы являются лишь одной из сфер воздействия глобализации, которая имеет последствия и неэкономического характера, сопряженные с огромными рисками, потенциальными издержками и даже возможностью катастрофы. Одной из таких областей является сфера безопасности, где глобализационные процессы могут привести к возникновению конфликтов. Другая область — это политические кризисы, способные перерасти из локальных в крупномасштабные события, а если их вовремя не устранить, то привести к катастрофе. В качестве третьей сферы можно назвать экологию и здравоохранение. Глобальные взаимосвязи чреватые и глобальными экологическими бедствиями, связанными, например, с всеобщим потеплением и изменением климата, широкомасштабными эпидемиями.

Дубнов А.П.

ЦИРКУМПОЛЯРНЫЕ СТРАНЫ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В СЦЕНАРИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ

Начнем с трех аксиом, на которые опираются основные положения и выводы раздела.

Первая аксиома. В мировом процессе XX столетия возникают и существуют глобальные субъекты, которые борются за концентрацию планетарных ресурсов и научный интеллект цивилизации, за глобальную политическую волю.

Вторая. Человечество не является единым субъектом мирового процесса. На планете никто не отвечает за судьбы цивилизации.

Третья. Арктическая цивилизация включена в мировую цивилизацию и зависит от происходящих в ней процессов.

Из этих аксиом вытекает следующее.

История и логика борьбы за геополитическое, геоэкономическое, гецивилизационное и религиозно-культурное лидерство и ресурсы развития на планете говорит о том, что этот процесс присущ

всей мировой истории. Становление и развитие планетарной глобализации длится в течение последних 500 лет.

Начало глобализации было положено в начале XV века европейцами, открывшими для себя Новый свет и подключившими Америку к западной цивилизации.

В процессе глобализации между субъектами мирового процесса ведется непрерывная борьба за геопланетарные ресурсы за континентальную сушу, ее природно-ресурсные ареалы и недра, за акватории и глубины Мирового океана, за ресурсы космопланетарного пространства.

Геополитики и геоэкономисты сегодня справедливо считают, что в ближайшие десятилетия XXI века мировые игроки на «великой шахматной доске» геополитики и геоэкономики (по З.Бжезинскому) делают ставку на нефть и газ Евразийского макрорегиона.

Но этим поле борьбы не покрывается. Претензии глобальных игроков идут дальше борьбы за ресурсы. Они претендуют на мировое лидерство, на глобальное управление мировым развитием, мировым процессом в целом.

В течение XX века пять претендентов на мировую власть и лидерство — Великобритания, Германия, Япония, СССР и США — уже сыграли и на первый раз проиграли свои партии.

Однако, нет никаких оснований думать, что претензии на мировое лидерство не повторятся. Еще не реализованы глобально-силовые, глобально-экономические, геокультурные и георелигиозные притязания мировых игроков на реванш, на управление миром. Еще не исчерпан **цивилизационный потенциал** появления новых глобальных субъектов.

Сегодня глобалисты обсуждают различные сценарии развития мирового процесса: столкновения цивилизаций (С.Хантингтон), конца западной истории (Ф.Фукуяма) вообще, геодемографической гибели Запада и России из-за вытеснения титульных наций мигрантами-инородцами (П.Бьюкенен), вход мировой цивилизации в информационную эпоху (Э.Кастельс) и другие.

Более того, есть основания думать, что начавшаяся информационная эпоха сетевой цивилизации только открывает скрытые доселе возможности для легитимных и криминальных субъектов глобального масштаба. Отсюда призывы к глобальной прозрачности ТНК, отсюда глобальная борьба с мировыми и внутренними оффшорами, отсюда бесконечная борьба с глобальной преступностью.

Центральный научный вопрос, на мой взгляд, заключается в анализе того, может ли стать Арктическая цивилизация в составе стран Северной Америки, Северной Европы, Северной Азии, в их числе России, новым равномоощным субъектом мирового процесса в условиях глобализации и постглобализации, существуют ли для этого объективные и субъектные предпосылки.

Я считаю, что объективные геэкономические, геополитические и геокультурные предпосылки глобальной идентификации Арктической цивилизации в мировом процессе существуют.

Первая предпосылка. Миросистемная концепция глобального развития геэкономиста И.Валлерстайна и историка Ф.Броделя, созданная в 70-е годы XX века, содержит концепцию формирования мировых экономических систем (миров-экономик), возникающих в течение последних столетий вокруг бассейнов сначала Средиземного моря, затем вокруг акваторий Северных морей, Атлантики и Тихого океана.

Из концепции Валлерстайна-Броделя следует глобальная тенденция мирового развития: со времени великих географических открытий, в течение последних 500 лет глобальный центр мира дрейфует по поверхности планеты, перемещаясь, в конце XX — начале XXI века в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Экстраполяция этой **глобальной тенденции** на ближайшие 50-70 лет означает следующее: в связи с исчерпанием энергетических и природных ресурсов Европейско-Азиатского региона — сердцевинной территории оси мирового развития — Heartland, как говорил в начале XX века великий геополитик сэръ Хэлфорд Маккиндер, в силу нарастающей интенсификации их использования странами АТР и глобальным потеплением климата, геэкономический центр мира, а вместе с ним глобально-цивилизационный центр в XXI веке **постепенно сместится в Арктический регион** — место развития кластера циркумполярных стран. Если смотреть еще дальше, то глобальные катаклизмы либо вытеснят остатки цивилизации в ближний космос, либо загонят в океанские глубины.

Вторая предпосылка. На рубеже XX—XXI вв. резко усилилась активность стран Арктического региона: США (Аляска), Гренландии, Исландии, Канады, Швеции, Норвегии, Финляндии, России, а также международных, государственных и общественных организаций, поскольку именно здесь столкнутся их геэкономические, геополитические и геочивилизационные интересы в XXI веке.

Это подтверждают проекты создания глобального североширотного транспланетарного комплекса, включающего трансконтинентальные супермагистралы, в том числе транс-североамериканскую и транс-евроазиатскую магистралы.

Третья предпосылка. Глобалистика как исследование глобальных процессов, обобщающая геополитику, геоэкономику, геодемографию, геоэкологию, в целом — геочивилизационное, историческое, современное и футурологическое знание о планетарной цивилизации базируется на трех основаниях :

- на сетевой парадигме научного анализа глобальной цивилизации,

- на информационной структуре базисных процессов геоэкономики, геополитики, всех вышеназванных и не названных экзистенциалов глобальной цивилизации,

- на глобальных конфликтах между субъектами мирового процесса, отстаивающих свои интересы не столько в свободной мировой экономической конкуренции, сколько в мировых цивилизационных войнах и в террористических актах регионально-мирового и глобального масштабов.

Конфликтно-сетевая парадигма научного анализа мирового процесса оперирует следующими понятиями:

- глобальные и локальные сети, формирующие пространство мирового процесса,

- глобализация и регионализация мирового процесса,

- дрейф центра глобальной цивилизации по географическому пространству планеты,

- *иерархия глобальных сетевых структур*, формируемая взаимодействием и связями субъектов мирового процесса.

- *собственно субъекты мирового процесса* (цивилизационные структуры глобального общества, национальные государства, политические альянсы национальных государств, транснациональные корпорации, мировые регионы и мощные регионы различных стран, мировые города, глобальные криминальные и террористические организации, религиозные структуры и т,

- *конфликты между субъектами мирового процесса*,

- асимметрия между прошлым и будущим и бифуркация цивилизации в точке глобального конфликта, порождающие стрелу времени и его необратимость.

Поясню последний пункт. В последней трети XX века Нобелевский лауреат Илья Романович Пригожин разработал теорию нерав-

новесных (диссипативных) структур, переходящих из состояния хаоса в состояние порядка и наоборот. Из этой теории он делал о том, что асимметрия между прошлым и будущим порождает стрелу времени, задает направление исторического времени.

Необратимость времени непосредственно возникает в связи с бифуркацией сверхсложных и в силу этого сверх неустойчивых систем. Бифуркация означает распад неустойчивой суперсистемы на фрагменты, которые невозможно вернуть в предшествующее состояние. Свою теорию Пригожин экстраполировал на социальные структуры глобального масштаба. Наша цивилизация относится именно к таким сверхсложным неустойчивым системам. Поэтому я включаю в конфликтно-сетевую парадигму это фундаментальное положение.

Рассмотрим теперь, куда ведет наше глобальное сообщество стрела времени и каковы возможные сценарии бифуркационного распада постглобальной цивилизации. Глобальное человечество как сверхсложная система, и это уже видно всем наблюдателям, а не только глобалистам, эволюционистам и эсхатологам, находится в состоянии неустойчивости, то есть, в состоянии глобального кризиса развития. Даже в состоянии «управляемого хаоса, движения к нестационарной системе мировых связей» (А.Неклесса).

Создатели космогонических мифов и творцы бифуркационной парадигмы развития природы и планетарного сообщества знают, что хаос — великое состояние, грандиозное своими как деструктивными, так и креативными, созидательными потенциями, возможностями различных исходов бифуркационного кризиса природных и социальных систем.

Общеизвестные образы хаоса и бифуркации в VIII — XX веках — это социальная революция и научная революция, в смысле Т. Куна. Это мировые войны, из которых проистекает все, что угодно, только не то, что предполагали их инициаторы.

В этом смысле и социалистическая революция 1917г. в России — это хаос и бифуркация, Вторая мировая война — это бифуркация, информационная революция — это бифуркация, реализация возможностей генной инженерии — это бифуркация.

И так далее. Уточним только, что чем сложнее система, находящаяся в кризисе, тем большее количество разрешений кризиса она провоцирует, но обязательно всегда больше двух. И бифуркация становится полифуркацией.

Представим пространство возможных состояний (оптимистических, пессимистических и запредельных сценариев) мирового про-

цесса, возникающих вследствие глобализации и возможных вследствие хаотической неупорядоченности, кризиса нашей цивилизации.

А также вследствие начинающейся бифуркации в масштабах истории переходных процессов (кризисов) и истории больших длительностей (*long duree*), обсуждаемых в научной литературе и в Интернете (Ф.Бродель, И. Валлерстайн, В.Кутырев, В.Тростников, С.Хантингтон, Ф.Фукуяма, Э.Бжезинский, П.Бьюкенен, А.Неклесса, А.Столяров и др.).

Оптимистические сценарии

1. Мировое сообщество трансформируется в однополярный мир под эгидой одного из глобальных субъектов. Цивилизация развивается под его управлением. В зависимости от системы ценностей этого субъекта (либеральные ценности экономической глобализации, ценности конфуцианства, ценности ислама, ценности евразийства и другие) в мире накапливается потенциал противостояния ценностям глобального субъекта.

2. Мировое сообщество снова трансформируется в биполярный мир. Две супердержавы снова борются за мировое господство с помощью ядерного оружия и иного ОМУ. Мировое сообщество раскалывается и примыкает к супердержавам, образуя враждующие блоки.

3. Мировое сообщество развивается как устойчивый многополюсный мир, в котором Россия является одним из глобальных субъектов. Международная и национальная безопасность поддерживается балансом сил на основе ядерных наступательных и оборонительных вооружений.

4. Мировое сообщество развивается как информационная, устойчивая глобально-экономическая сетевая цивилизация. Ядерное оружие и политика силы исключаются из международных отношений в качестве главного средства разрешения мировых конфликтов.

Пессимистические сценарии

1. Мировое сообщество находится в состоянии постоянных конфликтов типа современных локальных войн, атиглобалистских акций, актов террора и антитеррористических акций.

2. Мировое сообщество существует как хаотичный, дезинтегрированный мир. Мир существует без какой бы то ни было

конструкции мирового порядка. Легитимные и криминальные структуры сосуществуют и постоянно меняются местами. Субъекты всех рангов вступают в отношения друг с другом исключительно в форме агрессии и насилия в процессе борьбы за жизненное пространство и ресурсы. Под воздействием глобального терроризма и мирового криминалитета мир охвачен процессом распада западной и мировой цивилизации. За информационной стадией развития возможен обратный ход истории. Цивилизация откатывается к состоянию нового варварства, возможно, дикости.

3. Возможна открытая борьба за геопланетарные, в том числе, селитебные территории и природные ресурсы России – Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока

Запредельные сценарии (масштаб времени вечности)

1. Когда по деструктивным в целом для цивилизации (по социально-деструктивным, планетарно-экологическим или деструктивно – космическим) условиям и обстоятельствам жизнь на Земле станет невозможной, остается переселение какой-то части человечества в Космос.

2. Гибель земной цивилизации.

В заключение доклада позвольте в **качестве выводов** предложить следующие ответы на вопрос: **Как соотнести будущее Арктической цивилизации с альтернативными сценариями будущего мировой цивилизации?**

1. В результате многообразия и общности локальных интересов субъектов мирового сообщества в Арктическом регионе уже сформировались многочисленные союзы, сообщества и организации, в т. ч. российские, европейские и северо-американские, со своими экономическими, экологическими, этно-национальными, культурно-го и научными интересами.

2. Неразрывная связь между геополитической, геоэкономической, этнокультурной и культурно-цивилизационной сферами мировой цивилизации и мирового развития инициирует страны Арктического региона акцентировать циркумполярную идею экономического и культурного сотрудничества, постулировать наличие новой геоцивилизационной идентичности – Арктической цивилизации.

3. Пессимистические сценарии — это черная дыра социума, в которой бесследно исчезают, гибнут любые цивилизации. Наиболее благоприятен для развития **Арктической цивилизации оптимистический сценарии 3 и 4:**

— мировое сообщество развивается как устойчивая глобально — экономическая сетевая информационная цивилизация. Ядерное оружие и политика силы исключаются из международных отношений в качестве главного средства разрешения мировых конфликтов. Не исключено, что при бифуркации возникнет еще не один благоприятный, но сегодня непрогнозируемый сценарий;

— мировое сообщество развивается как информационная, устойчивая глобально — экономическая сетевая цивилизация. Ядерное оружие и политика силы исключаются из международных отношений в качестве главного средства разрешения мировых конфликтов.

не исключено, что при бифуркации возникнет еще не один благоприятный для Арктической цивилизации, но сегодня непрогнозируемый сценарий.

Постглобализация трансформирует старый порядок вещей, сложившийся к концу XX века. Новая структура мировой цивилизации — иерархическая сетевая организация взаимопроникающих активностей экономических субъектов и информационных потоков, от локального до глобального уровней, порождает новый, **глобальный регионализм** Арктической цивилизации новую роль пространственно-территориальных субъектов в глобальной экономической активности.

4. Чтобы реализовать благоприятные возможности оптимистических сценариев постглобализационной цивилизации Арктическая цивилизация должна стать глобальным субъектом мирового процесса.

Она должна будет обладать:

— собственной ценностной системой,
— своими целевыми установками,
— политической, экономической и интеллектуальной мощью и волей, организацией и ресурсами,

— способностью принимать стратегические решения, необходимыми для того, что бы встраиваться в разно уровневые сетевые пространства мирового процесса,

— а в пределе, подобно действующим глобальным лидерам — направлять или корректировать мировую динамику по собственным сценариям мирового развития.

СНОСКИ

¹ См.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск, 1973; Миненко Н.А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978; Горюшкин Л.М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984; и др.

² См.: Омельчук А.К. Салехард. Свердловск, 1978; Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999; и др.

³ См.: Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003; и др.

⁴ См.: Переход к социализму народов Севере: Историограф. очерк. Под ред. В.А. Зибарева. Томск, 1974; Алексеев В.В. Уральская историография на рубеже третьего тысячелетия // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998; Бакунин А.В., Гаврилов Д.В., Камынин В.Д., Побережников И.В. Историография истории Урала // Урал. историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998; 2000. 2-е изд.; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Проблемы изучения истории Тюменской области в отечественной историографии // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2001. Тюмень, 2002; Они же. Историография Сибири // Энциклопедия Тюменской области. Тюмень, 2004. Т. 2; и др.

⁵ См.: Этносоциологические исследования в России в 1990-х годах: итоги и перспективы. Научно-аналитический обзор. М., 1996; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999; Они же. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века. Тюмень, 2004

⁶ См.: Корчагин Ю.И. Народы Севера России в двадцатом столетии: процесс преобразования в западноевропейской и североамериканской историографии. М., 1994

⁷ См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историография Ямала // Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Тюмень, 2004. Т. 2

⁸ См.: Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения; 1910. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам; Тобольск, 1911. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев

⁹ См.: Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб., 1913

¹⁰ См.: Евладов В.П. В тундрах Ямала. 1930; Его же. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992; Альбом ямальских экспедиций В.П. Евладова. М., 1998

¹¹ См.: Национальные округа Севера СССР. М., 1964; История национально-государственного строительства в СССР. М., 1968. Т. 1; и др.

¹² См.: Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1966; Ее же. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976; и др.

¹³ См.: Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982; и др.

¹⁴ См.: Скачко А.Г. Очередные задачи Советской власти среди малых народов Севера. М., 1931; Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937; Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952; Его же. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968; Сергеев М.А. Народы Обского Севера. Новосибирск, 1953; Его же. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л., 1955; Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972; Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974; и др.

¹⁵ См.: Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961; Увачан В.Н. Ленинская национальная политика и малые народы Севера // Сов. этнография. 1963. № 3; Киселев Л.Е., Мазуренко Г.А. Торжество ленинской национальной политики на Обском Севере. Тюмень, 1967; Клещенко И.П. Народы Севера и ленинская национальная политика в развитии. М., 1969; Его же. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972; Ленинская национальная политика КПСС и малые народности Севера. Томск, 1972.; и др.

¹⁶ См.: Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма (По материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов): Автореф. дис... канд. ист. наук. Омск, 1957; и др.

¹⁷ См.: Славный путь народов Севера (К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа). Омск, 1941; Степанов Н.Н. Ковязин Н.М. 25-летие северных национальных округов // Учен. зап. Ленинградск. пед. ин-та. 1957. Т. 133; 30-летие Ямало-Ненецкого округа (историко-экономический очерк). 1960; Ямало-Ненецкий национальный округ: Экономико-географическая характеристика. М., 1965; и др.

¹⁸ См.: Над нами полярная звезда. Свердловск, 1970; Омельчук А.К. Рыцари Севера. Свердловск, 1982; и др.

¹⁹ См.: Айпин Е.Д. О положении коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации. М., 1997; Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб., 1998; и др.

²⁰ См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998; 2000. 2-е изд.; Энциклопедия Тюменской области. В 3-х т. Тюмень, 2004

²¹ См.: Энциклопедия Ямала. В 3-х т. Тюмень, 2004

²² См.: Головнев А.В. Историческая типология хозяйств народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; Его же. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала. Тобольск, Тарко-Сале, 1994; Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999; Древности Ямала. Екатеринбург – Салехард, 2000; и др.

²³ См.: Омельчук А.К. На краешке земли. Свердловск, 1990; Ямал – проблемы развития. Тюмень, 1993; Сусой Е.Г. Из глубины веков. Тюмень, 1994; Годы и люди Ямала. М., 1995; Патрикеев Н.Б. Ямал: страницы былого. Салехард, 1995; Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995; Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард, 2000; и др.

²⁴ См.: Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002; Ее же. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003

²⁵ См.: Книга памяти Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 2000; и др.

²⁶ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 244.

²⁷ В российской юридической литературе XIX — начала XX вв. четкого определения сословий не было. Чаще термин обозначался таким образом: «Обыкновенно термином «сословие» обозначают отдельную группу подданных, своим юридическим положением каким-либо определенным образом отличающихся от остального населения, причем отличия эти передаются по наследству» (Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1.). См.: Ключевский В.О. История сословий в России. Мн., 2004. С. 3-18.

²⁸ См.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1. С. 22-48; Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 271-276; Лазаревский Н.И. Лекции. С. 83-96.

²⁹ Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. 9. Законы о состояниях.

³⁰ См.: Дамешек Л.М., Кузнецов А.С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3. С. 116-146; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-XX вв.). Иркутск, 1986. С. 46-61; Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1-2; Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация Сибирского законодательства. // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX века. Иркутск, 1988. С. 114-123; Дамешек И.Л. Сибирская административная реформа 1822 г. // Байкальская научная школа: проблемы региональной истории. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 164-167; Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII — начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России. (XIX-начало XX вв.). Новосибирск, 2002. С. 105-107.

³¹ ПСЗ-1. Т. 38. № 38126. См. также: Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVIII — начало XX века). Сб. актов и док. Тюмень, 1999; Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации. Екатеринбург, 1999. Т. 5. С. 296-315.

³² См.: Леонтович О.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Одесса, 1880. Ч. I; Кодан С.В. Российское государство и коренные народы: исторический опыт правового регулирования. // Росс. юрид. журнал. 1993. № 2; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративистское исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 146-154; Сперанский М.М.: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 64-78.

³³ Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. 9. Законы о состояниях. Хронолог. указатель. С. 11-44.

³⁴ Свод законов о состояниях. Изд. 1857 г. Разд. 5. Ст. 365-1511.

³⁵ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 350-351.

³⁶ Графский В.Г. Всеобщая история государства и права. Уч. для вузов. М., 2000. С. 308

³⁷ См.: Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.

³⁸ См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 192-196; Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С. 245-249.

³⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29156. Гл. VIII. § 35-37, 68-72.

⁴⁰ См.: Нольде А.Е. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». // Сергею Федоровичу Платонову — ученики и почитатели. Сб. статей. СПб., 1911. С. 502-521; Леонтонович Ф.И. К истории права русских инородцев. Одесса, 1880. Ч. 1. С. 3-12.

⁴¹ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 62.

⁴² Там же. С. 175-176.

⁴³ Там же С. 176.

⁴⁴ Дискуссия о влиянии татаро-монгол на русскую историю // Родина. 1991. № 8. С. 51.

⁴⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., Л., 1951. С. 46. Далее — «НПЛ».

⁴⁶ ПСРЛ. т. 30. С. 167.

⁴⁷ Там же. т. 15. С. 316.

⁴⁸ Псковские летописи ч. 1, 2. М.; Л., 1940-1950. Далее — «ПЛ».

⁴⁹ ПСРЛ. т. 15. С. 350.

⁵⁰ НПЛ. С. 71.

⁵¹ НПЛ. С. 80.

⁵² НПЛ. С. 322.

⁵³ НПЛ. С. 325, 327.

⁵⁴ Памятники литературы Древней Руси XIV — первой половины XV в. М., Л., 1982. С. 56.

⁵⁵ Морозов В. М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнем Приобье // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, Вып. 1, № 7. 1997. С. 20-22, 33-34. Первым обратил внимание на связь миграционных потоков древних коми в XII — XIII вв. в Приобье с ухудшением климатических условий С.Г. Пархимович (См.: Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 64-65).

⁵⁶ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 25.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. XII. С. 381.

⁵⁹ Миллер Г.Ф. Путешествие от Сургута вниз по рекам Оби и Иртышу до Тоольска. 1740 // Сибирь XIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 221-229.

⁶⁰ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 178-179.

⁶¹ НПЛ. С. 380.; ПЛ. С. 24.

⁶² Вычегодско-Вымская... С. 30.

⁶³ Сказание Авраамия Палицина. М., Л., 1955. С. 180.

⁶⁴ ПСРЛ, т. 37. С. 190.

⁶⁵ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 344-345.

⁶⁶ Собрание рукописей и старопечатных книг Проблемной археографической лаборатории УРГУ XV 5 П. / 2046.

⁶⁷ Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Указ.соч. С. 432-439.

⁶⁸ Там же. С. 161.; Туров С.В. Влияние эпизоотий на русское скотоводство Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 431.

⁶⁹ Конаков Н.Д., Котов О. В. Ижемцы в Мурманском заполярье // Родники пармы... С.52.

⁷⁰ Повод Н.А. К вопросу о начальном этапе формирования диаспоры ижемской группы коми-зырян в Северном Заполярье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 3. Тюмень, 2002. С.55-57.

⁷¹ Иевлев Д.Д. Жизнь Верхнеуссинского края и древний торговый путь через Северный Урал в низовьях реки Оби. М., 1914. С.10.

⁷² Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард, 2000. С.348.

⁷³Туров С.В. Старожильческое население Ямало-Ненецкого автономного округа: динамика и механизмы складывания субэтнической группы // Научный вестник. Вып. 11. Обдорья: история, культура, современность. Салехард, 2002. С.58.

⁷⁴ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 226-227.

⁷⁵ Обдорская волость в 1885-1886 гг. // ТГИАМЗ Научный архив. Л.37.

⁷⁶ Конаков Н.Д., Котов О.В. Ижемцы в Мурманском заполярье // Родники пармы... С.52.

⁷⁷ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Указ. соч. С. 358-360.

⁷⁸Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 36.

⁷⁹

⁸⁰ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л., «Наука», 1988. С. 16–17.

⁸¹ Цит. по: Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск, «Наука», 2001. С. 16.

⁸² Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 337.

⁸³ Цит. по: Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция, С. 17–18.

⁸⁴ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, С. 22–23.

⁸⁵ Цит. по: Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция, С. 17.

⁸⁶ Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90–99.

⁸⁷ Алексеев В.В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию Российской академии наук. Екатеринбург, 2000. С. 42; Опыт российских модернизаций. XVIII–XX в. М., 2000. С. 69.

⁸⁸ Bailes, Kendall E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Princeton University Press. 1978. P. 49.

⁸⁹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1927): Сб. документов. Л., 1968.

⁹⁰ Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция, С. 21–22.

⁹¹ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, С. 20–21.

⁹² Bailes, Kendall E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions. V. I. Vernadsky and his Scientific School. Indiana University Press. 1990.

- ⁹³ Цит. по: Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция, С. 17.
- ⁹⁴ Цит. по: Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., «Наука», 1971. С. 190–191.
- ⁹⁵ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, С. 26.
- ⁹⁶ Там же, С. 24–26.
- ⁹⁷ Там же. С. 75.
- ⁹⁸ Там же. С. 74.
- ⁹⁹ Дедюшина Н.А. Академия наук и проблемы Урало-Кузбасса // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 192.
- ¹⁰⁰ Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. С. 214–215.
- ¹⁰¹ Известия. 1926. 13 окт.; Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. С. 82.
- ¹⁰² Там же. С. 82–83.
- ¹⁰³ Артемов Е.Т. Проекты организации научных учреждений АН СССР в Западной Сибири в годы первых пятилеток // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988. С. 163.
- ¹⁰⁴ Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сб. док. Л., 1974. С. 169.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 170
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 174.
- ¹⁰⁹ Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург, 2002. С. 25.
- ¹¹⁰ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. С. 87.
- ¹¹¹ Там же. С. 88.
- ¹¹² Рубежи созидания. С. 30–31.
- ¹¹³ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. С. 65, 74, 100–101.
- ¹¹⁴ Вестник АН СССР. 1932. №8. С. 5.
- ¹¹⁵ Рубежи созидания. С. 38.
- ¹¹⁶ Цит. по: Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. С. 102.
- ¹¹⁷ Рубежи созидания. С. 57.
- ¹¹⁸ Там же. С. 61; Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. С. 103.
- ¹¹⁹ Беляев Е.А., Пышкова Н.С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Исторический очерк. М., 1979. С. 180–181.
- ¹²⁰ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. С. 98.
- ¹²¹ См. об этом: Аблажей Н.Н., Букин С.С., Водичев Е.Г., Ламин В.А., Тимошенко А.И. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2004. Раздел III. С. 107–166.
- ¹²² История организации и развития Западно-Сибирского филиала АН СССР // Наука в Сибири, № 11. (Март 2004). С.6.
- ¹²³ Скочинский А.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 4–5. С. 55.

- ¹²⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.4. С. 347–349.
- ¹²⁵ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг. Новосибирск, «Наука», 1982. С. 301.
- ¹²⁶ Там же. С. 281–287.
- ¹²⁷ Там же. С. 287–291.
- ¹²⁸ <http://www.ipdu.ru>
- ¹²⁹ Новый этап сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами. М., 1978. С. 105; Караваев А.П. Возможности развития экономических связей советского Дальнего Востока и Восточной Сибири с тихоокеанскими странами Латинской Америки. М., 1969. С. 11.
- ¹³⁰ Pitzner-Yorgensen F. *Siberia – foreign investment and trade, a comparison of recent experiences (after 1950) of CMEA and Western countries // Siberia*. Paris, 1985. P.360.
- ¹³¹ Внешняя торговля. 1978. №4. С.25.
- ¹³² Pitzner-Yorgensen F. *Op.cit.* P.364-365.
- ¹³³ Karger A.Liebmann C. *Sibirien. Strukturen und Funktionen ressourcenorientierten Industrientwicklung* Koln, 1986. S.33.
- ¹³⁴ Известия АН СССР. Серия экономическая. 1986. №6. С.11-21.
- ¹³⁵ Внешняя торговля. 1979. №2. С.27.
- ¹³⁶ *Wirtschaftswoche*. 1981. №46. S.30.
- ¹³⁷ Bethkenhagen Y. Machowski H. *Die Rolle Asiens in der sowjetischen Aussenwirtschaftspolitik // Berichte des Bundesinstituts fur ostwissenschaftliche und internationale Studien*. Koln, 1986. №48. S.28.
- ¹³⁸ Gramatzki H. *Industrialisierung und Kapitalbildung in sibirischen Entwicklungsprozess // Sibirien: ein russisches und sowjetisches Entwicklungsproblem*. Berlin, 1986. S. 151.
- ¹³⁹ Bradshaw M. *Trade and High Technology // Siberia and the Soviet Far East: Strategic Dimensions in Multinational Perspective*. Stanford, 1987. P. 104-105.
- ¹⁴⁰ Roos Yh. *Sibirien zwieschen Okonomie und Politik. Zur Erschliessung der Energietrager Erdol und Erdgas*. Koln, 1984. S.243.
- ¹⁴¹ *Aussenpolitik*. 1981. №4. S.380.
- ¹⁴² Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. М., 1987. С. 41.
- ¹⁴³ Корнилов Г.Е. *Источники по аграрной истории Урала*. Екатеринбург, 1996. С. 8-9.
- ¹⁴⁴ ГАСО. Ф. р-228. Оп. 1. Д. 93. Л. 47-49; Ф. р-677. Оп.1. Д. 47. Л. 42-89; Ф. р-1812. Оп 2. Д. 183. Л. 1-106; Ф. р-88. Оп. 5 Д. 85. Л. 134; Ф. р-1812. Оп 2. Д. 181. Л. 78.
- ¹⁴⁵ ГАСО. Ф. р-677. Оп.1. Д. 49. Л. 127-129; Ф. р-292. Оп 1. Д. 169. Л. 29; Ф. р-1812. Оп.2. Д. 181. Л. 30-57; Ф. р-88. Оп. 5 Д. 41 Л. 194; Ф. р-677. Оп. 1 Д.47 Л. 134-139.
- ¹⁴⁶ ГАСО. Ф. р-1812. Оп.2. Д. 181. Л. 58-59, 90, 100-125; Д. 184. Л. 1-108; Ф. р-677. Оп.1. Д.Д. 50-52, 58, 58-а, 59-61.
- ¹⁴⁷ СУ. 1924 г., № 57.
- ¹⁴⁸ СУ. 1925 г.; № 18; ГАСО Ф. р-88. Оп.5. Д.2. Л. 87.
- ¹⁴⁹ ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.1. Л. 25; Ф. р-677. Оп.1. Д.46. Л. 15-17.
- ¹⁵⁰ ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.60. Л. 35-42; Д.2. Л.91-96; Д.30. Л. 92-95; Оп.14. Д.171. Л. 60-64; Ф. р-233. Оп.1. Д.18-27. Л.235-237; Ф. р-677. Оп.1. Д.47. Л.13-25.

- 151 ГАСО. Ф. р-677. Оп.1. Д.49. Л. 143-154.
- 152 ГАСО. Ф. р-88. Оп.14. Д.171. Л. 16-46.
- 153 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.105. Л. 55-58.
- 154 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.2. Л. 37, 41, 49, 76, 77, 105-107, 117; Д.18. Л.1-15; Ф. р-677. Оп.1. Д.46. Л. 41-43; Ф. р-233. Оп.1. Д.18-27. Л. 30-31; Ф. р-88. Оп.5. Д.108. Л.2-3; Д. 30. Л. 1-15.
- 155 ГАСО. Ф. р-677. Оп.1. Д.46 Л. 41-43; Ф. р-88. Оп. 5 Д.108. Л.2-3.
- 156 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.51. Л. 39.
- 157 ГАСО. Ф. р-677. Оп.1. Д.47. Л.115-116.
- 158 СУ. 1926 г., № 73.
- 159 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.51. Л. 49.
- 160 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.61. Л. 98.
- 161 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д. 58. Л. 1-3.
- 162 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.60. Л. 58-60; Д.58. Л.62-63; Д.61. Л. 177-182; Д. 63 Л. 56-57; Ф. р-677. Оп.1. Д.46. Л.28.
- 163 ГАСО.Ф. р-88. Оп.5. Д.65. Л. 2-3; Д.85. Л.285; Ф. р-677. Оп.1. Д.47. Л.121.
- 164 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.308.
- 165 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.61. Л. 79-83.
- 166 ГАСО. Ф. р-667. Оп.1. Д.46. Л. 29.
- 167 СУ. 1931 г., № 8 ст. 98.
- 168 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.27. Л. 15-16.
- 169 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.26. Л. 9-33; Оп. 14. Д.167. Л.1-2.
- 170 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.27. Л. 27-32.
- 171 СУ. 1932 г., № 10 ст. 49.
- 172 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.27. Л.20, 21, 26.
- 173 ГАСО. Ф. р-88. Оп.5. Д.121. Л.1-17.
- 174 СУ. 1933 г. № 49, ст.209.
- 175 СУ. 1931 г. № 51, ст.413; Постановления Уралоблисполкома. 1931 г. № 60, с. 831-832.
- 176 ГАСО. Ф.р-88. Оп.14. Д. 167. Л. 3-5; Оп. 5. Д. 110. Л. 1-2; Оп. 14. Д. 174.Л. 63-66.
- 177 ГАСО. Ф.р.-88. Оп. 5. Д. 130. Л. 49-50.
- 178 ГАСО. Ф.р.-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 54; Д. 51. Л. 24.
- 179 ГАСО. Ф.р.-677. Оп. 1. Д. 46. Л. 2-5.
- 180 ГАСО. Ф.р.-88. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.
- 181 ГАСО. Ф.р.-288. Оп. 1. Д. 17. Л. 71-74.
- 182 ГАСО. Ф.р.-88. Оп. 5. Д. 136. Л. 43-49.
- 183 СУ. 1933 г. №21, ст.70.
- 184 ГАСО.Ф.р-233.Оп.1.Д.1827.Л.64-70.
- 185 ГАСО.Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.53-55.
- 186 ГАСО.Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.64-65.
- 187 ГАСО.Ф.р-88.Оп.5.Д.108.Л.12-14.
- 188 ГАСО.Ф.р-233.Оп.1.Д.1827.Л.61-63,181-190.
- 189 ГАСО.Ф.р-88.Оп.5.Д.108.Л.1.
- 190 СУ.1932 г. № 33,ст.154.
- 191 ГАСО. Ф.р-88.Оп.5.Д.110.Л.62.
- 192 ГАСО. Ф.р-88.Оп.5.Д.105.Л.49-53.
- 193 ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.257.Л.1168.

- ¹⁹⁴ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.257.Л.545.
- ¹⁹⁵ ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.47.Л.18.
- ¹⁹⁶ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.342.
- ¹⁹⁷ ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.47.Л.124.
- ¹⁹⁸ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.251-253, 259-265; Д.1556. Л. 60-68, 340.
- ¹⁹⁹ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.229.
- ²⁰⁰ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.29-47.
- ²⁰¹ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1552.Л.13-14.
- ²⁰² ГАСО. Ф.р-212.Оп.1.Д.9.Л.149.
- ²⁰³ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1827.Л.143-146.
- ²⁰⁴ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1827.Л.54-56.
- ²⁰⁵ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1827.Л.129-132,147-150,154.
- ²⁰⁶ ГАСО. Ф.р-233.Оп.1.Д.1829.Л.87-91.
- ²⁰⁷ ГАСО. Ф.р-88.Оп.5.Д.105.Л.57-58.
- ²⁰⁸ ГАСО. Ф.р-88.Оп.14.Д.171.Л.23-28.
- ²⁰⁹ ГАСО. Ф.р-88.Оп.5.Д.156.Л.2-3.
- ²¹⁰ ГАСО. Ф.р-228.Оп.1.Д.112.Л.20-28,31,32,36-41; Д.111.Л.1-7.
- ²¹¹ ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.46.Л.12-14,18,37-40;Д.49.Л.45,51,53-54,57,76,88-92,141-142;Ф.р-233.Оп.1.Д.1289.Л.21-22,218-219.
- ²¹² ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.47.Л.18-19.
- ²¹³ ГАСО. Ф.р-88.Оп.5.Д.59.Л.11-12;Ф.р-677.Оп.1.Д.49.Л.119-121.
- ²¹⁴ ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.47.Л.10.
- ²¹⁵ ГАСО. Ф.р-677.Оп.1.Д.47.Л.11.
- ²¹⁶ ГАСО. Ф.р-88.Оп.14.Д.171.Л.15.
- ²¹⁷ ГАСО. Ф.р-88.Оп.14.Д.171.Л.16.
- ²¹⁸ Чурбанов В. Указ.соч.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Выводы сделаны на основе работ: Ориентиры культурной политики. — М., 1993-1995. Вып.1-12. Программирование культурного развития: Региональные аспекты. — М., 1992. Вып.2. Теоретические обоснования культурной политики. — М., 1993.
- ²²¹ Паппэ Я.Ш., Шишкин С.В. Перестройка в сфере культуры: Переход к новой парадигме социально-экономического управления // Социальное проектирование в сфере культуры. — М., 1990. С.126-141.
- ²²² Мамедова Е.В. Регионализм и культурная политика государства. — <http://sitim.sitc.ru/E-books/Journals/sin.edu/st299-ebm.htm>
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Артемов Е.Т. Культурный регионализм в России: исторические корни и современность. // Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте. — Екатеринбург, 1996. С.85-86.

СОДЕРЖАНИЕ

Камынин В.Д. Основные этапы и проблемы изучения истории Ямало-Ненецкого национального округа	3
Федорова Н.В. Север Западной Сибири в древности и средневековье	20
Побережников И.В. Методология изучения истории Ямала XVI—XIX вв.	35
Кодан С.В. Политико-правовые аспекты интеграции коренных народов Сибири в сословную структуру России в 1800—1850-е гг.	52
Туров С.В. К вопросу об экологических факторах миграционных потоков с Русского Севера в Сибирь (XII—XIX вв.)	61
Соколовский С.В. Коренные народы и самоуправление: российская история и международный опыт	66
Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. Академия наук и изучение производительных сил в периферийных регионах страны: методологические основания, организационные принципы и подходы	86
Тимошенко В.П. Российский Север в мирохозяйственном измерении: причины сырьевой специализации	118
Корнилов Г.Е. История Югры и Ямала в документах Государственного архива Свердловской области	132
Малкова И.Г. Концептуальные основы социокультурного развития северных регионов	149
Долголюк А.А. Опыт решения кадровых проблем на севере Тюменской области в 1960-1980-е годы и задачи современного изучения этих вопросов	158
Букин С.С. Социально-бытовые проблемы Ямало-ненецкого округа в контексте перехода к рыночным отношениям	179
Ободяников Е.З. Мировой процесс в XX—XXI вв. Экономическая сущность глобализации и регионализации мировой экономики	194
Дубнов А.П. Циркумпольярные страны Арктического региона в сценариях развития глобализационного процесса. Цивилизационный контекст	207

Научное издание

ЯМАЛ В ПАНОРАМЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Материалы семинара «Теоретическо-методологическое
и методическое обеспечение исследований по истории Ямала»
г. Салехард. 19—22 декабря, 2004 г.

Компьютерная верстка: *Я.С.Недвига*

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.

Подписано в печать 22.12.04. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага *ВХИ*. Гарнитура *Text Book*.

Усл. печ. л. 12,75. Уч.-изд. 13,25. Тираж 500 экз.

Банк культурной информации.

620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.

Тел./факс +7(343) 251-65-26.